

ТИЗЕР

Annotation

Мирон решил подвязать с ночными пати-зарубами, забыть о рейдах, отписаться от каналов с гайдами, фишками и абузами. Пришло время подумать о том, как бы преуспеть на работе, найти нормальное хобби, девушку.

Жаль, что тизер так не считает...

Сажу на кухне, смотрю в ноут. Часы показывают — 7:45.

Рука водит мышку. Кажется, что проснулся только указательный палец. Кладает одну и ту же кнопку, психовано крутит скролл.

Открываю браузер. Первая в списке часто открываемых страниц — почта. Иду туда. Список пестрит непрочитанными сообщениями из фейсбука: Ваш друг поделился новыми фото. Оч круто. Выделяю, отправляю в корзину. В глаза бросается спам со скидками и предложениями удаленной работы. Пробегаю курсором — до свидания.

Остаются письма с буквами THR на красном фоне. Они занимают весь экран и переваливаются на следующую страницу. Темы сообщений одинаковые: Вы стали участником розыгрыша. Последнее письмо подсвечивается, как непрочитанное. Клацаю:

Платеж выполнен успешно. Вы стали участником розыгрыша стандартного пакета TAKE THE RISK. Ознакомиться с расписанием и количеством участников можно здесь — <http://take...> Желаем удачи!

Пропускаю часть текста с реквизитами платежа и ссылкой на скачивание чека. Натякаюсь на лозунг, ставший известным на весь мир:

TAKE THE RISK — первая MMORPG с полным погружением. Присоединяйся к нам проживи еще одну жизнь*. Иди на риск!

* — необходимо проконсультироваться со специалистом. Во время игры пользователь ощущает физические нагрузки и стресс. Информация о критериях годности, стоимости услуг и расположении центров осмотра — <http://takehe...>

Еще ниже предлагают ознакомиться с инфой о кредитовании и рассрочках. Там же читаю ничем не подкрепленные обещания, что в тизере можно еще и бабки поднять. Мол, ходи, кайфуй, лутай все подряд и в легкую выплатишь каких-то 2 499 000 чуть ли не в течение года.

Именно. Ничем не подкрепленная. Тизер (название прижилось от сокращенного TtheR) — один жирный и сладкий секрет того, что происходит внутри. Я перерыл весь инет в поисках хоть одного задрипанного форума с классами, прокачкой или шмотом и не нашел НИ-ЧЕ-ГО. Все они годятся только на то, чтобы поплакаться о зажавшихся козлах, которые просят за игру два с половиной ляма.

Жмякаю по первой ссылке. Алая простыня закрывает экран. Невидимый молоток вколачивает в шапку название игры. БУМ! ТЫДЫЩ! БАБАХ!. В стороны ползут трещины, разлетаются осколки.

Когда я видел это в пятый, десятый и даже сотый раз, сердце ускорялось, а по телу разливалось предвкушение чего-то мощного и крутого. То время прошло. Хмурю лоб от звуков, рвущих динамики. Отвожу взгляд чтобы не видеть дурацкую анимацию. Пятитысячный просмотр вызывает тошноту.

Веду курсор к статистика розыгрыша:

Необходимое количество участников — 10 000.

Текущее количество участников — 76 215.

Цифры подгоняют — 8:07. Хлопаю крышкой ноута. Голые и измазанные штукатуркой стены провожают меня в комнату. Ржут над парнем в трусах и резиновых тапках на два размера больше. Меня это не парит, Полина тут больше не появляется.

Тапки оставляют на полу белые следы строительных смесей. Дом находится в активной стадии заселения, нюхаю краску и слушаю дрель — двадцать четыре на семь. Как бы не старался вычистить ноги, перед тем как войти, по-любому приношу с площадки микс цемента и штукатурки.

Захожу в комнату. Восходящее солнце пробивается через заляпанное побелкой окно. Кактус отбрасывает на линолеум блеклую тень.

Четырнадцать квадратов заполнены надувным матрасом и стулом со спинкой. На полу валяются смятые жестяные банки, упаковка чипсов, коробка от пиццы. Они здесь временно. Хотя-я-я, судя по слою пыли на той бутылке...

Снимаю со спинки стула белую рубашку, галстук, брюки, пиджак. Выглаженные, но слегка затасканные вещи превращают меня в идеального офисного работника. Смотрю время — 8:12. Дверь. Ключ. Замок. Щелчок. Оказываюсь на лестничной площадке.

Пробираюсь сквозь завалы мешков со строительным мусором, переступаю промышленный пылесос. Дорогу преграждает бетономешалка, обхожу, останавливаюсь у лифта. Палец тычет в выпуклую металлическую кнопку, железный ленивец не реагирует.

Иду пешком. Десятый этаж. Двадцать пролетов. Четыре шага на пролет плюс два на площадку. Чуть больше сотни шагов спускают меня вниз. Пищит входная дверь, выхожу на улицу.

Размеренный шаг превращается в страусиную ходьбу. Автобус приедет на остановку в 8:15.

Я снимаю квартиру в пригороде. Панельные девятиэтажки штампуют как карточные домики. Жилье эконома класса, да еще у черта на куличках, подарило надежду молодым семьям и честным работягам стать жителями мегаполиса.

Хозяйка пошла еще дальше, взяла в ипотеку однушку без отделки — двадцать четыре квадрата свободы и независимости. Долг гасит моей ежемесячной пятеркой, тысяч пятнадцать добавляет из своих.

Автобус ждет на остановке. Водитель Игорь, о чем свидетельствует табличка с надписью Игорь на лобовом стекле, открывает последнюю дверь. Забегаю, говорю спасибо поднятой вверх рукой. Поехали. В 9:30 я буду на любимой работе.

Глава 1. Розыгрыш

Заваливаюсь в кабинет. Ромчик и Денис, согнувшись над клавиатурами, показательно жмут кнопки. В кабинете стоит шеф, следит как два парня в спецовках КондейСервис копаются в кондиционере. Белый распотрошенный прямоугольник висит на над моим столом. Комп отставили в сторону, стол прикрыли черновиками А4.

— Драсте, — осматриваюсь, определяю обстановку.

Тонкий Сергей Александрович смотрит через плечо. Острые глаза сканируют снизу-вверх, переключаются на настенные часы. Виновато следую за его взглядом — 9:40.

— Прикинь, Ром! Опять какой-то придурок зайцем ехал. Минут пятнадцать доказывал, что он льготник, — вываливаю очередной отмаз, улыбаюсь.

— Ага, — Ромыч отрывается от моника. Проверяет, не смотрит ли шеф, проводит пальцем по шее. Проглатываю скопившуюся слюну, прячу улыбку. Походу попал...

— Среднее значение закрытых обращений — семнадцать, — монотонный голос Тонкого звучит как приговор. Чувствую, как лицо заливается краской. — Это худший показатель в отделе.

— И-я-я, — вместо привычных звуков изо рта вываливается хрипо-писк. Кладу руку на щеку, чтобы спрятать хоть половину пылающего лица. — Но мои обращения...

— Вместо того, чтобы исправлять ситуацию, сотрудник продолжает опаздывать. — перебивает Тонкий. — Только в текущем месяце — четыре раза. Коллеги должны работать больше, чтобы покрывать его расхлябанность и безответственность. Появляются просроченные обращения. Компания несет убытки. Что мне сказать на управляющем комитете?

Смотрит в глаза. Чувствую, как загораются уши, волосы шевелятся на затылке. Нужно что-то ответить. Неужели он не понимает? Да я же...

— Все дело в кондукторе? Или в изменении расписания? Что там еще? ДПТ? Пробки? Землетрясение? Цунами?

Опускаю голову.

— Мы закончили, — отчитались кондейщики.

— Денис, проверь, чтобы кондиционер функционировал согласно заводских норм! — отчеканил шеф на языке банкоматов. — Напиши мне в почту, все ли в порядке, я подпишу акт.

Кондейщики слезли со стола. Возвращают на место комп, убирают отпечатанные подошвами листы. На столе остается грязь. Один из них лезет в рюкзак, достает влажные салфетки.

— Спасибо, молодые люди! — Тонкий возвращает к себе внимание. — Вы свободны. Мы сами все уберем.

Работяги сваливают, ехидно улыбаясь мне в лицо. Протираю стол, плюхаюсь в кресло. Башка горит, как факел. Эти два задрота с опаской выглядывают из-за моников.

— Слушай, Мир...

Вскидываю ладонь, обрывая Ромчика на полуслове. Не сейчас. Просто потупите в свои компы или почитайте форумы. Не надо.

Бородатый пухляш опускает добрые глазки, пальцы стучат по клав.

Компания занимается продажей корпоративных информационных систем. Мы — отдел поддержки. Обращения фиксируются в специальной софтине, Тонкий распределяет их между нашей троицей. Не знаю, почему этот ублюдок так меня невзлюбил, но обращения из разряда: я тут что-то нажала и появилось окошко, что делать? достаются Роме; помогите найти путь к первичным документам и отфильтровать их по поставщику — Денису; а абракадабра типа тут все неудобно, хочу нажимать вот эту кнопку, чтобы открывалось это, показывалось то, считалось вот так, да и вообще, хочу нажимать одну гребаную кнопку и курить целый день направляются мне любимому.

Ромич закрывает в день штук шестьдесят. В половине делать вообще ничего не нужно. Деня — тридцать-сорок. Если я потею целый день и обедаю, просыпая крошки на клавиатуру, то сделаю двадцать.

Злость на пару с обидой разрывают изнутри. Написать заявление и ткнуть ему в рожу! Посмотреть, как этот придурок тогда запоет.

Сжимаю зубы. Смотрю, что сегодня по задачам. Пять раз перечитываю одну и ту же, пытаюсь догнать, чего хочет пользователь. На десятом-двенадцатом слове мысли улетают к озлобленной роже Тонкого. Фантазирую, как должен был пройти наш разговор:

— Среднее значение закрытых обращений — семнадцать...

— Закрой свой рот, урод! — тычу пальцем ему в лицо. — Если тебе не хватает мозгов равномерно распределить работу, то это не мои проблемы!

— Мирон...

— Да заткнись, сука! Иди в свой пропахших тройным одеколоном кабинет, закройся и мастурбируй, глядя на экраны камер в бухгалтерии.

— Но...

— Да, если бы не я, мля! Весь твой гавеный отдел не продержался бы и недели! А тебя прилюдно выпороли бы на управляющем комитете и отправили менять картриджи в принтерах.

— Ладно... Извини. Я погорячился.

— Я о том же!

— Я-я..., - мнется с ноги на ногу. — Подумаю над повышением твоего оклада. Как насчет, скаже-е-ем, в четыре раза?

Раздраженно киваю головой.

— Могу выбить тебе корпоративную двушку в десяти минутах от офиса?

— Было бы неплохо, — бросаю огрызок одобрения.

— Служебная машина?

— Да, давай.

— Водитель?

— Ну, можно.

— Слушай, у меня дочь красавица. Если хочешь, то я устрою...

— Все, все, — улыбаюсь и показываю пальцем на дверь. — Не перебарщивай. Дай мне делать свое дело.

Мысленно унизил Тонкого и сразу полегчало. В реальность меня возвращает звук входящего сообщения. Чекаю ВК:

Здоров, мужик! Ты сегодня в розыгрышше участвуешшь??77? — неделю назад Димон пролил на бук пиво, западают ш и 7.

Да, последний раз.

Ага) Три месяца назад тоже самое говорил))) У меня есть два промо-кода за 500. Можно увеличить шансы вдвое. Бушшшш???

Хз

Лови — 4526554225THR523FH. Мне второй все-равно не нужен. Они действуют только на этот розыгрышшшш.

Спс

Вечером в скайпе?

Да, давай

Возвращаюсь к обращениям. Поехали. Закрываю одно, второе, третье. Покончил с одиннадцатым, когда пришло время обедать. Спускаюсь вниз, отваливаю 300р на бизнес-ланч. Лифт тащит меня обратно. Закрываю еще десятку, откидываюсь в кресле.

— До завтра, Мирон! — парни уже сваливают. Похоже я снова безнадежно провалился в работу.

— Пока, гайз..., - мямлю в закрытую с другой стороны дверь.

На душе приятное ощущение выполненной работы. Получил нагоняя и сделал в полтора раза больше, чем обычно. Улетучилось желание увольняться. Может в чем-то банкомат и прав. Все же я часто опаздываю. Наверное, не такое уж он и дерьмо. Наверное...

Выключаю кондер, тушу свет. Щелкает сердцевина замка — кабинет закрыт до завтра. Спускаюсь.

На улице — начало лета. Дни стали длинными, пропало ощущение, что всю жизнь проводишь на работе. У людей появились лишние два-три часа, до того, как ночь накроет город.

Я снял пиджак, теплый ветер треплет рубашку. Пофигистическая походка меряет расстояние до подземки. Впереди на земле валяется желтый предмет — яйцо киндер-сюрприз. Превращаюсь в Лионеля Месси. Короткий разбег, подбор ноги, замах, удар! Яйцо пролетает метров десять, врежется в урну и рикошетит на дорогу. Умчавшаяся вдаль тачка приготавливает из него глазунью.

Бабушка на автобусной остановке пялится озлобленными шарами для бильярда. Прохожу мимо, чувствую ее ненависть. Она едва сдерживается, чтобы не ляпнуть в спину, какая хреновая растет молодежь.

Плевать. Три-четыре года назад мы с одноклассниками творили такую чернь. Бабушка скопытилась, если бы узнала хоть малую часть.

И когда я успел стать таким задротом? Меня же называли чуваком, который влетает в драку с ударом ноги. А скольких девчонок я знал в общежитии? У меня было две симки и три аккаунта в соцсетях, чтобы разгружать перегруженный трафик хождений Мирона.

Потом резко ГОСы, диплом, выпускной. Друзья разъехались, женились, стали крутыми боссами и закладывающими за воротник упырями. Выкинул вторую симку, а входящие звонки на первую превратились из потенциальных возможностей затусить, в проблемы на работе и скучающий голос мамы.

Спускаюсь в метро, проталкиваюсь через сопротивляющиеся двери. Прохладный поток воздуха обдувает, словно в стерилизационном отсеке из фильма про вирус или эпидемию. Достāju проездной. Пищит турникет. Падаю в вагон.

Через час с небольшим я в гипермаркете, что недалеко от дома. Беру четыре банки пива, сосиски и хлеб. На часах 20:11, розыгрыш начнется через пятьдесят минут.

Без двадцати девять я становлюсь собой. Второсортная пища варится в молодом,

крепком желудке, заляпанная жиром майка спасает от оков корпоративного дресс-кода. Короткие шортики нелепо смотрятся на длинных худых ногах, но зато сколько пространства для маневров. Помимо двух широченных входов, есть еще дырка в левом кармане. Чеши — не хочу!

Хлопок сопровождается шипящим звуком. Жестянка примыкает к губам, делаю три сочных глотка. Каеф!

Чекаю ВК. Пусто. Будоражащая и приятно волнующая единичка редко появляется рядом со вкладкой сообщения. А если и есть, то это стопудово от Димаса. Раньше еще Полина писала, но последнее от нее было три месяца назад.

Иду в сообщения. На первой строке лежит беседа с Дмитрием Колким, на второй — с Полиной Мотыль. Жму рядом с ее миленькой мордашкой. На голове заплетена гулька из коричневых волос, они оголяют высокий лоб. Милая улыбка и малюсенькие ушки. Помню их запах и вкус. К горлу подступает ком.

Десяток нажатий Ctrl+home и я в начале беседы. Выборочно читаю отрывки, кручу скролл:

Привет:)

Привет!

Как дела?:-)

...

Может сходим куда-нибудь?:)

Давай! Только не японская кухня:)

...

Потрясающий вечер! Все было здорово:)

Рад, что тебе понравилось. Спокойной ночи. Целую:)

...

Приезжай вечером ко мне. Наконец-то увидишь берлогу, о которой я столько рассказывал;)

Ладно) Пора посмотреть на это чудо за 5к) Готовь ужин! Люблю тебя...

И я тебя. Тапочки захвати, которых не жалко:)

...

Мирчик! Е-е-е-е! Я достала два халявных билета в театр! У-у-у-у-ху!:) Приезжай к восьми!

Поль, ну я же говорил! Мы с Димасом марафон устраиваем:(Шесть банок пива и заруба до утра! Какой театр?

Ну перенеси свой марафон! Ты в театре хоть раз был?:0

Мы уже договорились. Сходи с Ленкой.

...

Меня это уже достало! Тебе интересно хоть что-нибудь, кроме мультяшных монстров и твоего Димаса?

Да это же типо хобби! В чем дело? Хватит истерить из-за всякой фигни. Мы поиграем пару часов, потом я приеду

Если не приедешь сейчас, то потом, ты тут нафиг не нужен!

Все. Мы начали. Не бурчи:)

...

Что значит расстаемся, Поля? Из-за чего?!

Жаль, что ты так ничего и не понял...

Давай я приеду, поговорим? Я не хочу расставаться из-за таких пустяков. Я люблю тебя!

Все, Мирон. Извини, но я больше не отвечаю на твои сообщения. Ты найдешь себе кого-нибудь, кто разделит твои интересы. Пока...

Дальше перечитываю монолог чемпиона мира по размазыванию соплей. В основном он состоит из слов: прости, люблю, изменяюсь, не могу без тебя, ненавижу и пошла ты нахрен, сука! За этот кусок мне очень стыдно.

В пять огромных глотков опустошаю банку. Закрываю беседу.

20:50 — цифры в правом нижнем углу отвлекают от грустного. Вспоминаю про промокод. Отвалить пятихатку за увеличенные вдвое шансы? Погнали! Вбил реквизиты, код подтверждения. Булькнула смс о списании средств.

20:55. Димас звонит в скайпе. Поднимаю.

Для нас это стало больше, чем просто розыгрыш. Мы грезим этой игрой, и таких как мы — миллионы. Ознакомительные ролики на официальном сайте набрали больше четырех миллиардов просмотров! Только Я, сто пятьдесят раз их смотрел.

Обычно, трейлеры делают круче, чем картинка в игре, но если графика в тизере будет хоть на десятую часть совпадать с тем, что показывают разработчики, то два с половиной мульты стоят того. Все выглядит реальнее некуда. Не верится, что это нарисовали люди. Кажется, что тебе впаривают видео, где паркурщик скачет с гоупро по пересеченной местности.

Розыгрыши превратили в шоу. Этакая лотерея с задорным ведущим. Подтянулись видеоблогеры. Даже самые ленивые и бездарные обзавелись парой тройкой, а то и десяткой тысяч зрителей. Количество участников редко переваливает за восемьдесят тысяч, а вот число зрителей почти всегда превышает отметку в миллион.

21:00. Ехала! Слышу, как Димас отстреливает пробку с пенного. Тянусь за своей банкой.

Систему проведения подстроили под зевак. В каждом раунде компьютер случайно отсеивает двадцать процентов. Оставшиеся счастливицы чувствуют себя спортсменами, которые переходят в следующий раунд. Офигенное ощущение. От тебя ни хрена не зависит, но все преподнесено так, как будто ты идешь через препятствия к своей цели. Однажды я оказался в семи сотнях, а это, к слову, меньше, чем полпроцента. Рекорд Димона — пять тысяч.

Смотрю окончательное количество участников — 81 562. Десять, девять, восемь..., два, один. Поехали! Ба-Бам! Таймер вынес приговор шестнадцати тысячам.

— ТЫ В ИГРЕ?! — почти одновременно орем в скайп.

— Да!

— Да!

Улыбаюсь. Подкатывает доза адреналина. Паузы между первыми кругами длятся не больше тридцати секунд...четыре, три, два, один. Бам! Еще тринадцать тысяч — в топку!...три, два, один. Бам! Минус десять!.. два, один. Бам! Восемь с половиной — в урну!

Десять кругов пролетели в режиме блиц. Мы оба все еще в седле, такое случается впервые. Участников остается чуть меньше девяти тысяч. Ведущий объявляет первую паузу.

Никотинозависимые бегут курить, пивомзаправленные — ссать. Ведущий жмет кнопку. В студии раздается длинный гудок. Комп звонит случайным участникам розыгрыша, они делятся эмоциями. Мы с Димасом с замиранием сердца ждем голосов счастливиц, чтобы от души с них поржать. Контингент, который отвечает на звонки, делим на три группы:

тупо-няшки, трясущиеся задроты, бухичи (пятничный вечер как-никак). Слушаем пять-шесть звонков, столько же пожеланий удачи. Хохочем. Продолжаем.

Следующие десять кругов комп будет отсеивать уже по тридцать процентов. Напряжение возрастает. Чувствую, как отношение к происходящему от постебемся пятничным вечером и пойдём катать в КС постепенно меняется до твою мать! а шансы то есть!.

Ведущий запускает рулетку. Музыка в студии с задорного ковбойского кантри меняется на эпик смесь из барабанов и мощного женского голоса. Кажется, что в студию вот-вот ворвутся орды Сарумана.

— Три! Два! Один! — орет ведущий вслед сменяющимся цифрам.

Бам! Две с половиной тысячи могут заниматься своими делами. Мы все еще в упряжке. Разговоры в скайпе почти прекращаются. Слышу в основном клацанье его мышки и клокочущие глотки. Наши переключки превращаются в обмен информацией между бойцами спецподразделения Альфа:

— Ну?! — шипит Димас.

— Я прошел, — сжимаю зубы, чтобы скрыть девичье предвкушение перед концертом Джастина Бибера.

— Тоже, бя! — Димон позволяет себе больше, но тут же гасит запал, — Все! Тихо!

Еще через пару кругов мы бросаем в чат без эмоциональные да. Детское суеверие, что чем больше треплешься, тем меньше шансы, превращается в не требующую доказательств догму, постулат, аксиому.

Накаркаешь, сплунь и постучи по дереву перестали быть просто приметами, теперь это конкретные инструменты для достижения цели.

Прошел восемнадцатый круг. Что-то щемануло в груди. Капли холодного пота стекают с подмышек. Понимаю, что левая рука уже пять минут сжимает покореженную банку. Ослабляю хватку. На том конце слышу томное дыхание.

— Димон, сердце выдержит? — вспоминаю, что он недавно ходил к врачу с болями, разряжаю обстановку.

— Жив, пока! — смеется в ответ.

— Пятьсот четыре человека, мужик! — слегка подбадриваю.

— Да, заткнись, ты!

Чувствую, как потрясывает руки. Последний раз так билось сердце... Когда? Наверное, когда Полина выходила из туалета с экспресс-тестом. Увидел одну полоску, и сковывающий страх исчез. То же самое случится и сейчас, если увижу на экране надпись: К сожалению, вы покидаете розыгрыш.

Проходит еще один круг. Надписи нет. Молчу. Молчит и Димас. Его не выбило — я бы точно услышал пару сочных фраз. Прекратились щелчки. Только голос ведущего шумит на моей кухне.

Закончился девятнадцатый круг. Игру приостановят после двадцатого, но пауза нужна прямо сейчас. Была б моя воля — я бы остановил этот гребанный розыгрыш на неделю! Кажется, именно столько понадобится, чтобы отдышаться, и остановить эту вибрирующую штуку внутри меня. Но тайм-аут попросить нельзя. Ведущий неумолимо давит: пять! четыре! три! два! ОДИН! Закрываю глаза...

Открываю. Двести сорок семь человек. Ведущий объявляет паузу.

— ДА НУ НАХЕР! ЭТО ВООБЩЕ ЗАКОННО?! СУКА! ДВЕСТИ СОРОК СЕМЬ!

ТАКОЕ ВОЗМОЖНО?! ЭТО ЖЕ..., - Димона прорвало. Вопли помогли справиться с резким возросшим уровнем адреналина. Успокаивается. — Мирон, ты тут?

— Да, мужик, — улыбаюсь, тянусь за последней банкой. Я бы тоже поорал, но момент безвозвратно упущен.

Ему хватило моего да, мужик. Больше Дима не дал мне вставить ни слова. Просчитывал вероятность того, как мы оба оказались так близко к призу, рассуждал на каком круге все закончиться, снова и снова орал что-то бессвязное, о том законно ли это и как такое возможно.

Ведущий снова развлекается с участниками. Приходит мысль, что шансы увеличились настолько, что придурочный голос в зале может оказаться моим или Димона. Ведущий беседует с четырьмя парнями, мы больше не стебемся. Где-то глубоко внутри зарождается чувство конкуренции. Ловлю себя на мысли, что ненавижу две с половиной сотни уцелевших. Каждый из них тянет свои грязные ручонки к нашему тизеру.

— Это был последний звонок перед заключительной частью! — рвутся колонки. — Теперь компьютер будет отсеивать половину! Мы продолжаем!

Пошел отсчет. Вытягиваюсь, словно тигр перед прыжком. Левая рука обхватывает прохладную банку. Фокусирую взгляд на цифре 247. Закрываю глаза. На заднем фоне, за сильным голосом ведущего, слышу давай, давай, давай.... Димон вываливает их со скоростью три давай в секунду.

— Два! один! — ведущий затихает, комп решает нашу судьбу.

Открываю. К сожалению, вы покидаете розыгрыш.

Позвоночник-лом гнется, как прут. Я превращаюсь в горбуна. Потная ладонь сползает по банке, локоть падает со стола. Рука болтается вдоль тела. Откидываю голову назад. Выжат, как лимон, тело охватывает ощущение проделанной впустую работы. Как-будто поклеил обои, сел на табуреточку перекурить, смотрю, а они — вверх ногами.

— Я все Димас...

— Давай, давай..., - шепчет. Похоже не услышал.

Как же не хватает кресла со спинкой. Сейчас бы растекся и сразу полегчало. Пытаюсь поудобнее устроиться на шатающемся островке древесины. Дерьмо. Встаю, рука машинально хватается за банку, опускаюсь на пол. Ребра радиатора впились в спину, затылок делает тихий бум о полу трубу.

Раздражает рев ведущего и яркое мерцание экрана. Вставать, чтобы сделать потише — впадлу.

— Давай..., - прорывается сквозь барабанный бой. Еще чуть больше накала и хоть в жертву кого-нить приноси.

Смотрю на грязные резиновые тапки. Нужно новые купить. Что там по бабле? Вспоминаю про полтора куска, которые отвалил за розыгрыш. Внутри все сжимается, по телу пробегает легкая дрожь. Это сколько я туда бабок влил?! Перестал считать три месяца назад, когда добрался до полтинника. К сегодняшнему дню обеднел тысяч на шестьдесят, может больше. Лучше бы в Египет слетал.

Бульк — раздается звук из скайпа. Димон положил трубку. Походу тоже отыграл. Расстроился, наверное.

Сегодня не до игр. Допью пиво, отнесу ноут в комнату. Надувной матрас встретит шуршащим уютом, одеяло спрячет от голых стен. Включу любимую серию Саус Парка и вырублюсь еще до того, как Картман успеет зайти в школьный автобус.

Покальвания в ягодицах сообщают, что если просижу еще пару минут, то бетонный пол деформирует задницу безвозвратно. Переворачиваю банку, собираюсь с мыслями встать.

— ИИИИии-и-и-и, встречайте! Победитель сегодняшнего розыгрыша! — орут динамики.

Перевожу взгляд на бук. Экран в студии несколько раз моргает, ведущий успокаивает зрителей: Секундочку! Секундочку! О, кажется, теперь все в порядке!. Идет звонок. Трубку поднимают мгновенно. Скольжу взглядом по стене в комнате победителя, оклеена матовыми черными обоями, висят красные плакаты с надписями TAKE THE RISK. Переними сидит Дмитрий Колкий. Разбросанные в стороны волосы, крошки на майке и бледное лицо. Он улыбается улыбкой душевнобольного.

— Поздравляю, Дмитрий! Пожалуйста, расскажите, что Вы чувствуете!

— Мирон..., - шепот друга уставший и слегка хриловатый. — ЭТО ПИЗ...Ц!

Глава 2. Тизер

Проснулся с привычной болью в башке. Суббота. Во рту неприятный спектр кисловатых вкусов и сушняк. Подношу телефон к глазам — начало десятого. Дотягиваюсь до пробела, ноут не реагирует. Конец зарядника валяется в метре от заветного отверстия, как будто он в крошечной темноте искал дорогу домой, но кончились силы.

Было бы классно поваляться еще минут двадцать, послушать болтовню мультяшек. Пересиливаю лень, разъем оказывается в гнезде. Запускается кулер, жужит винт, бук откликается цифровыми писканиями. Восстановить закрытые вкладки? Да, погнали. В браузере показывается просмотренная серия, но я не помню, чтобы ее смотрел. Жмякаю повторить, давящую тишину заполняет озвучка от Локдога.

Знаю почти все реплики, не говоря уже о сюжете. Заранее настраиваюсь перед смешными сценами и от души ржу. Половина десятого. Есть еще полчаса, чтобы умыться, приготовить чаек и парочку бутеров. В десять я должен быть на кухне, в кресле профессионального киберспортсмена.

Димас нароем что-нибудь из последних фишек, и мы пойдем в харду унижать облизываемого саппортами кери. Четыре-пять игр поднимут нам ПТСики. Потом мы устанем от одной и той же связки, пикнем роумящих саппортов и с криками дави за тавер! сольем весь заработанный рейтинг.

Предвкушение прекрасного дня ломают вчерашние воспоминания. Не сон ли это был? Подрываюсь, иду на кухню. На столе — фольга от шоколадки и на треть опустошенная бутылка коньяка. Пятизвездочный Арарат полгода ждал своего часа. Значит не сон...

Что вчера было? А, да! Я сидел за столом, изредка наклонял бутылку и слушал бесконечный поток Димаса. О том, что его ждут в офисе для оформления бумаг, о том у него есть отличное место для капсулы, где его никто не будет беспокоить, о том, как он мать твою счастлив, и как будет рвать и метать. Говорил о судьбе и шансе, что просто обязан был выпасть ему, о том, как он охренел, когда звонили в скайпе, и выглядел как debil, когда ляпнул то самое слово.

Разговор закончился сожалениями, что Димас не выиграл сразу две капсулы, и пьяными обещаниями найти или выбить крутейшую пуху, которую продаст за три ляма, чтобы мы играли вместе.

Настроение колеблется между радостью от лютого подгона лучшему другу и грустью от того, что наступил конец нашим марафонам. Весы настроения нерешительно замирают, но дрянное чувство зависти, качает их в сторону депресняка и желания нажраться.

Делаю чай и бутеры, подо мной скрипит табуретка. Чекаю статус Димона в скайпе — Не в сети. Пожалуй, сегодня можно не ждать. Играть одному — нет настроения. Запускаю стрим. Матерый катала на тинкере унижает неопытных геймеров — годный контент. Можно не задумываясь смотреть, как психует вражеская команда, предпринимая уже пятую попытку гангнуть его из смоков. В очередной раз ничего не выходит, трое из них отправляются в таверну, после чего пишут в общий чат наполненные гневом гребанный стример и мудак со скриптами.

Из комнаты доносится рингтон. Пустоту внутри заполняет беспокойство. И когда телефонный звонок перестал быть маленьким счастьем, к которому бежишь сломя голову?

Любой заранее не оговоренный входящий воспринимается как вестник чего-то плохого. Начальник тащит в выходные на работу? Хозяйка избавляется от квартиранта? Проблемы дома? Все ли в порядке с мамой?

Лечу за мобилой. Димас звонит. Поднимаю:

— Да?

— Дарова, Мирон, — голос тихий.

— Привет?

— Че делаешь? — тянет. Понимаю по голосу, что что-то случилось.

— Да так — ниче. Ты как? Что с голосом?

— Я в говне, мужик...

— Не понял? Что случилось?!

— Эти мудаки сказали, что мой мотор не в порядке. Какие-то шумы и тому подобное, — Димон замолчал. — В общем... Меня не пускают в тизер...

— Твою мать!

— Да... и договориться с ними не получится. Про операцию на сердце говорили. Короче, в заднице я...

— Мне жаль, чувак. Правда! — глотаю слюну. — Кто, если не ты, должен быть там?

— Они предлагают выплатить баблом.

— Фууу! — выдыхаю. — Ну и ништяк, подлечишься...

— Но ты же знаешь, — перебивает. — Что я с тобой так не поступлю?

— Да иди ты! — перехватывает дыхание, вспыхивает лицо. — Бери бабки — не тупи! Я подвязываю с играми. Все! Хватит!

— Ты должен!

— Ничего я не должен! Итак, все просрал! Залезу в капсулу и тебя потеряю. Бери бабки. Димон!

— Нет! Собирайся и езжай сюда. Я стопудово умом тронусь, если не узнаю, что там внутри! Да и ты тоже! Сколько раз эти долбанные ролики смотрели?! Двести? Триста?!

— Слушай...

— Это ты слушай, Мирон! Хрен с ними, с бабками! Ну не заработал же я их Любопытство раздирает. Не могу продать. Хоть убей — не могу...

Открываю рот, но сказать нечего. Дышу в трубку.

— Давай. Подваливай. На месте поговорим, — делает паузу. Убеждается, что аргументов против больше нет. — Ща адрес скину.

Опускаю телефон. Чувствую, как мозг превращается в мясорубку, которая перемалывает сотни поступающих мыслей. Мозг отделяется от тела. Мирон ходит по квартире, ищет чистые носки, расчесывается, а я только и успеваю отбиваться от нападков на себя самого. Телефон вибрирует в руке, стою рядом с дверью, готовый выдвигаться. Следующая вибрация выводит из ступора на первом этаже: Вас ожидает серебристая 12-ая № 551. В памяти остаются только короткие отрывки, все остальное — пелена.

Прыгаю в тачку. Говорю адрес. На секунду отвернулся, чтобы понаблюдать за пролетающими мимо домами и магазинчиками, водила трясет за плечо:

— Э-э-э-й! Слышишь?

— А?! Чего?

— Приехали, говорю! Триста девяносто!

— А? — осматриваюсь. — Ага. Сейчас. Минуту.

Хз как мы сюда телепортнулись, но стоило это меньше четырех сотен — не дорого. Выползаю. Пятиэтажный центр с белым фасадом, обрамленный красными линиями выделяется на фоне остальных зданий. Силуэт Димаса топчется у входа, пускает дым.

— Дарова, — жмет мне руку. — Быстро ты.

— Ага, — у самого ощущение, что не прошло и пяти минут.

— Ну что, погнали?

Киваю — похоже потерял возможность здраво мыслить. По дороге он спрашивает есть ли у меня деньги — тест на пригодность платный. Хлопаю по карманам, карточку взял, вроде. Оказываемся у стойки.

— Это он, — говорит Димон.

Дальше все происходит очень стремительно. Даю паспорт, сую карточку в терминал, ввожу пин-код. Приходит смс — я только что слил 9к. Ставлю четыре закорючки. Какой-то чувак ведет меня к капсуле.

Помещение с приглушенным светом застелено поролоновым полом. В дальнем углу стоит раскрытая ракушка, к ней тянутся трубки и провода. Подходим.

— Раздеваетесь до гола. Вещи можно оставить там, — указывает на лавку за ширмочкой. — Ложитесь в капсулу. Сначала будет прохладно, но вы быстро привыкните. Как устроитесь, нажмите эту кнопку. Капсула закроется. Клаустрофобии нет?

— Не, вроде.

— Это не имеет особого значения. Самое главное — не паникуйте. Капсула слегка сдавит Вас. Возникнет желание пошевелиться, но ничего не выйдет. Потерпите секунд тридцать. Это ощущение пропадет, как только мы Вас подключим. Встретимся внутри, — губы разъезжаются в поздравительной улыбке.

Дожидаюсь, пока чувак закроет за собой дверь, скидываю кроссы. Ноги чувствуют приятные пупырышки на полу. Покрытие похоже на ковер-татами.

Через двадцать секунд я, защитно скрестив руки на сонном дружке, топаю к капсуле. Обе ее части похожи на водяной матрас. Ни разу в живую не видел, но почему-то приходит в голову именно он. Голубая жидкость обтянута прозрачным силиконовым материалом. Надавливаю рукой. Плотность гораздо больше чем у воды, это скорее — желе или кисель. Ладно, погнали.

Залажу. Вспоминаю его слова: сначала будет прохладно. Как же лайтово он описал это отвратительное ощущение. Как бы это получше... вот если голая задница садится на кожаный диван, на который пролили газировку, и она наполовину высохла. Кайф, короче.

Кое-как разместился. Холодно. Жму кнопку над головой. Капсула закрывается. Темнота. Слышу звук работающих насосов, половинки расширяются и сдавливают, делают это монотонно и непринужденно. В какой-то момент кажется, что если никто их не остановит, то меня расплющит.

— Эй! Э-э-й! — опять кто-то трясет за плечо.

Открываю глаза. Ну нахер!. Лежу на медицинской койке. Мужик, который говорил, что в капсуле будет холодно, трясет за плечо.

— Очнулся, малыш? — он в белом халате, на носу узкие очки.

Какой в жопу малыш? — хмурю брови, внимание захватывает окружающий лес. Мы среди величественных сосен и дубов, на поляне, где кружат бабочки, стрекочут кузнечики и, могу поклясться — пахнет сиренью.

— Вижу, что очнулся, сладенький! Поднимайся, — он трогает меня за предплечье,

касание нежное и теплое.

Че, бля? — одергиваю руку.

Встаю. Босые ноги упираются в прохладную плитку. Чувствую, как она давит на меня с той же силой, что и я на нее. Осматриваюсь. Посредине поляны, которую заботливо обогревает полуденное солнце, выложена бетонная плитка. Вокруг — медицинское оборудование, шкафы, капельницы, инструменты. Метрах в семи сидит женщина, тоже в белом халате. Уткнувшись в ноут, клацает кнопки.

— Зайчик, лови трусики! — слышу мягкий голос мужика. Что-то мягкое прилетает в плечо, рефлекторно хватаю. — Тут девушка, а ты в чем мать родила...

Ёёё-маё! — краснею, отворачиваюсь забывшей что такое загар задницей. Напяливаю трусы. Вторая нога не попадает в колошину, меня кренит... твою ма-а-а! Сильная рука этого придурка вовремя поддерживает и без особых усилий ставит на ноги, будто я невесомый пластмассовый манекен. Опять чувствую его теплое касание и бархатную кожу. Лучше бы упал!

Отходит. Я подношу руку к лицу. Выгоревшие волосики колышутся теплым ветром. Это не может быть игрой...

— Иди сюда! — зовет мужик.

Бетонные плиты со всех сторон окружены зеленой травой. Он стоит на ней босиком, его ухоженные пальцы делают детские загибающие движения.

— Постой тут! — лыбится.

Иду. Оу-у-у! Потрясно! Солнце поджаривает тело, а прохладная трава остужает и приятно щекочет стопы. Вращаюсь на месте, как башенный кран.

— Молодец, хлоп! — он поощряет меня хлопком по заднице. СТОП! ЧТО?!

— Су-у-у-ка-аа! А-а-а, ты-ы, не охренел! — первые слова звучат, будто говорю под водой, а последние — уже нормальным языком. Разворачиваюсь, непроизвольно сжимается кулак.

— Умница! — пидрила проводит пальцем мне по губам.

— Ну все, сука!

Бросаю правый боковой, мужик блокирует. В руке появляется что-то блестящее. Скальпель! Делает едва уловимый выпад. Кожа на моем предплечье разъезжается. Белое мясо в образовавшейся впадине покрывается красными точками, превращается в сплошной поток крови. Сразу за ним чувствую обжигающую боль!

— А-А-а-а! Ты че творишь?! — покрываюсь гусиной кожей. — Что за херня!?

— Все в полном порядке, — прерывает меня женщина. — Не кричите, пожалуйста. Вы совершенно здоровы. Капсула распознает Ваши чувства, в том числе самые скрытые, такие как страх или отвращение. Чувствительность в норме, речь тоже. Вы получаете доступ в основной мир. И, еще кое-что...

БА-БАХ! — что-то взрывается у меня прямо возле уха. Шарахаюсь, едва не падаю на землю.

Позади стоит этот отсаженный псих. Рука сжимает двуствольное ружье, оно смотрит в небо. Из дула тянется дымок.

— Спасибо, Толя, — продолжает женщина. — Теперь все. Я предпочитаю стандартные сценарии тестирования, но сегодня ты превзошел сам себя. Отличная работа. И кстати, у тебя точно есть девушка?

Разгадываю нехитрый ребус. Догоняю. Уродец специально устроил весь этот педоцирк,

чтобы вывести меня на эмоции. Интересная работенка...

— Похоже, Толя профессионал по мужским жопам, — подливаю, чтобы хоть как-то возместить унижения. — Без опыта так не сыграть.

— Зря..., - голос за спиной потерял тонкие нотки, снова стал мужским. — Могли ведь просто отключить.

Поворачиваюсь. Ружье смотрит мне в живот. БА-БАХ!

Не больно. Падение с высоты полутора метров показалось легкой тряской. Внутри что-то перестало работать, потемнело в глазах. Пытаюсь втянуть воздух — ничего не получается. Вырубаюсь.

Меня выпроводили из центра также быстро, как и запихнули в капсулу. Спросил на стойке, положены ли мне какие-нибудь бумаги, сказали — нет. В систему внесли информацию и отметили, что теперь я могу попасть в тизер. На этом полномочия центра закончились. До свидания.

Толкаю стеклянную дверь. На лавке ждет Димон, снова курит. Говорю, чтобы завязывал, итак с мотором проблемы. Он отмахивается и наперебой спрашивает прошел ли я. Киваю, вижу широченную улыбку.

На лавке просидели часа два. Он рассказал, что ему разрешили лишь поглазеть по сторонам. Мужик придерживал рукой, пока женщина пялилась в бук. Секунд через тридцать сказала, что нужно отключать. Даже встать не дали. Лес, бабочки, запах — все по-настоящему — с сожалением произнес он.

Я рассказал про свою пидопроверку, резаную рану, боль и выстрел из ружья в упор. Димон охал и ахал, слушая, а потом минут десять проклинал свое никчемное сердце. Жалко его...

Димона снова понесло. Глядя на решительный настрой, мне оставалось только кивать и соглашаться на его условия — меньшее что я мог сделать, чтобы вытащить друга из депресняка после величайшего облома тысячелетия. Капсулу установят в его гараже уже завтра. По документам, владелец капсулы — он, на меня оформляем годовой аккаунт, который к слову стоит девяносто девять кусков. После каждого сеанса в подробностях рассказываю, что случилось, советуюсь по прокачке и крафту шмота. Если возможно, то выношу логи и записи игр. Иногда катаю с ним, как в старые-добрые.

После каждого условия он спрашивал, согласен ли я, и, не дожидаясь ответа, продолжал. Я в свою очередь осмелился выдвинуть встречное требование:

— Ты должен подвязать с этим дерьмом, мужик. Курево конкретно тушит мотор.

— Слушай...

— Никаких, слушай! Это мое условие, — заглядываю глубоко под брови. — Идет?!

После небольшой паузы вдариваем по рукам, разъезжаемся по домам. Пара банок пива, сваренные макароны и куриные стрипсы. Предложил Димону во что-нибудь покатать, тот отказался. Четыре часа провел в гараже, устал, разбирая хлам. Валяется и попивает колу, под ставший классикой Властелин колец.

Я же в очередной раз полез в сеть, чтобы нарыть хоть что-нибудь о тизере. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Форумы содержат лишь догадки и предположения, а официальный сайт — будоражащие лозунги и осточертевшие видеоролики. Просмотрел один из них еще разок. Сомнения в том, что разработчики запилили ролики круче чем игра, пропали.

Единственная обратная связь от игроков — отзывы, но они лаконичны и не содержат

никакой информации. Из разряда: Больше чем игра... или Еще одна жизнь за два с половиной мультя? — Слишком дешево! или Как жаль, что я не могу это описать....

Пора завязывать. Закрывая кучу открытых вкладок, наткнулся на форум, где меня как-то развели на шукарь. Сайт с доменом очень похожим на официальный форум выглядел в таком же стиле: проламывающие монитор буквы и те же лозунги. Там есть платный раздел. За тысячу рублей можно получить доступ к информации об игре.

Я заплатил в свое время, а потом с кислой миной читал пустые догадки, что и на сотне других форумов. Улыбнулся. Как только не делают бабки на этом тизере.

Ни две выпитые банки пива, ни убаюкивающая речь Кайла не смогли меня усыпить. Кажется, только сейчас прошло осознание, что завтра я прочувствую все это на своей шкуре. Я буду внутри. Я буду в тизере! Единички и нули цифрового кода теплым ветром будут трепать волосы на моей руке, а свежая рана отдаваться болью до мурашек по коже. Ворочаясь с боку на бок, вспомнил мемчик-баян:

Я: давай спать.

Мозг: а как насчет вспомнить все идиотские решения, которые ты сделал в жизни?

Заснул в 02:09.

.....

Когда приехал к гаражу, возле него развернули уже целый мини-штаб. Чуваки в красных костюмах с белыми надписями TAKE THE RISK переносили из микроавтобуса оборудование. Иногда из гаража доносился голос Димаса. Я не торопился лезть внутрь, дабы не мешать профессионалам работать, но в тоже время стоял слишком близко, чтобы не остаться незамеченным.

— Это он? — спросил мужик в кепке и ткнул в меня пальцем.

Из гаража выглянул Димон:

— Здарова! — махнул мне и повернулся к мужику. — Да, это он.

— Мирон? — спросил у меня мужик.

— Ага.

— Садись в машину.

Он сел на водительское, я — сбоку. Взял с панели папку, открыл. Внутри оказалась скрепленная скобами бумага.

— Вот договоры и соглашения, — протягивает. — Можешь здесь почитать, пока мы капсулу устанавливаем. Ща я только вводный инструктаж о неразглашении проведу, и будешь читать.

— Давай.

— Короче, — мужик снял кепку, козырьком почесал лоб. — Самое главное правило — держать язык за зубами. За разглашение третьим лицам любой информации о деталях игры, местности там, других игроках, вообще чего угодно — перманентный бан, плюс штраф. В игру не зайдешь никогда. Это фишка тизера — тем она и привлекает, Адамово яблоко мать его, запретный плод, ну ты понял...

Киваю.

— С этим очень строго и дотошно. В организации есть служба более чем в восемьсот человек. Их работа заключается в том, чтобы предотвращать утечки информации и наказывать нарушителей. Работают покруче самых крутых частных детективов. Пальцы о клавишу сточат, но найдут кто инфу слил. И тогда — прощай виртуальная жизнь.

— А если не в сети?

Мужик скользит по мне взглядом, останавливается на гараже. Жалею, что спросил — слишком палевно

— Слушай, — мнется. — Наверное, ты можешь рискнуть и поболтать со своим другом, но я хз чем это может обернуться. Формально ты нарушишь соглашение. Понятно, что если он не дурак, то не попрется писать блог. Но если вдруг кому-нить ляпнет, по пьяни там, или просто потому что знает, второй ляпнет еще кому-нить, а следующий возьмет, да и черканет на форуме. Может быть концы к тебе и не придут, а может и придут. По мне — слишком большой риск. Потрепал языком — выкинул почти три ляма.

Киваю. Нормальный мужик — без гнильцы. Видно, что не будет на карандаш брать. По-человечески предупредил.

— Не знаю, правда или нет, но на планерках нам рассказывают, что третьим лицам чуть-ли не пятидесяти процентную скидку предлагают, если они заложат болтуна. Так что смотри сам, — достает из кармана ручку, протягивает. — Изучай в общем. Капсулу почти установили. Последняя модель, внутри можно быть двадцать четыре на семь. Чем дольше сидишь, тем сложнее выходить. Она тебя типо в крио-сон помещает. Жизненные процессы почти на нуле, только мозг фурычит. Главное, чтобы питательный раствор пополнял кто-нибудь, но там бака на полгода хватает.

— Охренеть, — открываю рот.

— Сам в шоке, — лыбится от того, что произвел впечатление. — Повезло тебе, чувак. Я, когда смотрю на лица тех, кто выходит из игры, вижу что-то в их глазах. Блеск или огонь... короче нравится им там. За два года работы — ни одного недовольного клиента. Тебе тоже понравиться.

— Слушай, а что по игре? — спрашиваю. — Правила там? Цель?

— Я думал перед входом рассказать, но сейчас даже лучше будет. Твой друг не должен слышать. Короче, в игре есть две локации: ознакомительная и основная. Ты появишься в ознакомительной. Сам решаешь, когда перейти в основную, но после того как уйдешь, вернуться уже нельзя. Из игры выйти можно двумя способами: обычным и экстренным. Обычный способ — через размещенные в игре двери, ты узнаешь их по табличке, где чувак забегает в дверь. Экстренный — произнести семь раз кодовое слово. Придумай и запомни. В конце договора есть строка, куда его вписать, — чешет бороду и улыбается. — Это все.

— Чего?! Как все?

— Обожаю эту реакцию. Больше я ничего не расскажу. Не потому что мне впадлу, или нельзя. Просто я больше ничего не знаю. Прискорбно, но увы... политика компании. Информация — золото, и его не разбазаривают между пешками. Завидую я тебе, чувак, — опускает голову, молчит, потом спохватывается, дергает ручку двери. — Изучай бумаги.

За чтением провел почти час. Страхование здоровья, заключение о мед пригодности, страхование капсулы, правила обращения в техпомощь и тому подобное. В целом все выглядит более или менее сносно, за исключением ответственности за разглашение информации. Помимо перманентного бана нарушителя ждет штраф в пятьсот тысяч. В конец охренели, но спорить смысла нет.

Так. Еще кодовое слово! Что-то длинное и редко произносимое. Как на сче-е-ет... кордеболетинка? Хрен выговоришь, зато сто раз подумаешь, прежде чем говорить. Ставлю последнюю закорючку, парни ждут у дверей гаража. Выхожу.

Технологическое чудо чистейшего белого цвета забавно смотрится между измазанными мазутой столами и покореженными тисками. Куда-то делся весь хлам, освободив стенку.

Там стоит повидавший жизнь диванчик — Димон позаботился о месте, где мы будем обсуждать тизер.

Скидываю шмотки, скрипя зубами влажу в капсулу. Техник смотрит на монитор, его кулак сжимается, оттопыривая вверх большой палец — все Ок. Звук насосов, тесные обнимашки с полиэтиленом. Открываю глаза.

Комната. Вокруг стоит мебель, покрытая пылью. За спиной нахожу дверь, табличку: зеленый человечек вбегает в белый прямоугольник — выход в реал.

Я в какой-то заброшенной квартире. Опять накатывает ощущение, от которого хочется орать во всю глотку! Ни одного ложного пикселя, багованной текстуры и хоть какого-то напоминания, что ты в игре. Провожу рукой по лицу. Каждая клеточка откликается на мое касание. Охренеть! Пробегаюсь взглядом по рукам, животу... мля, опять голый.

Нужно раздобыть одежду. Слишком много голых походов за последние два дня. Открываю шкаф. На вешалке висит синий комбинезон. Судя по слою пыли вокруг, хозяева за ним не придут. Одеваю. Прохожу в коридор. У двери стоят кеды, внутри — носки не первой свежести. Аккуратно извлекаю их с помощью щипцов из большого и указательного пальцев, отбрасываю в сторону. Кеды неплохо сели и на босую ногу.

Приоделся. Хорошо. Что у нас по статам? Есть какие плюсы от шмота? Сколько хп? Как этой хреню управлять? Закрыв глаза — ничего, подумал о всплывающих окнах — тишина, нажал себе на глаз, нос, засунул палец в ухо — никаких намеков на интерфейс. А что насчет ников, рас, кланов? Вроде никто не спрашивал, хочу ли я тусить в своем теле. Ладно, разберемся.

Валю на кухню. Из окна вижу девятиэтажку. Вроде не выглядит заброшенной, но света, работающих теликов и людей внутри не видно. Внизу детская площадка и турники. По высоте прикидываю, что реснулся этаже на четвертом-пятом. На улице — ни души.

Позаимствовал комбез, кеды, погнали дальше. Лутать — залог успешной игры, а когда это означает лазить по чужим шкафам и трогать реальные вещи — неопишуемый кайф. Сканирую кухню. На столе стоят кружки, лежат разделочные доски. В раковине замочены вилки и грязная посуда, воняют. Поднимаю ручку смесителя, из крана бежит струйка холодной воды толщиной в полсантиметра.

Тащу на себя ящик. Есть! Три ножа! Любая игра рано или поздно сводится к отделению голов от тел. Нож стопудово пригодится.

Было бы неплохо положить в инвентарь все три, сравнить дамагу и закинуть в слот правой руки с самым высоким ДПСом. Но чет с инвентарем, статистикой и слотом для пухи пока туго. Следующая мысль: взять все, чтобы сдать слить в магазин или торговцу, или хз, как тут это работает... Хотя-я-я, кто заплатит за железяки, которых на каждой кухне — завались? Беру складной нож, закидываю в карман. Оружие — так себе, лезвие чуть больше ширины ладони, но, по крайней мере, он не отрежет мне кусок ноги при ходьбе.

Взять можно любой предмет: пустую бутылку, хлебницу, цветочный вазон, освежитель воздуха и даже мягкий уголок, если хватит сил. Не нужно биться головой о стены, в поисках активных предметов. Мир целиком и полностью интерактивен.

Второй комнаты в квартире не оказалось, но нашел балкон. Судя по скрипу ручки, туда давненько никто не ходил. На балконе нашел клюшку, леску и бельевую веревку. Пожалуй, длинная граненая палка будет оружием даже получше, чем нож. Леску и веревку пихаю в карманы, благо в комбезе они размером с пакеты из гиперка.

Итак, подытожим. Шмот, пуха, какие-никакие итемы для крафта — есть. Что еще? Еще

нужен хил или шмот на реген, может хавка. Открываю холодильник. Шпроты, пара йогуртов, пакет молока, полупустая банка кетчупа, заплесневевший сыр. Срок годности не стал даже смотреть. Молочкой можно пытаться. Хз че будет дальше, но если начнет слипаться желудок, то рискну закинуть в себя рыбку в масле. Банка шпротов прячется в кармане.

Проверяю кухонный ящик. Стопудово должна быть... ага, вот она! В каждом доме аптечка выглядит по-разному: у кого-то это пластмассовый ящик, где все разложено по специальным отделам; у кого-то прозрачный одноразовый пакет, который нужно вывалить на диван, чтобы найти нужное. Аптечка в этой квартире — обрезанная наполовину картонная коробка от тостера.

Красных пилюль на ХП и синих на ману внутри не оказалось. Не было и перевязочных шин, жгутов, антирадиационных таблеток и психостимуляторов, которые временно бафают. В коробке лежали наши, стандартные: аспирин, парацетамол, уголь и так далее. Беру те, что знаю, кладу в карман на голени, застегиваю молнию.

В голове всплывает картинка. Отсаженный рейдер из дробовика отстреливает мне бокатину, а я достаю таблеточку аспирина, запиваю водичкой и, как ни в чем не бывало, продолжаю поединок. Улыбаюсь.

Ну что, пора сваливать. Подхожу к зеркалу в прихожей. Белые кеды, синий комбез, клюшка. Из одного кармана торчит веревка, другой провисает под весом шпрот и складного ножа. Нуб нубасом... хорошо, что Димон не видит. Набрал какого-то дерьма.

Взгляд скользит по прибитой к стене вешалке. Вижу желтую кепку. Да нет же... Ну куда еще желтая кепка! — отговариваю себя, пока правая рука пристраивает ее на голове. Ну все, сука, полный сет монтажника стеклопакетов...

Поворачиваю замок, выхожу на лестничную площадку.

Глава 3. Контакт

Подъезд встречает своей чистотой. На площадке вижу еще две двери. Дергаю ручки — заперто. Мои шарканья разносятся по этажам, отдаются эхом. Становится жутковато.

Принимаю тупейшее решение — звоню в соседнюю дверь. Ничего не происходит, стучу в коробку. Если квартиру, где реснулся, с натяжкой еще можно назвать моей, то соседские, рассуждая логически, принадлежат соседям.

Жду двадцать секунд, стучу во вторую. Тишина. Вспоминаю элементарные законы игры: чем сложнее что-нибудь открыть, или куда-нибудь попасть, тем солиднее можно сорвать куш. Мелькают мысли о снайперской винтовке, мешке патронов, силовой броне, кейсе с налом, стриптизерше... Воу-воу, полегче, парень...

Оцениваю свои шансы. Одна дверь на площадке — металлическая, скорее всего, засовы уходят вверх и вниз коробки. Такую без автогена или болгарки хрен возьмешь. Вторая выглядит попроще: деревянная, обтянута кожаменителем. Ее опоясывают веревочки, образуют узор ромбиком.

Разгоняюсь, плечо врезается в мягкую поверхность. А-а-а-уч! Тупая боль растекается по руке. Деревяха ударила сильнее, чем я ее. Дверь даже не шелохнулась, не говоря уже о характерном треске или летящих в стороны щепках.

Хрен с тобой. Спускаюсь. На каждом этаже проверяю двери — все заперто. Внизу меня встретила металлическая дверь с домофоном. Кнопочка, которая отключает магнит, не светится, толкаю железяку, в подъезд пробивается солнечный свет.

Чувство, как будто оказался в провинциальном городке или пригороде. Пяти- и реже девятиэтажки построили без борьбы за каждый квадратный метр. Пугают пустые автомобильные стоянки и гробовая тишина в детском садике.

Чешу по улице. Было бы неплохо найти магазин одежды или типо того. Не помешают носки и нижнее белье. Грубая ткань комбеза трет... неприятно, в общем.

Между нависающими с правой стороны домами вижу магазин с вывеской продукты. Выглядит неважно: выломанная дверь и разбитые окна. Изнутри доносится копошение.

Напрягаюсь. Пока не понятно, чего ожидать от этого мира: прячущийся в тени вампир, инфицированный зомби, обезумевший от голода каннибал или чужой из фильма Ридли Скотта?

Чувство самосохранения подсказывает, что не нужно напрямую переться внутрь. Окей. Поиграем в разведчиков. Замедляю шаг, ноги сгибаются в коленях. Превращаюсь в стелса, вора или ассасина, хрен знает. Строю план: быстро перебираю ногами, не опускаясь на пятки; пересекаю тротуар, на траве скидываю ключку; делаю еще несколько бесшумных прыжков и оказываюсь у окна магазина. Понеслась!

Ага, стелс, мля... скрытная и бесшумная перебежка к близ стоящему дому не удалась. Сантехник в желтой кепке, брякая ножом о банку шпротов и придерживая набитые карманы, волочится к дому. Ключка цепляется за бордюр, с глухим звуком падает на тротуар.

Врезаюсь спиной в бетонную стену. Копошение в магазине затихает на пару секунд и продолжается снова. Внутри либо кто-то глухой, либо ему совершенно плевать на крадущегося тигра. Выношу первый урок: недостаточно просто захотеть, чтобы стать стелсом.

Достаю нож. В тесном помещении он будет полезнее, чем полутораметровая палка. Смотрю на покоцанное точильным камнем лезвие и загнутый конец. От мысли, что его придется в кого-нибудь ткнуть, на ладони выступает пот. Одно дело кликать левую кнопку мыши и смотреть на нарисованную кровь, и совсем другое — вгонять в плоть заточенный металл и чувствовать теплые брызги на лице.

Ладно, выпендреж в сторону. Спокойным шагом подхожу к окну магазина. Заглядываю внутрь. Мужик ростом около двух метров орудует щеткой. Голубая футболка промокла под мышками и на спине, коричневый ремень удерживает светлые джинсы. Выглядит спокойным. Не похоже, что бросится душить, если узнает о заныканной банке шпротов.

— Есть кто-нибудь? — слышу свой неуверенный голос, стучу в дверь.

— Магазин закрыт, — мужик ничуть не смутился.

Нож прячется в кармане. Набираюсь смелости, шагаю внутрь.

Мужик сметает в кучу осколки разбитого стекла. Магазин напоминает придорожную заправку. Напротив входа, у дальней стены, встречает стойка с кассой, в центре — две товарные полки. Одна лежит на боку. Рядом валяются шоколадные батончики, печенье, вафли.

— Тут что-то случилось?

— Меня обокрали, — в голосе нотки грусти.

— Хреново, — понимаю, что собеседник вряд ли в настроении болтать.

— Я понес большие убытки, — томно вздыхает.

Делаю три не решительных шага, словно двоечник к доске. Мужик, не обращая внимания, машет щеткой.

— Слушай, извини конечно, а ты не мог бы рассказать немного о тизере? Я тут первый день.

Мужик отвлекается от уборки, поворачивается ко мне. Грустные глаза две секунды высматривают что-то в моих.

— Извини, но у меня нет времени, — руки снова крепко сжимают швабру.

— Да ладно?! Всего пару слов! Как тут все устроено? Что делать?

— Мне нужно работать.

— Да что с тобой не так?!

— Меня обокрали, — в голосе нотки грусти.

— Что?

— Меня обокрали.

— Да, ты уже говорил. Мне типо жаль и все такое.

— Я понес большие убытки, — томно вздыхает.

— Чего?! Мля, так ты бот что ли?! — меня озаряет.

Мужик поворачивается, сжимает губы, взгляд наполняется презрением:

— А ты — самовлюбленное хамло!

— Извини, — отвожу глаза в сторону.

И как я сразу не допер? Кто согласится отвалить столько бабла, чтобы сидеть в магазинчике с восьмью до пяти и банчить шоколадками?

Ловлю себя на мысли, что мужик задумался, когда я спросил о тизере. Похоже, решал: делиться инфой или послать подальше. Оценивал мою харизму, общительность?

— Еще раз извини, — развожу руки в стороны. — Я тут новенький. Пока не знаю, как все устроено? Может все-таки дашь какой-нибудь совет?

Поворачивается, снова пялится в глаза. Лицо искривляется в гримасе инсульта, мужик отчеканивает голосом гугла:

— Клан. Быстрых. Ветров. Запомни! — через секунду становится самим собой голосовым связкам возвращается мягкость. — Мне нужно работать.

— Чего?! — отваливаю челюсть.

— Мне нужно работать.

— Нет, нет, — машу рукой. — Не это! Что за клан? Не понял...

— А?

— Ты что-то про клан сказал? Ветров что-то...? Повтори!

— Я сказал: мне нужно работать, — возвращается к швабре.

Недоуменно хлопаю глазами. Лаганул что ли? Реплику из другого сценария выдал? Хрень какая-то... Еще раз осматриваюсь по сторонам. Разграбленный магазин и расстроенный продавец — пахнет квестом. Не пахнет — несет за версту!

— Я могу чем-нибудь помочь?

Сундучок открылся.словно большой ребенок, шмыгая носом, мужик рассказал про чела в камуфляжных штанах с татуировкой на правом запястье. Преступник залез в магазин ночью, выломав дверь монтировкой. Вынес целую гору продуктов и серебряный портсигар. Конечно, портсигар оказался охренеть каким ценным и памятным предметом, который достался мужику от отца, отцу от его отца и так далее. Внутри выгравирована то ли фраза, то ли поговорка.

К этому моменту я уже засыпал. Речь бота содержала жалкие попытки показать эмоции отчаяния и досады. Чувствую небольшое разочарование.

В общем, мужик попросил вернуть портсигар и отмудохать козла, за оставленный в магазине бардак. Спрашиваю, что получу взамен. Говорит о каких-то пилюлях. Ничего конкретного. Утомил. Говорю, что попробую. Сваливаю.

Навалить челу — звучит просто. Квест в ознакомительной локации, по идее, не должен оказаться сложным. Но, как подумаю, что мне реального нужно клюшкой по башке тюкнуть — пропадает запал. Я знаю, что такое драка и, как выглядят пьяные разборки у ночного клуба, но хз, какотреагирует психика на бездыханное тело у ног.

Прежде чем драться, нужно разобраться с маневренностью. С набитыми хламом карманами, даже самый простой рывок оказался проблемой. Подхожу к урне. Опускаю внутрь веревку, леску, банку шпротов. Жестянка откликается звонкими бдзынь. Если понадобится, то найду эту хрень здесь. Оставляю только нож. Поднимаю с тротуара клюшку. Кеды вновь шлепают по дороге.

Греет солнце, капли пота собираются на лбу, вдыхаю запах горячего асфальта. Разочарование от искусственного мужика проходит. Слишком уж все остальное реально.

Метрах в двухстах замечаю машину на обочине. Второй Гольф стоит в тени дома на спущенных колесах. Пассажирская дверь открыта, стекло опущено. В окне торчат ноги в ботинках. Окутывает страх. А чего боюсь? Боюсь увидеть разлагающееся на жаре тело с выклеванными глазами.

Руки сжимают клюшку. Приближаюсь со скоростью один шаг в две секунды. До машины остается метров двадцать. Ноги вылазят из окна, ботинки грохаются на асфальт. С пассажирского сидения встает человек.

— Квест взял?

Майка-алкоголичка обтягивает рельефный торс. Сжатая в зубах спичка бежит влево-

вправо. Самоуверенный и... Опасный?

— Вы мне? — задаю вопрос и тут же допетриваю, что мужик палил за мной в зеркало.

— Тебе-тебе, — улыбается. Скрипящие ботинки топают в моем направлении. — Взял?

— Какой?

— Да не тупи! Ты с респа идешь. По пути только один квест. Ворюгу отмудохать и портсигар вернуть. Взял?

Точно опасный. Показательно играет мышцами, руки лежат в карманах. Походка вразвалочку выкидывает носы армейских ботинок, друг о друга трутся штанины цвета хаки. Камуфляжные штаны... Это он что ли?! Мля, такого я не уработаю! Здоровый, подготовленный.

— Н-нет..., - отвечаю вместе с глотком скопившейся слюны. — Не брал.

— Да ты гонишь! — улыбка показывает желтые зубы. — Все берут, а ты единственный, кто не брал, да?

— Да, я чето...

— Ты не ссы! Я новичков не трогаю, — протягивает руку.

Подмял меня... Соберись, Мирон! Какой-то хер в компьютерной игре делает из тебя лоха! Где твоя гордость, мужество?

Смотрю ему в глаза. Сердце барабанит, как швейная машинка. Вломи ему! Сейчас или никогда! БЕЙ! Разможжи клюшкой переносицу!

Перекладываю клюшку в левую руку. Тяну правую. Крепкая клешня хватает мою ладонь, сжимает. Смотрю на запястье — наколотый браслет. Точно он...

Поднимаю глаза. Уродец почти откровенно ржет. Язык с белым налетом тербит спичку. В башке мелькает мысль: Бот дал квест с настоящим игроком? Или это охренительно сделанный бот?

— Ты бот что ли?

— Ахаха! Ага, бот, — еще крепче сжимает руку и тащит меня к себе. — Бот-мордоворот!

Левая рука вылетает из кармана, что-то твердое врежется в лоб.

Сижу на заднице, пытаюсь догнать, что случилось. Вокруг летают радужные пиксели. Это не баги в игре, это — сотряс. Страх сменяется придурковато-паническим ощущением, понимаю, что дела мои — не очень, но... как-то пофигу.

Из шокового состояния выводит боль. Дотрагиваюсь до места удара, на руке остается обильное красное пятно. Чувствую, как кровь бежит по лбу. Вояка ходит передо мной и высказывается о том, какой я гребанный умник, что решил с ним тягаться.

Замечаю, как что-то поблескивает в его левой руке. Кастет! Понятно почему так контузило, кружится башка, к горлу подкатывает. Сую руку в карман. Вытащу нож и продырявлю козлу бедро, если дотянусь.

— Ой, зря-я-я! — он разочарованно разводит руки. — Ну нахер ты рыпаешься?

Подходит. В ухо прилетает с правой. Стелюсь на асфальте. Черный камень греет затылок и приятно пахнет. Звон в ушах застелил противный монолог. Спасибо.

Лазит по карманам. Сквозь пелену слез вижу, как ржет, швыряет куда-то нож. Одевает кастет на правую, подходит. Замахивается.

Зажмуриваю глаза, сжимаю челюсть. Мужик резко складывает руки на животе, будто сейчас обделается, и сгибается пополам. Кривит лицо, глаза вылазят из орбит. Перебирая полусогнутыми ногами, сваливает за угол дома.

Да и хрен с ним. Нужно отдохнуть, или сдохнуть...

.....

Открываю глаза. Надо мной нависает отбеленный потолок. Пытаюсь отыскать в голове последний реплей, чтобы вспомнить, как я тут оказался.

Мозг цепляется за эпизод, где я глушу коньяк под радостные возгласы Димона. Та-а-ак, я с бодуна что ли проснулся? Нет... картинка исчезла также быстро, как и появилась. Зашевелились извилины. Всплыл отчетливый образ вояки с кастетом. На респ меня отправил?

Рука тянется ко лбу. Подушечки пальцев нащупывают шершавую корку размером с бутылочную пробку. А нет — выжил. И где я?

Упираюсь локтями во что-то мягкое. Глаза щурятся в предвкушении пронизывающей боли, поднимаю голову.

Я лежу на диване. Комната выглядит похожей на ту где реснулся, но мебель расставлена иначе. Вижу такую же дверь, что и в моей квартире: зеленый человечек вбегает в белый прямоугольник.

Пахнет рыбой. Интуитивно хлопаю себя по карманам, кто-то жрет мои шпроты? Вспоминаю, что свою банку спрятал в урне у магазина, успокаиваюсь. Просыпается аппетит, выделяется слюна.

Поднимаюсь на локтях, осматриваюсь. Боль ушла, так же, как головокружение и тошнота. Оклемался быстро... либо долго валялся в отключке. А если лежал в коме? Чувствую дрожь в пальцах и пот на ладонях. Что, если прошло несколько лет?

Димас каждый день приходит в гараж, садится на потрепанный диван, пускает слезу. Сам себе рассказывает последние новости, гладит капсулу. Да не... Бред! Разработчики должны отслеживать такую хрень. Спускаю ноги на пол, ступни холодит деревянный пол.

Из соседней комнаты прилетает звук лязганья металлических приборов. Кто-то жрет. На кофейном столике лежат деревянные бруски и инструменты: плоскогубцы, нож, мачете, топор, проволока.

Встаю, чтобы посмотреть поближе, предательски скрипит пол. Вилки и ложки затихают, слышу шаги. В комнате появляется пацан.

— Привет, — на вид — лет восемнадцать. Рост едва превышает полтора метра, лишний вес, второй подбородок.

— Привет! — выдыхаю. Растаял страх увидеть майку-алкоголичку.

— Оклемался? — тычет в меня вилкой.

— Вроде, — трогаю висок. — Сколько я был в отключке?

— Часа три, — разворачивается и уходит. — Пошли!

Пацан держится молодцом. Младше лет на шесть, но не теряется. Да и вообще, я заметил, что чем младше игрок, тем увереннее чувствует себя в онлайн.

Вспоминаю паблики с типичными малолетками. Каждый считает себя тащилой-нагибатором. Еще несформировавшийся голос раздает всем указания и отчитывает косячных. В своих ошибках винит команду, а иногда и тупых противников, которые минусанули его впятером, вместо того, чтобы фармить.

За каждый не понравившийся мув обещает расправу с проникновением. Если проигрывает, то горит. Тильтует, мувы становятся все более неадекватными, тиммейты отключают его микрофон. Если игры заканчиваются победой, то в чате появляется что-то вроде: ГГ ВП, я затащил, лайк мне. После проигранных пишет: дауны тупые, всем репорт!.

Правда, я не уверен, что можно сравнивать тизер с привычными РПГ. Скорее — уверен в обратном. Тут не отделаешься жалобой, баном или низким приоритетом. Вместо этого из Гольфа выйдет короткостриженный вояка и разmozжит башку кастетом.

Иду на кухню. На столе стоят открытые банки. В одной плавают шпроты, во второй — килька в томатном соусе. На досточке лежит черный хлеб. По виду не аккуратно нарезанных кусков (толщиной с пачку сигарет) понимаю, что парниша только осваивает самостоятельную жизнь.

— Есть хочешь?

— Да, — забиваю на то, что буду вонять, как бродячий кот. — Не откажусь.

Плавным движением руки приглашает за стол. Падаю на табуретку. Приятного аппетита. Ом-Ном-Ном!

В две минуты опустошили банки, хлеб собрал оставшийся на дне жирок. Фиг знает, как они это сделали, но я отчетливо ощущаю пережеванный комок из рыбы, жира и хлеба во рту. Чувствую, как скатывается по горлу и заполняет требующий хавки желудок. Спектр рыбных вкусов расплзается по языку, стимулирует выделение слюны. Подкрепились.

— Спасибо.

— Да, брось, — улыбается и отмахивается. — Я рад, что ты выжил. Меня этот урод с одного удара минусанул. Башкой о бордюр — и все.

Хлопает себя по затылку и еще шире улыбается. Вижу, что рад меня видеть.

— А че за херня, вообще?! Почему первый квест такой сложный?! — мой голос заполняет кухню, закипаю. Душит обида: ведь ни за что отмудохали!

Пацан дожевывает скопившееся во рту. Этого времени хватает, чтобы слегка успокоиться. Выдыхаю, продолжаю вполголоса:

— Квест с игроком?

— Я — Макс, — улыбается, тянет руку.

Жму пухленькие пальцы. Нравится мне все больше.

В условиях дефицита информации каждый из семидесяти пяти килограммов Макса оцениваю в кило золота. Пацан живет в тизере уже третий день, безвылазно. Собирается провести здесь еще как минимум дней тридцать, потому что...

Топ менеджер одной известной консалтинговой компании отправился на Бали вместе с молодой невестой. Язык Макса не поворачивается назвать ее мамой. Отец переживает по этому поводу и готов баловать наполовину оставшегося сиротой ребенка. Айфоны, айпады, спортбайк, квадрокоптер и карманные деньги соизмеримые с месячной зарплатой офисного работника. Баловать чем угодно, но только не капсулой, которая затянет в виртуальные сети навсегда. В этом вопросе батя — кремень.

Но смышленный парень нашел способ, как получить свое. Прелесть, душечка, милашка, упругая попка и торчащие соски Карина убедила отца купить тизер, парой-тройкой шипящих прямиком в возбужденную барабанную перепонку. За это Макс стал добродушным, покладистым среднестатистическим подростком.

Уже три дня капсула стоит в его комнате. Каждый час туда заглядывает домработница. Проверяет, все ли в порядке, не закончилась ли питательная жидкость, не отключили ли электричество, а если отключили, то не разрядился ли аккумулятор. Короче, очень занятая домохозяйка, за хорошие бабки живет в элитном коттедже.

До полного пакета осталось за вредность выдавать бесплатные коктейли: по четным дням — секс на пляже, по нечетным — кровавую мэри.

Наступила моя очередь. Макс, с открытым от удивления ртом, слушал нашу историю, наполненную трагизмом и сопереживанием. Мне прям самому понравилось. Катит на сюжет голливудского оscarоносного фильма с Эдвардом Нортонем из бойцовского клуба.

Потихоньку беседа переходит к игре. Инфой о настоящей жизни Макс делится бесплатно, а заикнувшись о тизере, просит кое-что взамен. Недолго думая, я соглашаюсь. Отказаться — означает помахать ему рукой и свалить из квартиры, чего очень не хочу. Пацан обладает харизмой, его хочется слушать.

Три дня назад Макс реснулся в соседнем доме. Набил карманы артефактами и двинул изучать локацию. По дороге наткнулся на разграбленный магазин, взял квест. Из гольфа вылез вояка, сбитые костяшки сблизилась с челюстью, Макс реснулся снова.

Второй раз квест не брал. Обогнул гольф, оставив камуфляжные штаны позади. Ознакомительная локация раскинулась сотнями кварталов и тысячами жилых и офисных зданий. Выглядит, как полноценный город: с вышками сотовой связи, парковками, школами, оздоровительными центрами, бассейнами, поликлиниками и даже стадионом, в раздевалке которого, Макс нарыл армейский нож — первый и пока единственный стоящий лут.

Шатался по локации и нашел еще несколько ботов. Но как не маневрировал языком, задание так и не выбил.

Вытрясти что-то из других игроков не получилось. Никто ничего толком не знает. А девять из десяти опрошенных рассказали до боли знакомую историю про разграбленный магазин и вояку-душегуба.

Квестами локация не кишит, с качем тоже все не ясно. Игроки не задерживаются в ознакомительной локации и спешат в основную, туда где их ждут горящие огнем доспехи и рейды на мобов размером с девятиэтажный дом. Казуалы...

Казуалы прут в основную локацию за ощущениями, пропуская все, что считают скучным. Хардкорные игроки изучают каждую нычку, восхищаются задумкой и исполнением, пытаются найти волну разработчика и прочитать именно то, что он хотел донести. Для хардкорного игрока пропустить диалог — досада, не найти нычку — потеря, слиться равному по уровню — рукалицо, разветвление сюжетных линий и необходимость пропустить одну из них — страшный сон, пропустить квест — предательство...

Это как ходить в картинную галерею, где один ткнет в полотно пальцем, скажет: зацени, какая прикольная! и вприпрыжку побежит дальше, а второй ухватится за подбородок и, используя незнакомые уху: владение кистью, достоверно воссоздал и филигранно, полчаса будет описывать изображенное.

Кто ищет, тот всегда найдет. Максу повезло, он встретил яркого представителя семейства хардкоровых. Тот пробыл в ознакомительной локации десять дней — дембель среди однодневных духов. Мужик в джинсах и болоньевой жилетке возвращался в реал, но Макс выторговал его десять минут за тот самый нож. Главный вопрос касался мужика в Гольфе.

Остаженный вояка называет себя Скок. Он абюзит квест с грабежом магазина. Берет его в другом районе ознакомительной локации.

Бот просит разгромить магазин, потому что испытывает к владельцу личную неприязнь. Якобы тот перешел ему дорогу, или что-то типо того.

Каждую ночь Скок орудует монтировкой, а утром получает награду — пилюлю. Капсула красного цвета, вроде как, повышает силу. Это лишь догадки, но Макс готов поклясться, что Скок с каждым днем выглядит здоровее.

Так задумали разработчики, или это баг, но квест с возвратом портсигара могут взять много игроков, а с грабежом — только один.

Скок делает дело. Бот расплачивается и предлагает еще поработать. Он почти уверен, что владелец магазина найдет кто-нибудь, чтобы отомстить. Просит отмудохать любого, кто подпишется.

Вояка складывает по игроку в день и получает еще одну пиллюлю. Закрывает квест и тут же берет заново. В предчувствии следующей пиллюли, он готов громить магазин снова и снова.

Фиг знает, как обстоят дела в основной локации, но, похоже, Скок конкретно бустится. Пока остальные игроки переходят в основную локацию с бельевой веревкой, клюшкой и банкой шпротов, мужик набивает статьи, или характеристики, или растит мышечную массу или хз, как это называется. Так или иначе, становится сильнее, это и дураку понятно.

Макса конкретно злит этот урод. Он готов задержаться здесь хоть на целый месяц, но достать Скока и вернуть хозяину долбаный портсигар, за который полегла куча игроков. Вижу по глазам, что дело становится делом принципа.

Меня просит помочь на следующих условиях: вояку валим вместе, но квест-итем сдает он. Соглашаюсь. На лице расплзается радостная улыбка, тянет руку. Жму. Воодушевленно продолжает делиться всем, что знает.

Торможу его. Говорю, что пробыл в тизере уже часов пять, что нужно выйти, хотя бы на время. Странно говорить об этом челу, который в игре уже около семидесяти, но там Димон, там близится к концу воскресенье, там Тонкий чекает закрытые обращения, чтобы в понедельник вставить мне...

Договариваемся встретиться через три часа. Открываю дверь с зеленым человечком на белом фоне, словно за запотевшим стеклом вижу лежащего в капсуле себя. Вдогонку Макс рассказывает, что шмот, который уносишь с собой в реал, будет на тебе когда вернешься. Нога переступает порог.

Глава 4. На Скока с наскока...

Капсула шевелится. Тихий чпок раскалывает ее пополам. Полиэтилен греет кожу, прогибается под моими шевелениями, как массажное кресло. Выбираюсь наружу.

Ноги нащупывают бетонный пол.

Ощущаю первые признаки пятичасового пребывания в игре: кто-то в голове дует в боевой горн, сетчатка глаза передает картинку с задержкой американских серваков.

Вестибулярный аппарат, похоже, остался в тизере: правое ухо стремится прикоснуться к земле, неуклюжие жирафыи ноги сопротивляются, отбивая чечетку.

Борьба длится секунд десять, пока рука не хватается за стол. Потихоньку возвращаю управление за оставленным без присмотра телом.

В гараже горит свет. Димона нет. На стуле нахожу свои шмотки. Натягиваю джинсы и футболку: сопротивление холоду — плюс, самооценка — плюс. Завязываю шнурки на разношенных кроссах: скорость передвижения — плюс. Чувствую под джинсами хлопковые труселя: комфорт — плюс.

На стене висит гаражное зеркало. Вытянутый прямоугольник шириной двадцать пять сантиметров украшают наклейки из девяностых. Нахожу свое изображение между Ван Даммом, Сталлоне и обнаженными женщинами. Желтая кепка осталась в тизере: ощущение убогости — минус.

Дебафы потихоньку спадают, прихожу в норму. На столе лежит мобила, заряжается. Под ней — клочок бумаги. Корявый почерк Димона просит набрать, как выйду. В голову закрадывается предательская мыслишка о штрафе в пятьсот тысяч за разглашение. Посылаю ее подальше, звоню другу. Голос из трубки говорит бегу, звонок окончен.

Дергаю задвижку ржавого замка, выхожу на улицу. Еще светло, но солнце неумолимо падает. Смотрю на время — начало шестого. Ощущаю, как внутри зарождаются первые признаки шторма, он несет с собой тревогу и переживание. Прохладный ветер усиливает чувство.

Воскресенье — гордое восхождение на помост перед виселицей понедельника. Мысленно цепляюсь за каждую оставшуюся минуту безделья и балдежки. Предстоящие часы сна становятся неприкосновенным запасом кайфа. Мягкий надувной матрас примет в свои объятия, одеялко согреет и утешит перед пятидневным боем с рутинной.

Время есть где-то до полуночи, потом нужно ложиться спать. Завтра рано вставать — фраза, скучного, лишнего запала человека, описывает меня как нельзя точно. Человека, который забыл, что такое взорвать клуб, на следующий день скупить всю минералку в университетской столовой, а перед последней парой бахнуть пивка, чтобы полегчало. Здравое мышление говорит: мужик, тебя развезло, пивом несет, иди в общагу, запалят — отчислят! а тот самый чел, который сейчас погрузился в криосон, или, не дай бог, умер, отвечает: Да, брось! Будет клево!.

В ночь на понедельник обычно сплю плохо. Иногда вскакиваю, чтобы посмотреть на часы. Не проспал ли? Циферки покажут, что-нибудь типа — 03:11, прикину сколько драгоценных часов еще осталось, с улыбкой расплещу головой подушку.

Сотню раз замечал, как легко просыпаюсь в эти припадочные поглядывания на телефон. Как будто и не спал — притворялся. Но все меняется, когда услышишь настоящий

будильник. Сбросить с себя одеяло становится сравнимо со спасением мира в одиночку.

Димон прибежал через пятнадцать минут. Диван встретил его возбужденную задницу скрипом пружин. Притащил с собой полуторалитровую бутылку воды и крекеры. Кушать не хочу, а вот сушняк после капсулы — ого-го. Запускаю пузырьки воздуха в бутылку, кадык делает жадные движения вверх-вниз. Пью и наблюдаю за раздвоением личности друга. Сдерживаемое поведение говорит: пей, пей, я подожду, а бешеные глаза: сука, положи бутылку и рассказывай! я ща взорвусь!.

Около часа рассказываю в самых мелких подробностях. Если пропускаю хоть небольшой кусок, поток вопросов тут же сбивает с ног.

Долго и с подозрением смотрит, когда говорю, что в тизере нет интерфейса, статистики и дерева прокачки. Словно следователь на допросе спрашивает, какие попытки я предпринял. Настаивает, что, скорее всего, я что-то упустил или не туда нажал. Был бы у него полиграф, приказал бы отвечать только да или нет. Заручаюсь поддержкой Макса. Вроде соглашается, но по глазам вижу, что считает нас криворукими нубами.

Рассказ приводит к Скоку. Димас сжимает кулаки, закусывает губу. С таким рвением, он разорвал бы вояку голыми руками. Улыбаюсь.

Дальше мной играет Димон, его не остановить. Дает советы, выдвигает предположения, настаивает на определенных наблюдениях и приказывает выполнить кое-какие эксперименты. Высказывается по Максусу, одобрительно кивает на то, что я согласился тягаться с воякой-абузером. Это по-нашему...

Достает блокнот, ручку. О, нет! Боец на плюс морали превращается в рассчитывающего возможные варианты задрота. Вижу, как собирается взорвать очередной бомбой информации, вынужденно обламываю его:

— Слушай, мужик... мне же на работу завтра.

— Эм...

— Мы с Максом добазарились встретиться чере-е-е-ез, — смотрю время. — Сорок минут. Часа три еще поторчу и домой. Завтра рано вставать.

— Ага, — задумался. — Ну окей, залезай. Наберешь, когда выйдешь.

Складываю одежду на стул, запрыгиваю в капсулу.

За мной хлопает дверь. Снова оказываюсь в заброшенной квартире, но не там, где реснул в первый раз. Комбез, кепка, кеды — все на месте. Реакция на тизер не такая восхищенная, без соплей приступаю к делу. По-хозяйски обыскиваю хату, открываю каждую полку, содержимое некоторых выворачиваю на пол. В шкафу нашел чистое белье.

Предпочел бы трусы с биркой из магазина и запахом новизны, но просто чистые тоже пойдут. Там же нашел носки. Холостяк внутри меня приказал взять лишнюю пару прозапас — ок, бро!

Перевернув все вверх дном, смотрю на найденный лут: вязальные спицы, лыжная палка, пустой пластиковый бидон на 5 литров, кухонный нож, спички, паспорт на имя Воронина Сергея, начатая пачка сигарет Винстон, две банки тушенки, таблетки и закрытая бутылка водки Столичная. Судя по арсеналу на балконе, Воронин Сергей — профессиональный дегустатор беленькой.

Опьянею, если выпью? — Скорее всего, да. А из капсулы вылезу трезвый? — Скорее всего, да. В голову лезут мысли, как абюзить эту хрень: залез в капсулу, накидался, повеселился, вылез, пошел на работу. Персонаж вместо тебя мучается головной болью и сушняком. Кайф.

Рюкзак не нашлось — облом. Складываю шмот в шуршащий пакет, предварительно обкрутив бутылку кухонным полотенцем. Лыжную палку беру в руку. Ключка кажется более эффективной, но палка заканчивается металлическим острием — тоже неплохо.

Выхожу на площадку. Дергаю ручки — заперто. Ломать плечо не стал, спускаюсь со второго этажа. Реснулся в девятиэтажке, которую видел из окна первого респа. Закидываю пакет на плечо, острие палки цокает о асфальт. Через пять минут ноги принесли меня к штаб-квартире Макса. На город надвигаются сумерки.

Он занял квартиру на втором этаже. Поднимаюсь, стучу. Раздаются шаги, замирают у двери, чувствую, как меня рассматривают в глазок. Дверь открывается.

— Заходи! — пускает внутрь, захлопывает дверь.

Я снимаю кеды. Макс, не теряя времени, продолжает снабжать инфой. Время дня и ночи для игроков нашего региона совпадает с реалом. Возрождаешься всегда в квартирах заброшенных домов, причем в бедных квартирах. Те немногие, с кем ему удалось пообщаться, ни разу не выходили из квартиры с металлической дверью. Пробовали ее выломать. Говорят, группа самых предприимчивых соорудила целый мини таран, но вместо редкого шмота получили мозоли на руках, ссадины и промокшую потом одежду.

В каждой квартире спрятан ключ, если уйдешь и закроешь, то внутри никто не появится. Один из вариантов попасть в богатую квартиру — купить ключ у торговца. Квартиру выбираешь сам. О том, что лежит внутри он не рассказывает. Стоит ключ четыре тысячи. Бабки у Макса есть, но он решил в ознакомительной локации не заливать, боится, что итемы с собой не унесет.

Протягиваю мешок.

— Есть что? — по-хозяйски заглядывает внутрь.

— Хлам один... и бутылка водки.

— Ага, — рыскает глазами по пакету и улыбается. — Ну значит напьемся, когда завалим урода.

— Идет.

— Что у тебя по времени?

— Думаю, часов до двенадцати, потом уходить нужно.

— Ага, — чешет голову. — У меня есть предложение. Придется задержаться, но сделать можно уже сегодня.

— Че за предложение?

— Обычно Скок грабит магазин с двенадцати до часу. Залезем внутрь и устроим засаду. Дождемся пока возьмет портсигар и на месте завалим, — кулак врезается в ладонь, на лице появляется безумный оскал. Пацан настроен серьезно.

Глотаю слюну. Где-то в глубине души я рассчитывал, что мы потратим пару дней на поиск подходящего оружия, еще пару на проработку плана. После всех подготовок к окончанию следующей недели пойдем на Скока. Страх от того, что через несколько часов окажусь в одном помещении с серийным убийцей, пробежался дрожью по телу.

Расслабься. Это же просто игра. Ну пырнет он тебя ножом, появишься на респауне, целехонький и невредимый. Немного успокаиваюсь, но мысли, так и норовят, вернуться к боли в рассеченной кастетом башке.

— Ну, что скажешь? — смотрит из-под лба.

— А? — похоже я завис.

— Согласен?

— Да, давай попробуем, — малой не ссыт. Я тоже не должен. — А оружие есть?

— Пошли, — ведет меня в комнату.

На журнальном столике рядом с инструментами лежит лук. Бельевая веревка натянута между концами изогнутой неотесанной палки. Желание идти с ним в пати заметно снижается. Бельевая веревка, значит...

Макс берет лук, натягивает тетиву. Палка сгибается в правильную полуокружность и отзывается скрипом. Поднятыми вверх бровями Макс спрашивает, что я думаю по этому поводу. Пожимаю плечами.

Берет со столика следующий предмет — обструганная палка с убогими перьями на конце. Похоже, он распотрошил подушку. Там, где должен быть треугольный наконечник, в палку вставлено лезвие ножа. Не кончик, а почти целое лезвие, длиной сантиметров десять. Язык не поворачивается назвать это стрелой. Заточенное лишь с одной стороны оно крепится плотной скруткой из черных ниток.

Пока я готовлю речь, которая скорее всего разочарует парня, Макс вдевает стрелу в тетиву. Подготавливаю аргументы: во-первых, в помещении использовать лук, как минимум — странно; во-вторых, сильно сомневаюсь, что эта хрень, вообще, работоспособна. Набираю побольше воздуха.

Тр-р-р-р-р-р — самодельный болт вошел в межкомнатную дверь больше чем на сантиметр.

Гордо задирает голову, смотрит в глаза — ответ на мое сомнительное пожимание плечами. Кладет лук на место. В руках появляются пассатижи, металлические губы смыкаются на лезвии. Напрягаясь, вытаскивает стрелу из дерева.

— Этим, между прочим, — трясет пассатижами перед носом. — Я тебя от незапланированного респа спас.

— Мля, — неудобно как-то получилось. Я ведь даже не спросил, как тут оказался. — Так, ты его...? — изображаю выстрел из лука.

— Да. Только обычной стрелой, — копается в предметах на столе, поднимает палку с привычным наконечником. — С тридцати метров в живот попал.

— Нифига се...

— Повезло, — отмахивается и отводит глаза.

— Так может он сдох?

— Нет. Если бы сдох, валялся бы рядом с тобой. Он ушел. Восстанавливаешься тут в десятки раз быстрее. Ты рану свою видел?

Тяну руку ко лбу. Корка запеченной крови размером с бутылочную пробку превратилась в ранку, которую можно принять за родинку.

— Садись, расскажу план.

План оказался простым. Проще, чем я мог себе представить. Настолько простым, что показался придуманным на коленке. Но я гоню эти мысли прочь. Пати-лидер уже ни один раз доказал, что его нужно воспринимать всерьез.

Незаметно проникаем внутрь, ныкаемся. Ждем пока Скок берет портсигар. Вылазим из укрытий, стреляем. Затем в дело идут копья — черенки от швабр, к которым привязаны ножи. Дальше смотрим по ситуации. На всякий случай возьмем ножи и что-нибудь наподобие дубинок.

Говорю, что у нас есть несколько часов. Стоит этим воспользоваться и придумать что-нибудь еще. Падающее с потолка бревно, капкан, горящая смола, яд на входной ручке,

проститутка, которая подсыпет димедрол, наемный Брюс Уиллис.

Макс говорит, что у него была идея, запереть Скока внутри и поджечь магазин. Но, слишком много но: нет бенза, не сгорит ли портсигар, нет гарантий, что он не выберется. Настаивает, что план должен быть простым, надежным и жестким. Про огнестрел в ознакомительной локации никто не слышал, придется делать руками.

Прибамбасы, наподобие падающего бревна, капкана или досок с торчащими гвоздями Макс считает малоэффективными. Отмахивается. Говорит, что теряем самое главное преимущество — эффект неожиданности. Эти фокусы работают только в фильмах. Была бы у нас радиоуправляемая мина, тогда базару нет, нажал кнопку — ищи портсигар среди разбросанных конечностей, а так... Рискованно. Даже если и вляпается в ловушку, то не факт, что сильно покоцается. Зато в миг его шансы уравниваются с нашими. Короче, упертый говнюк убеждает меня.

Следующий час я потратил на то, чтобы приноровиться к дисбалансной стреле и... луку, мля. Лезвие воткнулось в дверь только после десятой попытки. Увеличил расстояние. Теперь нужно закладываться на силу притяжения, что изменяет траекторию полета. Стрелу запускаю парашютиком. Чуток сложнее, но и результаты выросли. Увеличилась скорость. Приходится прикладывать все больше усилий, чтобы вытащить лезвие из образовавшейся впадины.

Через час движения доведены почти до автоматизма. С приятным звуком ШЫДЫЖ! раз за разом дырявлю дверь. Получается. Появляется вера в себя и в то, что корявая палка может ранить. Радуюсь, как ребенок.

Надеемся, что Скок придет на дело в той же алкоголичке. Блага на дворе лето. Если наденет куртку или что-нибудь поплотнее, то серьезного дэмэджа не нанесем. Разве что хедшот бахнуть. Но Макс категорически отмел эту идею. Договорились стрелять только в торс. Попытка будет всего одна, риск промазать чреват последствиями.

Делаю еще парочку БА-БАМЦ! ШЫДЫЖ! ДА-ДАХ!. Макс говорит, что по-выдвигаться. И только тут до меня доходит... Вот же она, ПРОКАЧКА! За прошедший час из орудующего клюшкой сантехника, я превратился в стрелка-ученика, или подмастерье, или хз как его назвать. Теперь я могу с десяти метров солидненько так рубануть в мишень радиусом в метр. Ошибки почти исчезли. Руки знают, что делать. Хрен бы я в реале, так быстро освоил эти хламо-итемы.

Вспомнил про эксперименты Димаса. Он просил пооджиматься и понаблюдать за изменениями. Времени на это не нашел, но эксперимент с луком подтверждает его догадки.

Конечно в тизере есть прокачка! Хрен бы в него столько народу играло, если бы одни игроки не могли доминировать над другими.

Под завязку пакуемся барахлом: луки, стрелы, копья, ножи, деревянные бруски, монтировки. Обвешался, как Шварц в фильме командос.

Выходим на улицу. Хотел бы я посмотреть на свою тень. С таким количеством острых предметов стопудово похож на рейдера из Безумного Макса. Но день закончился, солнце уже несколько часов обогревает другую сторону виртуального шарика. Темно. Изредка появляющаяся луна не годится на то, чтобы спроецировать мой угрожающий профиль.

Идем медленно. Весь этот хлам, так и норовит ускользнуть из рук. Жонглирую.

Дорога заняла десять минут, но этого оказалось достаточно, чтобы вспотеть и обзавестись ноющей болью в ногах. Макс перенес дорогу легче. Походу у меня траблы с выносливостью. Нужно на шейпинг походить.

Скидываем оружие у крыльца. Оглядываемся. В отдалении доносится звук металлического удара — хлопнула дверь подъезда. Либо кто-то возвращается в реал, либо до сих пор не теряет надежды найти открытую дверь и раздобыть раровский шмот. Других игроков в зоне видимости нет.

Магазинчик не узнать. Следы вчерашнего грабежа бесследно исчезли.

А я еще обвинял бота в отсутствии эмоций. Тут любой бы рехнулся, каждый день приходить магазин, наводить порядок и просить об одном и том же.

Работаем.

Хлюпенькая дверь, под давлением двух монтировок, не продержалась и минуты. Засов замка выскочил из накладки без заметных повреждений. Было бы странным, услышать сигнализацию в городе, где нет электричества. Тащим шмот внутрь.

В магазине договорились ничего не трогать. Фиг знает, как бот зачтет квест: не хватало еще оказаться грабителями. Вернули дверь на место.

Посчитали, что наиболее подходящие места для укрытий — углубления слева и справа от кассы. Из них мы будем отлично видеть Скока, а когда дойдет до середины — превратится в идеальную мишень. К тому же, траектории стрельбы выстроены безопасно. Можно не бояться накосячить и случайно подстрелить Макса.

Укрытия отлично подходят для быстрой атаки, нет ограждающей проход мебели и висящих с потолка баннеров. Но проигрывают в плане маскировки. Если присмотреться, то заметить нас можно прямо из двери. Рассчитываем на то, что самоуверенный Скок ходит на грабеж, как за хлебом. Скорее всего, так и есть. Представляю, как вояка, со скучающим лицом, монотонно делает рутинную работу: ломает дверь, бьет стекла, опрокидывает стойку. Квест засчитан, он выдавливают из себя жалкое: ух-у-у!. Возглас выражает радости столько же, сколько передайте, пожалуйста, за проезд.

Я засел с левой стороны. Разложил оружие. Время ожидания пошло.

В течение пятнадцати минут сердце билось быстрее чем обычно, потом успокоилось. Пропало ощущение, что с минуты на минуту начнется бойня. Осознаю, что возможно придется ждать несколько часов.

Через пол часа позволяю полностью расслабиться мышцам, слышу, как они остывают. Чувствую усталость, ноющая боль растекается по рукам и ногам. Становятся холодными и плохо управляемыми.

Мы шли всего десять минут, а ощущение — будто с гантелями в руках пробежал марафон. Боюсь себе признаться, но мне нужен отдых. Тело может дать осечку. Опираюсь спиной о стенку, затылок касается шершавого бетона. Опускаются веки...

— Миро-о-о-н... Э-э-э-й! — слышу крико-шепот Макса.

— А?

— Уснул, что ли?!

— Нет, — выдаю стандартный в подобных ситуациях ответ. А сам думаю: нихера я боец — в первом же рейде на посту обрубился.

— Слышал?

— Что?! Не, не слышал.

— Идет похоже...

Я как брошенный зимой автомобиль. Подшипники, шестеренки и коленчатый вал замерзли и покрылись ржавчиной. Трущиеся поверхности забыли, что такое смазка. Аккумулятор сдох.

Слышу чавкающий звук армейского ботинка и завожусь с пол-оборота. В миг тело наполняется теплом и страхом. Сердце бешено качает кровь. Тело вновь слушается, усталость и боль — как рукой сняло. Ненависть преобладает над страхом. Сейчас отмудохаем этого козла!

Шаги не ритмичные и громкие. Что-то бубнит. Неужели поет? Батяня комбат? Ну точно! Походу, набрался Скок.

По магазину разносится звук бьющегося стекла. Дергаюсь, от неожиданности едва не вскрикиваю. Между стойками катится пустая бутылка.

Ботинки шлепают уже совсем близко.

— Приготовься! — голос Макса звучит уверенно. — Я скажу, когда стрелять.

Беру лук, стрелу, готовлюсь к выстрелу.

Скок выбил дверь с одного удара. Па пол полетели щепки и металлические запчасти замка.

— ... огонь батарея, огонь батальон! — пьяный язык выдает исключительно фальшивые ноты.

Он принес с собой битую. Машет рукой, на пол сыпется второе окно. Здоровяк идет за портсигаром. Белая алкоголичка светится дыркой на животе.

Слева от себя вижу поднимающийся силуэт. Макс почти встал, стрела смотрит в Скока. Повторяю за ним.

— Что за нахер? — вояка остановился.

— Стреляй, — тихо сказал Макс и отпустил тетиву.

Стрела вошла под ключицу. Майка окрашивается в черный цвет. Скок орет и ворочается на месте. Дожидаюсь пока замрет, разжимаю пальцы. Мое лезвие вонзается в район левой почки.

Макс медлит. Понимаю, что это может плохо кончиться, хватаю копьё. Пока Скок пытается вытащить стрелу из плеча, врезаюсь в него сзади. Нож вошел в спину по рукоять, звериный рев Скока царапает стены магазина. После таких ранений не живут.

Макс пришел в себя. Короткий пухляш прет на Скока с копьём. Вояка дернулся в сторону, копьё пролетело мимо. Пацан набрал приличную скорость, не смог мгновенно остановиться, приблизился к Скоку на расстояние вытянутой руки. Мелькнула бита, за ней послышался звук рассекаемого воздуха.

Максу прилетело то ли в челюсть, то ли в шею. Пацана отбросило на несколько метров, тело два раза отскочило от пола, словно набитая сеном кукла. Возможно еще жив, но драться вряд ли сможет.

Что есть сил сжимаю копьё, толкаю перед собой. Скок врезается в стойку, чувствую, как нож пролез еще глубже, немного и проткну этого козла насквозь.

— Сдохни, сука! — ору, потому что не могу не орать. Сжимаю зубы и толкаю еще сильнее.

— ААААААА! — его рев поднимает волосы у меня на затылке. Куда-то исчезает уверенность, что все получится. Так орет, что хочется закрыть уши. Кажется, что лопнут перепонки.

А потом он поворачивает ко мне голову. В черно-белых тонах магазина на меня смотрят красные глаза. Мля, буду! Как-будто в зрачках включили подсветку или зажгли сигнальные огни...

Красные фонари высосали мою решительность под ноль, страх обездвижил тело. Лицо

Скока вздувается. На щеках и лбу появляются пульсирующие вены.

То ли я наложил в штаны, то ли сошел с ума от звукового удара, но Скок становится больше. Словно его в фотошопе x1,2 масштабируют.

Пока я с открытым ртом ссался в штаны, он вытащил из спины копье и швырнул в сторону. Палка три раза брякнула о пол.

Истекая кровью и прихрамывая, приблизился. Левая рука схватила меня за шею. Все-таки не показалось — с ним реально произошла какая-то хрень. Руку тоже раздуло. Вылезли вены и пульсируют так сильно, что я чувствую их кадыком.

— Вы че, лохи, совсем страх потеряли?! — даже голос изменился. Стал более грубым и твердым.

В голову приходит мысль: Халк, сука..., чувствую, как сжимается рука. Сначала я перестал дышать, потом горло охватила режущая боль. На грани отключки я услышал хруст. Лицо Скока стало размазанным и едва различимым, поплыло влево...

Вояка отпустил шею. Подошва берца впечаталась в грудь, я отлетел метров на пять. Боли не чувствую, темнеет в глазах...

— О! Лучник! Ты что ли?! — мозг распознает еще пару слов. — Молодец, что сам пришел. Сейчас я тебя научу, как в дядю стрелять...

Глава 5. Сколько за Скока

Реснулся. Стою среди вывернутых полок. С распростертыми дверцами встречает шкаф. Что-то знакомое. Соображаю. Реснулся в квартире, через которую вошел. Точно! Вокруг пестрят следы моего же лута.

Та-а-а-ак, значит я умер, потому что вояка-мутант переломал мне к херам всю шею.

С опаской тащу руку к кадыку. Пальцы проверяют целостность — все в порядке. Фу-у-ух. Опускаю голову. Смотрю не отпечатался ли на мне протектор от ботинка. Мля, опять голый! Рыскаю вокруг себя глазами: шмотки и оружие растворились.

Фигасе вы валите, господа разработчики! Грохнули и все? Прощай лут? Комбез то я еще найду, а если крутой шмот? Меч там или огнестрел... Жестоко.

Из окна на меня смотрит глубокая ночь. Боюсь, что задержался гораздо позже, чем до полуночи. Пора возвращаться. Не побегу же добивать Скока голыми руками? Макса найду завтра.

Открываю глаза в гараже. Одеваюсь, рука снимает блокировку с телефона. На часах — 3:19. Мда, поиграл... Иконка показывает пять пропущенных. Дай-ка угадаю от кого. Последний раз звонил в половину второго. Спит уже.

Заказываю через приложение тачку. Черная мазда обещает быть через двенадцать минут. Кратко обрисовываю ситуацию Димасу в ВК.

Машина приехала без двадцати.

В полпятого, предварительно установив четыре будильника, упал на матрас.

.....

Проснулся с первого. Встал без проблем.

Фиг победишь этот организм. Иногда проспишь десять часов, а утром как зомбарь шныряешь, пока не умоешься или не выпьешь крепкого чаю. А иногда отключишься часа на два, в трясущейся электричке, на плече бухого друга, с полным мочевым пузырем, а проснешься бодрячком с силами на неделю вперед.

Наступил понедельник — колыбель депресняка, злости и мандража. Пока закипает чайник, принимаю душ. Густой слой пены скапливается у слива, чувствую приятную свежесть. Это сколько я душ не принимал? Дня три, четыре... Отстой. Слушай, мужик, хочешь быть задротом — пожалуйста, но давай договоримся быть чистым задротом.

Вспоминаю серию из Саус Парка про ВоВ, где отвязные дворовые ребята подсели на ММОППГ. Через пару недель они превратились в прыщавых подростков и нехило растолстели. Не надо так.

Переступаю бортик ванной, ноги оказываются на коврике, если так можно назвать это орудие пыток. Грубый пластик впивается в ступни, кажется еще чуть-чуть и на нем останутся кровавые следы. Каждый раз психую, когда ступаю на него. Уже сто раз собирался отжалеть сраный косарь, да купить что-нибудь мягкое. Но жиденьшь внутри меня так не думает. Мойша с кудрявыми локонами угрожающе трясет калькулятором и говорит, что покупать коврик в съемную квартиру — абсурд, пустая трата денег. Вот купишь свою — пожалуйста, а пока — нечего деньги разбазаривать! Так и живем...

Протираю полотенцем запотевшее зеркало. Прыщей пока не видно — хорошо. Да и в целом выгляжу свежим, лицо отливает здоровым румянцем. Та-а-ак, что тут у нас? Семена

щетины превратились в черные ростки, покрыли поле над верхней губой и подбородке. Единичные всходы виднеются на щеках. От этой херни нужно избавляться, борода и усы дают серьезных дебаф к харизме перед Тонким.

Звонит телефон. Можно спокойно вытереться, надеть чистое белье, влезть в тапки, выйти и перезвонить. Но я не был бы собой, если бы не пробежался с голой задницей по квартире, оставляя мокрые следы на разводах побелки. Одной рукой вожу полотенцем по влажным волосам, вторая держит трубку:

— Да.

— Привет! Ты че трубку не берешь? Я вчера до двух часов ждал! Че там случилось? Я нихера не понял! Ты где? Что с Максом? Что за херня со Скоком? В смысле раздуло его? Как под баффом от огр-мага, или че? Шею рукой тебе сломал? Нихера он здоровый! Походу от пилюль этих! Квест не удалось сделать? А?

— В душе был.

— Ага, ага, да, да, понятно, — замолкает на пару секунд. — Чего?! Каком душе?

— Ты спросил, чего я трубку не беру, я отвечаю: в душе был, — скалю зубы от собственного остроумия. Чувствую, как Димас напрягся. Шестеренки в башке закрутились в полную силу. Не может догнать, каким образом в его цепочке причинно-следственных связей появился какой-то душ. Едва сдерживаюсь, чтобы не заржать.

— Да похрен мне на твой душ! — допетривает. — Шутник, мля. Рассказывай, давай!

Рассказал все как было. Минут пять отбивался от града вопросов. Дружище опять взрывает меня своими эмоциональными ох, ах и да ну нахер?. Спрашивает, когда вернусь в тизер.

Становится неловко. Чувствую себя провинившимся ребенком. Димас столько бабла мог поднять, но не повелся. Вместо этого подарил другу возможность, быть частью самой крутой онлайн зарубы нашего времени. А я тут мычу: работа, за квартиру надо платить, о будущем думать, стаж и все такое. Краснею, проглатывая слова, говорю, что мне пора идти.

— Слушай, — притормаживает. — Так, а что там с Максом?

— В смысле? Ну реснулся в квартире. Снова, наверное, луки крафтит.

— А что, если он его не убил.

— Как не убил? — по телу пробегает дрожь, становится прохладно. — Да там такая плюха залетела, полбашки должно быть снесло.

— Думаешь? Главное, чтобы он его не пытал. Хз, что от этого мутанта ждать.

— Да не...

— Ну ладно. Звони, как освободишься, — кладет трубку.

Твою мать, Димон! Ну и нахер ты это спросил? Вспоминаю, что Скок и вправду что-то говорил Максу, когда я кони двигал. А что, если... Да, не... Вряд ли...

Автобус везет меня к подземке. Ненавижу каждого пассажира: этот сопит, этот трется плечом, этот пялится, а вон тот тупой урод просто бесит меня.

Как можно думать о работе, когда перед глазами стоит комната из фильма пила. Макс пристегнут наручниками к батарее, Скок тушит об него окурки и отрезает пальцы. Фантазия идет дальше. Скок соглашается грохнуть Макса, но только если тот сольет меня. Я заслуживаю наказания не меньше, а судя по тому, как глубоко воткнул свое копьё — даже больше. Представляю, как рука халка ломает мне ноги. Бр-р-р-р...

Моя остановка. Подземка. Приветствует голос метрополитена. Улица. Солнечный свет. Жужжат автоматические двери.

Прикладываю пропуск к турникету, зеленая стрелочка разрешает пройти. Лифт. Кабинет. Падаю за стол. Я на работе.

Сегодня пришел вовремя. Откинулся в кресле и только сейчас почувствовал, как же все-таки устал. Энергия, полученная от трехчасового сна, заканчивается быстрее, чем ожидал.

Коллеги треплются о новинках кино. Меня не втягивают. Обычно мое настроение в понедельник — спроси какую-нибудь хрень, и я воткну ручку тебе в глаз. Они привыкли. В нашем кабинете царит атмосфера взаимовыручки, пустых разговоров и похлопываний по плечу, только когда я этого захочу. Редко.

Смотрю, что по задачам. Одно из обращений подсвечивается красным, пользователь возвращает его уже третий раз. Этот кретин, как раз из тех, кто считает, что машина должна делать за него всю работу, а служба поддержки — его подданные. Если система дает хоть малейшую оплошность, то вывернуть на меня ведро желчи становится делом чести.

Пару раз доказывал ему, что причина некорректной работы кроется в его растущих из задницы клешнях. Мудак соглашался. Соглашался и писал жалобу о плохом обращении с клиентами. Я до сих пор считаю, что фраза: изучай инструкции, прежде чем подавать обращения, свидетельствующие о твоей низкой квалификации самая лайтовая, которую можно было подобрать. Если бы я ответил словами, которыми думал, ворд бы три четверти подчеркнул красным.

Открываю обращение. Пишет, что очень срочно, что ничего не работает и тому подобное. Вернул еще в пятницу вечером. Провисело все выходные. Похоже у Тонкого появилась веская причина размять голосовые связки. Звонок не заставил себя долго ждать.

— Да, — поднимаю трубку.

— Мирон, зайди ко мне!

Ой, бля-я-я... Откидываю голову, вытягиваю ноги. Закрываются глаза. Сейчас бы полежать где-нибудь на пляже с коктейлем в руке. Посмотреть на загорелые попки, почувствовать вкус соленой воды на губах. Ага, с моим талантом просирать бабки, отпуск светит только в тизере. Стоп! Отпуск же. Точняк! У меня должно быть дофигище дней отпуска. Нужно брать...

Для приличия ударяю два раза костяшкой в дверь, вхожу.

— Проходи, присаживайся, — говорит, не отрываясь от моника.

Сажусь напротив. Гладко выбритое лицо застыло камнем. Выглаженный костюм отлично сидит на крепком теле, галстук крепится золотым зажимом. Пахнет туалетной водой. Мысленно вздрагиваю от его нервных нажатий на мышку.

— Видел ли ты обращение?

Все! Жопа! Просек эту тему уже давно. Если Тонкий задает вопрос, в котором есть частица ли — хоронись. Перед тобой сидит зануда восьмидесятого уровня, который готов нагибать.

— Какое?

Поворачивается. Лучи сканера проходят от поясницы до подбородка. Упс... Я же так и не побрился. Каменное лицо надламывается неопределенной гримасой.

— То, которое пользователь возвращает уже в третий раз, — так отчетливо выговаривает каждое слово, словно беспокоится, что глухой не прочтет его по губам. — То, которое находится в статусе на доработке с пятницы. И это при том, что имеет приоритет срочно.

— А, это обращение?! Ща посмотрю, что у этого придурка за траблы, — отвечаю и

оффигеваю. Это Я с ним сейчас говорю?

Тонкого, похоже, тоже впечатлил. Левая половина лица сползает вниз. Округляются глаза.

— Что?!

— Что? — включаю дурачка.

— А ты, не охренел?! — понеслась. — На работу опаздываешь! Меньше всех закрываешь обращений! На тебя жалуются! Мне начальник отдела звонил! Они хотят штрафные санкции выставить! Ты за выходные ни разу не появился в сети! Сейчас он посмотрит!

— Мне за работу в выходные не платят, — свербит оглянуться, чтобы посмотреть, кто с ним разговаривает. Пожал бы этому челу руку или даже обнял. Это же не могу быть я, верно? Или как? А куда делась мямля с языком в заднице?

— ЧТО?! — от каменного лица не осталось и следа, краснеет. Только бы его как Скока не раздуло.

— Что?

— Да ты, с-с-су... КАКИЕ! НАХЕР! ВЫХОДНЫЕ...

— Сергей Александрович, я в отпуск хочу уйти, — контрольный в голову.

— ЧТО, БЛЯТ..?!

— А что?

.....

Стою на ступеньках бизнес-центра. Нос накачивает в легкие воздух свободы. Снимаю галстук, кладу в карман.

В отпуск Тонкий не отпустил. Я что-то доказывал про трудовой кодекс и год работы без отдыха. В какой-то момент так разошелся, что готов был угрожать инспекцией по труду.

Тонкий не был бы собой, если бы не раскатал меня на татами делопроизводства. Не на того я напал. Заявление не писал — захват; по графику в отпуск стоит зимой — бросок; под графиком стоит моя закорючка — туше.

Я уже собрался выбросить белый флаг, как вдруг Сергей Александрович (язык не поворачивается это сказать) стал нормальным мужиком. Стирает искусственное выражение лица и откровенно говорит, что затрахал я его — жуть. Да — делаю много, да — делаю самые сложные задачи в отделе, но на этом плюсы заканчиваются. Опаздываю, вечно таскаюсь с кислой миной, грублю клиентам, разлагаю атмосферу в коллективе. Каким бы гением поддержки себя не считал, но работа отдела важнее, чем один хороший исполнитель.

И... я с ним соглашаюсь. Ведь действительно. Таскаюсь на работу, которую не люблю, а вместо того, чтобы что-то менять, распускаю токсичный газ по всему этажу. Может проблема во мне...

В какой-то момент показалось, что он достанет бутылку заныканного вискаря, мы нажремся и будем петь песни его молодости. Он будет петь, а я невпопад шевелить ртом, потому что не знаю слов. Но все оказалось куда проще. Тонкий достал чистый лист бумаги и предложил написать заявление. Отпустит меня без двухнедельной отработки прямо сегодня.

Мы оба от этого только выиграем. Говорит, что они не пропадут. Незаменимых людей не бывает. Потерпят немного, но найдут шестеренку с подходящим количеством зубьев.

Пишу заявление. Первый раз в жизни жму Сергею Александровичу руку.

Понедельник. Прошло два часа рабочей недели. Я шлепаю разношенными мокасинами по тротуару, улыбаюсь погрязшим в рутине прохожим. В отделе кадров сказали что-то про обходной лист, но я не трачу на это время, есть дела поважнее. Ноги ускоряются, звоню

Димону:

— Мужик, мне нужен гараж!

— Приезжай.

Даже спрашивать не стал — высший уровень дружбы. По интонации все понял. Я на взводе. Я готов действовать.

Димас всегда дома. Кажется, что ему даже мобила не нужна. В девяти случаях из десяти дозвонишься по домашнему. Он типо фрилансер. Говорит так родителям. На вопрос: чем занимается фрилансер и почему не зарабатывает деньги?. Димон отвечает, что сейчас трудные времена. Кризис повлиял на рынок онлайн услуг не меньше, чем на стоимость нефти и курс доллара. Ему не хватает совсем децл чтобы выстрелить... уже три года. Ну а успешный бизнес родителей — просто удачное стечение обстоятельств. Димас говорит, что денег не просит. Сами присылают...

Подхожу к метро. Ну нафиг — долго. Еще утром понял всю серьезность произошедшего, но признался себе только сейчас. Макс может оказаться в конкретной жопе, пока я тут жетончики покупаю. Нахожу на стоянке бомбилу. Едем.

Кидаю шефу пятихатку. Крутой чел внутри меня запер жиденьша в толчке, говорит таксисту: можно без сдачи. Вываливаюсь из тачки.

Расстегнутая на груди рубашка, развевающийся на ветру пиджак, целеустремленная походка — я, словно мир прилетел спасать.

Мирон крутится у открытого гаража.

— Здарова, — жмем руки.

— Ну че там? — спрашивает.

— По собственному написал.

— Красава, — растекается в улыбке. — Не пожалеешь.

— Посмотрим, — захожу в гараж, раздеваюсь. — Боюсь, что ты прав. Макс мог выжить.

— Бля-я-я, — хватается за голову.

— Есть идеи?

Садимся на диванчик. Какой тут придумаешь план, если понятия не имеешь, что творится внутри? Обсудили самые очевидные вещи: один на него не рыпаюсь; валю только если уверен, что минусану. А как быть уверенным? Скинуть бетонную плиту на Гольф?

Устраиваю булки в капсуле, говорю Димасу чтобы не ждал — может затянутся. Показывает сначала большой палец, а потом прикладывает имитацию телефона к уху. Киваю. Поехали.

Осматриваю очередную квартиру. Чувствую, как изменился мой взгляд. Я больше не рассматриваю предметы декора, личные вещи выдуманных жильцов или безвкусные картины на стенах. Взгляд превратился во взгляд мародера. Смотрю на найденный предмет и шевелю извилинами. Каждый из них — потенциальная возможность что-то скрафтить, усилиться или дольше прожить.

Кроме мародера во мне проснулся и садист, причем сейчас его интересы преобладают над остальными. Задерживаю взгляд на булавке, степлере, канцелярском ноже или вантузе и думаю, как можно использовать эти итемы, чтобы продырявить, сшить, распороть или отчпокать Скока.

Прячу голую задницу в спортивных штанах, застегиваю на груди синтетическую олимпийку поверх черной майки. Гопник внутри меня ликует. Осталось найти четки, барсетку, семки и забазарить Скоку за жизу. Наехать. Определить его, так сказать, по

понятиям. Ключ от хаты, где Макса спрячешь, есть? А если найду, сука?!

В кладовке меня ждет рюкзак... розовый. Ладно. Закидываю в него ножи. На балконе валяются швабра и лопата, затаскиваю в комнату. Сделаю копье. Черенок от лопаты слишком толстым, использую швабру. Чем примотать? В пластмассовом тазу на балконе нахожу кусок шпагата — подойдет.

Провозился минут десять. Мда-а-а... у Макса получилось в разы лучше. Мое жалкое подобие, скорее всего, выдержит только один удар. Если воткну во что-нибудь поглубже, то в руках останется палка с опметками шпагата.

В кладовке нашел молоток, топорик, плоскогубцы, проволоку. Так бывает всегда — сначала сделал, потом подумал. Обмотал бы проволокой, плоскогубцами хорошенько зажал. Такое копье не стыдно было бы людям показать, но переделывать уже не буду — впадлу. Инструменты спрячутся в рюкзаке. Туда же отправляются свечи и упаковка спичек.

А что у нас тут? На полке стоит бутылка Лимонад, ее оборачивает целлофановый пакет. Развязываю узелок, откручиваю пробку. В нос ударяет запах бензина, делаю несколько глубоких вдохов — круто пахнет. Пахнет мопедом Карпаты и шлангом бензозаправки. Каеф. Еще год назад я был постоянным клиентом АЗС, а потом... потом вляпался в столб... До сих пор выплачиваю долг.

За непогашенный автокредит отказали в рассрочке на тизер. Димону об этом не говорил. Стыдно даже вспоминать, что я рассматривал такой вариант. Проехали.

Бензин, значит. Это хорошо. Бутылка заполнена на половину, а идей нагенерилось, будто бочку нашел. Все они сводятся к сгорающему заживо Скоку.

На комод в прихожей лежит ключ. Нужно не забыть приватизировать хату перед уходом. Макс сказал, что достаточно просто закрыть.

Открываю тумбу с обувью. Бинго! Кожзам на невысоком каблуке с длинными носами. Под спортивные штаны, да с розовым рюкзачком м-м-м-м... Какие же вы, разрабы, сволочи... Нет! Хрен, Вам! Не доставлю такого удовольствия, босиком пойду.

Перед тем как выйти, долго смотрю в глазок. Оказываюсь на площадке, закрываю дверь, босые ноги шлепают по прохладным ступенькам.

Подъезд выходит во двор. Вижу детскую площадку, баскетбольное кольцо. У гаража трутся два парня. Стоят ко мне спинами, пожалуй, решаю свалить по-тихому, но доводчик двери со мной не согласен. За спиной раздается металлический лязг, парни оборачиваются.

Переглядываются, шевелят губами. Приветствую их поднятым вверх копьем, не дожидаясь пока они что-то решат, ухожу из двора.

— Эй!

Делаю вид, что не расслышал. Жалею, что не надел гребаные туфли, босиком не убегу.

— Эй!

Поворачиваюсь. Идут быстро, вприпрыжку. Один держит железную трубу, второй — монтировку. На фоне их кроссов, джинсов и толстовок с капюшонами, выгляжу, как бомж — босый бродяга со шваброй в руке и найденным на помойке женским рюкзаком.

— Привет! — приветствует пацан лет восемнадцати, челка закрывает один глаз.

— Дарова, парни! — оглядываюсь через плечо. — Чего хотели?

— Да, просто... поговорить. Ты куда идешь?

Остановились в трех метрах. Держат дистанцию. Ручонки крепко сжимают оружие. Пацан с челкой держится обычно, второй — уводит глаза, переступает с ноги на ногу.

— Друга ищу.

— Понятно. А знаешь какие-нибудь квесты? Нычки?

— Квест с портсигаром в разбитом магазине брал.

— Ай, — машет рукой. — Этот мы тоже брали. Больше ничего?

— Нет. А вы?

Замолкает, смотрит на своего друга. Тот отвечает непонятной мимикой, в глазах — страх. Не нужно быть кандидатом наук, чтобы прочитать план сопляков. Прокачаться на мне хотят.

— Короче..., — опять смотрит на друга, начинает пружинить ногами. Конец трубы ударяет по ладони. — Что у тебя в рюкзаке?!

— Показывай, — поддакивает дрожащий голос второго.

Смотрю ему в глаза, отводит взгляд. Если главный еще в состоянии замахнуться трубой, то второй хочет, чтобы я ушел подобру-поздорову. А лучше, чтобы я отдал рюкзак и умолял сжалиться. Тогда ему не придется краснеть перед другом, когда начнется замес. Двинуть монтировкой он не готов.

— Да вы хоть раз дрались? А, СУКА! — ору как псих, ноги раздвигаются в боевой стойке, копьё берет на мушку главного.

Как же они дернулись. Чел с челкой отскочил на пару метров, занес трубу за спину. Второй в нокауте. Лицо побледнело, оцепенел, вижу, как трясутся ноги, еще раз крикну и яйца выкатятся из разных штанин.

Делаю несколько шагов в сторону главного, второй остается по правую руку. Еще шаг и он на расстоянии удара. Делаю выпад, обратная сторона копья прилетает в ухо.

Пацан бросает монтировку, хватается за лицо. Дыхание становится прерывистым и частым: чуть-чуть и заплачет. Главный отскакивает еще дальше, выше заносит трубу. Не хочу его обламывать, но такой фокус работает только с собаками или мелкими зверюшками.

Улыбаюсь. Переполняет гордость и собственная крутизна. Что может быть приятнее, чем отмудохать зарвавшихся бандитов? То же мне, бойцы! Я здорового Скока почти насквозь проткнул, а они... Пффф! Да я...

Воу-воу. Мирон, полегче! Успокойся. Ты просто школьника палкой по лицу приложил. Какие бандиты?

И в правду... Чего это я? Но все равно приятно. Сколько раз мечтал потягать за ухо оборзевшего школьника, засирающего чат. Вот оно — возмездие. Спасибо, тизер.

— Какой размер? — спрашиваю обиженного.

— А? — детские глаза наивно спрашивают чего тебе еще надо? не видишь, мне и так плохо?.

— Кроссы снимай!

— Да ты чего? — лицо стягивается по вертикали, из глаз сейчас потечет.

— Давай быстрее, — не могу на это смотреть. — Поверь, мне они нужнее. Друг в беде.

Расшнуровывает. Упираясь носком в пятку, скидывает клевые замшевые тапки на плоской подошве, по щекам катятся чистые эмоции. Шмыгает носом.

Возникает желание спросить, где они такой шмот четкий взяли, но вовремя себя останавливаю. Если окажется, что за реал купили, то совесть не позволит взять, а кроссы, ну очень нужны, да и классные, сука...

Нападение с ограблением — поздравляю, Мирон! Скоро будешь крошить людей за косой взгляд или фирменную шмотку. Ладно, игра же... Жадно смотрю на носки. СТОП! Хватит! Пацан совсем в депресняк уйдет.

С чудовищным трением засовываю пыльные ноги в кроссы. Расплачиваюсь советом:

— Когда следующий раз решите кого-нибудь грохнуть: не разговаривайте и не мнитесь.

Нормальный чел сразу все поймет. Если между собой решили, то прите уже до конца. Удачи.

Сваливаю. Чувствую на себе взгляды, распрямляю плечи. Этаким матерый нагибатор: надавал подзатыльников, еще и жизни поучил. Сам лет на пять-семь всего старше, советчик...

С другой стороны, в своем детстве я еще успел полазить по гаражам, повзрывать пластиковые бутылки с водой и карбидом, выйти по разам и пострелять из рогатки. А эти что? Рожденные с айфонами и айпадами. Вайфаезависимые. Тусуются в торговых центрах, развлекают себя гифками и видосами, где чувак комментирует видосы.

По-хорошему, нужно было просто договориться. Не бить. Рывкнуть еще пару грозных и спокойно уходить. Хотя, урок им не помешает. Правда, таким смелым можно быть только в ознакомительной локации. В основной все может оказаться иначе, а со школотой — в особенности. Пока не понятно, как работает прокачка, но факт, что она есть. Наткнешься на такого сопляка, а он тебя одним прямым в челюсть — на респ. Можно обманывать себя, ссылаться на опыт, но в девяносто процентах случаях в компьютерной игре выигрывает молодость, а тизер, хоть и не совсем обычная, но все же — игра.

После этих мыслей пришло осознание, что пять минут назад нажил двух врагов. Как бы не пожалеть...

Глава 6. Да Скока можно...

Стою на лестничной площадке перед квартирой Макса. По пути заглянул в Гольф, Скока на дежурстве не застал.

Подношу кулак к двери, по подъезду разлетается стук. Тело охватывает тревога: а что, если он взял у Макса ключ и ждет внутри? Спускаюсь на две ступеньки ниже, правой рукой перехватываю черенок швабры. Если откроет вояка, метну и побегу вниз. Не уверен, что убегу, но попробую.

Напряженный момент длился секунд тридцать. Пару раз глубоко приседаю, едва не срываюсь с низкого старта, но мои опасения — всего лишь разыгравшееся воображение. На всякий случай дергаю ручку двери. Заперто.

Перед тем как уйти, оставляю на двери сообщение: напиши, где тебя найти, Мирон. Подкрашенная свеча отлично рисует на шершавой обивке. Оставлять свои координаты — стремно. Ухожу.

Осматриваю дома вблизи, нужно где-то залечь. Выбрал пятиэтажку, из окон которой, убитый Гольф Скока будет лежать, как на ладони. На каждом этаже проверяю, заперты ли двери, в надежде, что кто-то реснулся и бросил хату открытой. Дохожу до последнего этажа — безрезультатно. Выше — лестница на крышу. Отверстие в потолке закрывает железная крышка. Странно было бы не попробовать. Толкаю, и она поддается.

Поднимаюсь, аккуратно закрываю люк. Кроссы оставляют на горячем рубероиде отпечатки протектора. Над головой висит безоблачное небо, солнце приятно греет. Выбрал не самый высокий дом, но все же он позволяет изучить окрестности.

Улочка, на которой заправляет Скок, начинается из спального района, где все ресаются. Пяти и девятиэтажки собираются в квадратики, огораживают детские площадки и турники. Их разбавляют детский сад и школа.

Другой конец улицы упирается в улицу побольше или даже проспект. По бокам стоят административные здания и здания общественного назначения. Рассмотрел четыре шаствующих силуэта. Похоже, жизнь там бьет ключом, по сравнению с пустынным респом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Дальше объекты сливаются в однородную массу серого бетона. Не различаю ничего конкретного. Единственное, что выделяется на фоне остального — завод или ТЭЦ. Выдает себя двумя мертвыми трубами.

Следующий раз выберу девятиэтажку, а лучше, оседлаю одну из труб. На время даже забыл про Скока, люблю смотреть с высоты.

Подхожу к краю. Машина стоит в двадцати метрах. Кажется, что если хорошенько разбежаться, то можно допрыгнуть. Скока внутри нет. Буду ждать. Надеюсь, он еще не вырубил очередного нуба, иначе это грозит проторчать на крыше целый день впустую.

Первые десять минут, не отрываясь, отслеживаю передвижения неподалеку. Следующие двадцать сижу, опершись спиной о оградительный бортик, выглядываю один раз в две-три минуты. Еще полчаса чередую отжимания с приседаниями и упражнениями на пресс: Димас уверен, что так можно прокачаться. Не знаю, как быстро, но согласен с ним. Получилось же у меня приловчиться к самопальному луку.

Вспоминаю, как прокачивали перса в Морровинд: поворачиваешься лицом в темный

угол, приседаешь, зажимаешь чем-нить кнопку W и идешь тусить с друзьями на улицу. Возвращаешься через пару часов — у эльфа на максимум прокачена скрытность. Из лука выдает такие криты, что квестовые боссы отлетают с одной тычки. Вот бы замутить что-нибудь похожее тут: попиваю с Димасом пиво в реале, пока Мирон в тизере потеет на тренажерах и задрочивает стрельбу из лука.

С упражнениями — беда. Тело задрота не знает, что такое спортзал. Единственный, кто хоть немного вытаскивает, это отвязный хулиган, который любил в детстве повисеть на турниках.

С горем пополам забил мышцы. Болит — значит растет. Будем считать, что цель достигнута. Вымазал кроссы, одежду, руки. Полуденное солнце выпарило из тела ведро влаги. Даже лицо испачкал, когда вытирал льющийся в глаза пот. Ну и нахрен я это затеял?

Одежда прилипает к телу, волосы собрались влажными гроздьями. Все чешется. Проклинаю себя за то, что превратился в воняющего потом упыря.

Подхожу к краю. Из окна торчат ботинки. Скок пришел.

Бульдозерный протектор смотрит в небо. Вспоминаю, как резиновый монстр пнул меня, словно мяч. Чувствую жжение в груди. Плохо, что не заметил, как он пришел. Что принес? Откуда шел? Вижу только ботинки и голень, сам Скок прячется в тени кузова.

С виду — обычный мужик. Ну накачанный — да, но сейчас только ленивый не накачанный... ну и мы с Димоном. Но я и подумать не мог, что обладает такой силой: левой рукой смять шею, как банку из-под пива. Охренеть!

А как раздуло его? Скил прокачал или врожденный талант? Может у каждого есть что-нибудь подобное? Ночное зрение, бесшумный бег, рывок со скоростью света, левитация... Вот бы я умел летать!

Смотрю на асфальт, представляю, как прыгаю вниз. Отвесное падение придает телу максимальную скорость, выхожу из пике у самой земли. Левую руку вытягиваю вперед (по гайдам супермена), правая держит копье. Со свистом в ушах проношусь мимо Гольфа. Бросок. Копье приколачивает голову Скока к подголовнику. Гуд джоб!

Ставлю ногу на бортик. Хочется прыгнуть. Много раз замечал за собой эту хрень. Окажусь на балконе, строительном кране или мосту, представляю, как расставляю руки и щучкой нырну вниз. Но желание возникает только тогда, когда прыгнуть можно по-настоящему: перешагнул через перила и полетел. А вот если в какой-нибудь безопасной смотровой башне или за стеклом небоскреба, то псих во мне спит. Не возбуждают его игрушки без риска.

У меня нет суицидальных наклонностей и я люблю жить, но хочется прыгнуть. Не знаю почему. Может, чтобы проверить как все пройдет. Все падают и расшибаются в лепешку, а вдруг я приземлюсь с кувырком через плечо и скроюсь в темноте? Этакое любопытство, граничащее с безумием.

Опять понесло. На чем я остановился? Скок превратился в Халка. Точно. Тут я солидарен с Димоном. Он говорит, что это что-то вроде берсерк-способности. На лоу ХП Скок вошел в состояние повышенной агрессии и круто бафнул силу — крайняя защита перед смертью. За неимением других версий, соглашаюсь на эту.

Ожидание стало еще более утомительным. Веду себя аккуратно, чтобы не спалиться, и в то же время, не свожу взгляд с дороги. Не удобно. Оградительный бортик выступает на пол метра. Лягу — ничего не увижу, встану — заметит. В итоге, сижу, прижавшись к бортику спиной. Голову завернул больше чем на девяносто градусов. После получаса все затекает,

начинаю борьбу против покалываний и онемений.

Скок проводит дежурство в удовольствие. Звенит бутылками, ходит справлять малую нужду.

Я потерял счет времени. Солнце перевалило за кульминационный бугор, выросли тени. По ощущениям, сижу часов пять. Урчит живот. Вспоминаю про спрятанную в урне банку шпротов. Жадно глотаю слюну.

Нашел ржавый гвоздь, царапаю рубероид. Заканчивал рисовать девятую геометрическую фигурку в объеме, когда услышал шаги.

Выглядываю. По дороге идет мужик. Лысеющая голова вращается как на шарнире, густые усы прогибаются под натиском улыбки. Короткие шорты, велюровый пиджак и босоножки на черных носках. Все больше склоняюсь к тому, что шмотки появляются не случайно, разработчики явно стебуются над новичками.

Встаю, прыгаю в люк. Ноги отмеряют десять пролетов секунд за сорок. Копье и рюкзак прячу под лестницей, толкаю входную дверь. Словесная перепалка уже началась. Высовываюсь из-за угла дома.

— Старпер! Не тупи! Квест взял? — Скок стоит в двух метрах от мужика, его крик заполняет улицу.

— Чего, бля? — старик выпятил грудь. — Ты чего орешь?! Какой еще хвэст?!

— Квест! КВЕСТ! ЗА-ДА-НИ-Е! В магазине взял?! — Скок неплохо набрался, еі пошатывает от собственного рева.

— Так это ТЫ, что ли? — губы мужика разъезжаются в презрительной улыбке, между передних зубов показывается щербина.

— Ну, слава богу, — Скок театрально кланяется сопернику.

Мужику лет сорок пять — пятьдесят. Он на приколе. Он играет в компьютерную игру. И, судя по сжатым кулакам, собирается выиграть свой первый поединок. Хотел бы я ему помочь, но... увы. Все мы через это прошли.

Ветеран компьютерных игр подносит кулаки к челюсти. Рассчитывает на кулачный бой с уклонениями, партером и нокдаунами... жаль его расстраивать.

— Пфф, — затыкаю рот, чтобы не заржать. Мужик залепил Скоку в нос. Ахаха! Красава!

На этом бой и закончился. Скок достал нож и рубанул по шее. Мужик два раза непонимающе хлопнул глазами, рухнул на землю.

Скок даже не лазит по карманам. Вытирает нож о велюровый пиджак, идет к машине. Не в настроении вояка, дежурство долгое получилось.

Достает с водительского сиденья рюкзак, закидывает на спину. Лямки впиваются в накаченные плечи. Боюсь представить сколько вкусовостей лежит внутри. Скок преуспел в игре, по крайней мере в ознакомительной локации.

Еще раз наклоняется в тачку, в руке появляется бутылка пива. Шипит открученная пробка, вразвалочку чешет по тротуару. Метров через сто прячется в расщелине между жилых домов.

Бросаю взгляд на мужика. Бордовая лужа под ним рассекается все дальше. Интересно: какие выводы для себя сделает, что будет делать дальше? Что вообще привело сюда? Наверно, играми его молодости были еще: Балдурс Гейт, Мастер оф Орион и Панцер Дженерал. Как бы тизер не оказался слишком большим шагом вперед.

Оставляю тело позади, короткими перебежками преследую Скока.

Минут через пятнадцать оказываемся на отшибе района или города, фиг его знает.

Вояка прет в одноэтажный частный дом. Около забора крутятся трое парней. Видят Скока, сваливают подальше.

Стучит. Дверь открывает какой-то мужик, высовывает голову за порог и с опаской смотрит по сторонам. Скок нетерпеливо толкает его в грудь и заваливается вместе с ним внутрь. Похоже, тут и берет квест, а прямо сейчас получает очередную награду.

Пробыл внутри не больше пяти минут. Хлопает дверь, топает в обратном направлении. Чуть не застал меня врасплох, пришлось заныкаться за мусорными контейнерами.

Живет недалеко. Спустя десять минут провожаю его взглядом в подъезд девятиэтажки. Наблюдаю со двора через окна на лестничных площадках. Преодолевает этаж за этажом. Отхожу все дальше, чтобы видеть силуэт. Смогу отследить этажа до шестого, дальше упрусь в стоящий напротив дом. Повезло. Скок остановился на пятом.

Тени стали длиннее, чем сами объекты, солнце превратилось из желтка в догорающий красный карлик. Если совсем грубо прикинуть, то время — часов семь. Скок пойдет громить магаз после двенадцати. У меня есть часа четыре-пять, чтобы подготовиться.

Преследование закончилось, а вместе с ним снизился уровень адреналина в крови. Тут же напоминает о себе желудок: выдает оглушающие урчания, бьется в спазмах. Голодание становится первоочередной проблемой. Чувствую слабость и дрожь в руках.

Здравый смысл, логика и IQ 117 разрабатывают план: заходим за рюкзаком, по дороге возвращаем себе банку шпротов, идем домой. Порыскаем на кухне какой-нибудь сухарь или слежавшуюся крупу, устроим высококалорийный ужин.

Голодный желудок кладет хер на разработанный план. В итоге: стою возле зеленой мусорки сделаем мир чище и облизываю жирные пальцы. Шпротинки залетают почти нежеванными. Монстр требующих хавку немного успокаивается, перестает душить мозг.

Забегаю за рюкзаком, к дому иду мимо Гольфа. Тело с дыркой в шее исчезло. Виден отпечаток растекшейся крови, похож на пятно от пролитого масла на асфальте. Что-то подсказывает, что и оно скоро исчезнет.

Подхожу к дому. Гараж, у которого крутились мои обидчики, все-таки поддался. Ворота открыли. Черная полоса между ними подогревает интерес, ноги несут к жестянке. На всякий случай, выставляю вперед копьё, но тишина, позволяющая слышать свое дыхание, подтверждает, что внутри никого нет. Захожу.

Почти все пространство занимает старая волга. Выглядит лучше, чем Гольф Скока: в шинах есть давление, на черной краске не видно сколов и ползущей ржавчины, целы фонари и поворотники. Разбито водительское окно, но, скорее всего, что это случилось пару часов назад.

Протискиваюсь между стеной и Волгой, падаю на черный козям. Приятно пахнет. Чем? Фиг знает — автомобильным салоном, если такой запах существует. В зажигании торчат ключи.

Прежде чем мозг начал фантазировать, как я разъезжаю по городу и сигналю чикам в мини юбках, рука поворачивает зажигание. Тишина.

Осматриваю салон. Открытый бардачок дразнит своей пустотой. Если внутри что-то и было, то чел у которого я отжал кроссы, утер мне нос. Вылажу.

Чего внутри только ни валяется: инструменты, канистры, велосипедные колеса, матрас, надувная лодка, закатки.

Банки с огурцами выглядят нормально. Муть не плавает, цвет привычный. Надписей с годом и месяцем закатки не вижу. Чувство самосохранения посеяло сомнение: как мы

справимся со шпротами и огурцами в одном флаконе? Желудок заткнул его и взял управление в свои руки: банка прячется в рюкзаке.

Рыскал полчаса. Предметов, которые можно использовать, нашел целую гору, но посчитал, что тащить домой — нет смысла. По отдельности ничего важного из себя не представляют, а если что-то понадобится, то найду их тут, или в другом гараже. Беру полую металлическую трубу прямоугольного сечения и тканевую изоленту.

Щелкает замок. Скидываю барахло в комнате, иду на кухню. Шкафчики открываются один за одним, гремит посуда, трясется холодильник. Подвожу итоги: начатая бутылка минералки, овсяные хлопья, кусочек колбасы и хлебцы. Сырокопченая первого сорта пахнет нормально. НОРМАЛЬНО? ОНА БОЖЕСТВЕННА! Она пахнет, как свежий стейк средн прожарки из мраморной говядины приправленный лучшими азиатскими специями. Ни разу не ел и не нюхал такой, но много раз слышал. В общем, с учетом того, как сильно хочется жрать, колбаса — блюдо от шеф-повара.

Заливаю хлопья водой, режу колбасу. К супер рациону присоединяется банка огурцов. Приятного аппетита. Следующие десять минут во всем доме шумят только мои пломбированные резцы.

Вечер вступил в свои права. Зажигаю свечи. В романтической обстановке мерцания огненных язычков сажусь разбираться с пухами. Этим дермовым копьём Скоку только в зубах ковыряться. Труба из гаража — новый левел для копья. Можно найти подходящей толщины нож и запихнуть внутрь, но я придумываю кое-что более дерзкое. Прикреплю два одинаковых ножа с боков.

Полчаса кропотливой обвязки дарят мне надежный двузубец. Запарился с креплением, но зато плотная скрутка проволоки держит не хуже, чем сварка. На трубу намотал жирный слой тканевой изоленты. Теперь ее приятно держать и можно не бояться проскальзываний.

Поставил копьё у стены. Как же круто получилось. Хиленький черенок от швабры с отвратительной развесовкой и шпагатом против пропорционального почти цельного монстра с удобным хватом. Наспех сделанное оружие дикаря против современного копья. Макс бы гордился мной.

Ну а теперь переходим к тому, что по-настоящему может склонить чашу весов в нашу сторону — пол ботла бенза. Спускаю фантазию с цепи.

Закрепить под потолком, опрокинуть на Скока, поджечь говнюка огненной стрелой. Должно быть эффектно. Вспоминаю слова Макса: план должен быть простым, надежным и жестким, в этом уж слишком много переменных.

Разлить бензин у квартиры, протянуть к нему тоненький ручеек. Ага, ништяк. Представлю, как Скок вбивает меня в стену горящим ботинком. Эффектно, но для зрителя, с другой стороны.

Останавливаюсь на том, что пол бутылки бензина годятся только на старый добрый коктейль Молотова. Опыта такого нет, но в теории выглядит все просто. Да и вообще, именно по этой причине он обрел такую популярность, так ведь? Откручиваешь бутылку, вместо пробки вставляешь тряпку, предварительно смочив бензином. Поджигаешь, бросаешь. Бутылка разбивается, фитиль тут же поджигает горючую смесь.

Кстати о смеси, наверняка, она содержит не только бензин, но в инете не чекнуть, да и партизанской литературы я тут не видел. Можно сгонять в реал, время вроде позволяет.

Дергаю ручку выхода.

Свет горит, Димона нет. Времени не так много, поэтому звонить не буду. Да что там

звонить, я даже одеваться не стал. Плюхаюсь голой задницей на диванчик. Сейчас даже не парит, как сильно он изъеден молью и сколько династий клопов строили внутри величайшую империю.

Заполняю поисковую строку: Как приготовить коктейль Молотова. Итак: бензин, мазут, керосин, скипидар, масло, гудрон какой-то, сахар, пенопласт, пластмасса, чего там только нету. Изменяя пропорции и состав, можно создать разные жидкости. Какие-то дольше горят, какие-то горят с более высокой температурой и так далее.

Трезво оцениваю ситуацию. У меня есть бензин — это точно. Вряд ли, я найду что-нибудь еще. Мазут? Это типо масло переработанное? Гугл? А не — это какие-то остатки после выделения из нефти. Проехали.

Та-а-ак, а вот это?

Пол бутылки бензина плюс пенопласт. Отлично подходят пенопластовые стаканчики.

Кажется, видел один на кухне.

Дать несколько дней настояться.

Дам несколько часов.

Кусочки пенопласта разбрызгивают пламя и делают горение равномерным. Смесь обладает почти теми же свойствами, что и напалм.

Пожалуй, это подойдет. Напалм! НАПАЛМ, СУКА! От одного слова сердце бьется быстрее.

Просматриваю несколько роликов о том, как правильно бросать, чтобы не пожарить себя самого. Прыгаю в капсулу.

Заметно стемнело. Уходил вечером, пришел почти ночью. Бывает такое, зайдешь в магазин за продуктами, выйдешь и офигеваешь сколько времени там провел. Хотя, скорее всего, это просто эффект такой, самовнушение, или восприятие действительности или самообман, короче...

СТОП! Нет. Похоже меня не было дольше, чем я думаю.

Перед тем, как дернуть ручку двери в реал, я мимолетом глянул на свечу. Еще подумал, как бы не спалить квартиру. Белая свеча диаметром пять сантиметров с одноразовым подсвечником сгорела где-то на четверть. Я выходил в реал минут на пятнадцать — двадцать. Сейчас от свечи осталось чуть меньше половины. С помощью нехитрой математики, прикидываю, что потерялся примерно час времени. Может это плата за перемещение? А с респом такая же фигня? Ладно, позже узнаю. Если потерял час, то времени остается не так много.

Нахожу на кухне тот самый стаканчик, отрезаю половину. Кухонный нож рубит его на разделочной доске, как лук в салат. По импровизированной лейке из газетной страницы, засыпаю пенопласт в бензин, иду в комнату.

Глаза сканируют предметы на наличие фитилей. Руки снимают с подушки наволочку, с треском рвут на полоски. В одной из статей мужик посоветовал потренироваться на холостых, прежде, чем выполнять боевой бросок. Беру с балкона четыре водочные бутылки, наполняю водой. Плотнo утрамбовываю пожелтевшую ткань наволочки в горлышко. Через пять минут четыре муляжа готовы. Выхожу на лестничную площадку.

Разбить стеклянную бутылку о бетон? Что может быть проще? Да, как два пальца об асфальт!

Ну-ну... бутылки бьются проще простого только случайно... тогда, когда ты совершенно этому не рад. Например, когда мужики сообразили на троих, но гребанная кожа от банана

ломают их планы. А если выходишь на площадку с конкретной целью разбросать стекло, то обязательно лажанешь. В тизере все как в жизни...

В подъезде, да и на улице полная тишина. Подстегивает непонятный страх потенциально наведенного шума. Еще не бросил бутылку, а уже думаю о том, как звон стекла разлетится во всей ознакомительной локации и приманит Скока. Из-за этого, первые два броска получаются... не получаются, в общем. В поисках минимальной силы броска, которая не наделает много шума, бутылка катается по этажу и проливает воду.

Два лажовых броска конкретно меня раззадорили. Теперь швыряю уже изо всех сил, закусываю нижнюю губу от звуков разлетающегося стекла.

Следующая проблема не заставила себя долго ждать. Ну, положим, разбить о бетонную стену получится, но каким хером это навредит Скоку? Разбить об него? Это уже из разряда фантастики, да и потренироваться не на ком. Остается пол. Если разобью у самых ног, то смесь должна попасть на штаны.

Смотрю в окно. Луна заняла вахту, город погрузился во тьму. Пора.

Возвращаюсь в квартиру. Закидываю в рюкзак бутылку, наволочку, нож, спички. Рука хватает копьё. Леонид бы Спарту за него отдал. Хлопает дверь, в замке поворачивается ключ. Перескакиваю через гору битого стекла, спускаюсь во двор.

Один за одним за спиной остаются силуэты многоэтажек. Удалось рассмотреть пять-шесть окон, из которых пробивается мерцающий свет свечей. Город умер.

Дверь в подъезд откликается скрипом, поднимаюсь.

На пятом этаже напряжение достигает пиковых значений. Каждый следующий шаг на площадку шестого этажа делаю быстрее предыдущего. Это как ночью ходить в туалет: выключишь свет и мчишься в кровать. Монстр из темноты перестанет преследовать, когда накроешься спасительным одеялком.

Забежал на шестой этаж и едва не вскрикнул от щекочущего психо-кайфо-нервного состояния. Успокоился.

Спускаюсь на пролет ниже. Копьё кладу на ступеньки, достаю итемы из рюкзака. Крафтить при свете было куда проще. На коктейль ушло минут десять. Зажигаю спичку, чтобы оценить результат: фитиль плотно запечатал бутылку, один конец торчит наружу, второй касается бензина. Кусочки нашинкованного стаканчика разбухли и потеряли форму. Выглядит годно.

Началось нелюбимое время ожидания.

Не знаю сколько просидел: двадцать минут, час или два. Но хватило, чтобы обдумать то, что стал безработным, что в ближайший год, скорее всего, проведу в тизере больше времени, чем в реальной жизни, что Полина будет даже рада, перестану заваливать ее пьяными сообщениями и просьбами вернуться. Успел перейти к мечтаниям о второй капсуле для Димона, когда услышал копошение у двери.

Вброс адреналина снова завел тело с пол-оборота. Трясущиеся руки нащупывают спички. Хватаю сразу три или четыре. Неуверенный чирк сопровождается яркой вспышкой. Поджигаю фитиль.

После яркого света от огня темнота вокруг стала еще чернее и гуще. Отвожу руку в сторону, чтобы глаза привыкли к контрасту. Секунд через десять снова вижу очертания стен.

Фитиль горит ярко и иногда дает о себе знать непонятными вспышками. Горит быстро, еще минута и доберется до горлышка. Копошение за дверью продолжается, но заветного поворота замкатак и не слышу. Ну открывай же, сука!

Вместе со щелчком замка, надламывается моя решительность. Сжимаю зубы. Фитиль заканчивается. Что делать? Тушить и заново поджигать? Не успеваю уже...

Скок выходит на площадку. Хрен знает, что он подумал, и успел ли что-то подумать. Швыряю бутылку, что есть сил. Коктейль приземляется в полуметре от ног. Бутылка разлетается, высвобождает горючую смесь. Она стремится по инерции вперед, вспыхивая прямо в воздухе. Капли напалма приземляются на ботинки и штаны.

В подъезде становится светло, лицо обдаёт жаром. Похоже, что на реакцию Скока повлияло выпитое. Секунды две одуплял, что происходит и лишь потом запаниковал.

Хлопает руками по штанам. Потоки воздуха разносят пламя в стороны, но оно не тухнет. На ладонях остается горящая масса.

Под аплодисменты хватаю копьё. В четыре гигантских шага спускаюсь с лестницы, набираю приличную скорость, копьё вонзается в грудь. Звук разорванной майки сопровождается хлюпаньем, будто бутылку с водой пробил. Сжимаю черенок и с массой всего тела тащу на себя. Лезвия вылазят наружу, слышу звон металла. Испугался, что лишился одного из лезвий, но нет — оба не месте.

Мое лицо искривилось эмоциями злости и ненависти. Руки не дрожат.

Скок, как рыба, хватая ртом воздух. Хочет что-то сказать или крикнуть, но, похоже, я повредил легкие. Прикладывает горящую ладонь к ране. Микрокапельки горючей жидкости попадают на синтетику, вспыхивает майка. Из продолговатых отверстий валит кровь. Песнь крови и пламени, мать твою.

Прицеливаюсь в шею. Те самые камуфляжные штаны пылают так, что жарят мне ноги. Один правильный выпад отделяет меня от падения бездыханного гандона на покрытый стеклом бетон. Оттягиваю руки назад, приятная боль в мышцах свидетельствует о готовности...

Удар! Скок уводит голову в сторону, ножи высекают искры о стену.

Опять, сука...

Краснеет, на лице выступают вены. Хрен знает, может отрасли вторые легкие, но где-то ублюдок нашел воздух, чтобы заорать. Пронизывающий вопль снова выбивает меня из колеи, руки дают слабинку, пячусь назад.

Скок делает два неуверенных шага, отступаю. Цепляясь пятками за ступеньки, избегаю на пролет выше. Разгневанный, пылающий монстр прет на меня. Завожу копьё за спину, швыряю.

Лезвия вонзаются в левую часть груди. Скок отводит назад плечо и приостанавливается. Вижу, как обугливается его кожа. Да сдохни ты уже!

Поднимает глаза. Снова загораются красным, лицо превращается в волчий оскал. Орет и прет дальше. Зверю, который разорвет меня на куски, осталось преодолеть пять ступенек.

Вытягиваю вперед руки, зажмуриваю глаза. Только бы быстро убил...

Скок спотыкается, торчащее из груди копьё упирается в последнюю ступеньку. Лезвия вонзаются еще глубже.

Дышит, как медведь, слюна стекает по бороде. Челюсти кусают воздух. Там столько злости, что он готов сожрать меня. Глаза, не отрываясь, пялятся в мои, а ноги толкают вперед. Он обезумел. Вся эта гора мышцы все глубже и глубже насаживает себя на копьё.

Слышу металлический хруст — ломаются лезвия. Черенок с металлическим звоном скатывается ему под ноги. Скок поднимается на площадку, тянет правую руку к моей шее... Замирает. Лицо бьется в конвульсиях, из уголка рта вниз ползет кровавый ручеек.

Подгибаются колени. Падает на спину, как подрубленное бревно. Скатывается на площадку своего этажа...

От автора

Всем, кто уже жмякнул мне нравится — Спасибо! Автор прется от будоражащей и приятно волнующей единички рядом со вкладкой Уведомления, если вы понимаете, о чем я:)

Глава 7. Проспект

Опускаю трясущиеся руки. Сердце накачало в голову столько крови, что кажется вместе с венами на висках, пульсируют и глаза.

В нос ударяет запах горелого мяса. Огурцы, шпроты, хлопья и колбаса собрались выходить. Отвожу голову в сторону, затыкаю нос. Немного попустило.

На смену марафону страха, напряжения и злости приходит спокойствие и желание отдохнуть. Чувствую, как остывает тело, мышцы превращаются во вчерашний кисель. Сейчас бы шлепнуться на задницу и посидеть, но, черт возьми, нужно действовать. Давай, мужик, давай...

Пытаюсь вспомнить, какими были следующие шаги моего плана. Сложно. Похоже, не особо я в него верил. Ну, же! Закрывать дверь, чтобы не реснулся снова! Точно!

Хватаюсь двумя руками за перила, перелетаю через горящее тело, будто прыгун с шестом. Пламя почти погасло, но света оказывается достаточно, чтобы разглядеть валяющийся на площадке ключ. Вот что звенело, когда вытащил из Скока копье. Похоже, вояка не успел закинуть его в карман, а потом просто разжал кулак. Спасибо. Спасибо, что не пришлось выковыривать его из запекшегося сгустка кожи и штанов.

Поднимаю ключ, плечом наваливаюсь на металлическую дверь. Латунь царапает замочную скважину, рука психует, старается впахнуть силой. Второго Скока мне не одолеть. Ну же... Поворот, щелчок. Есть! Если реснуться не успел, то тут уже не появится. Черный риелтор Мирон знает свое дело.

Снова открываю дверь. Вхожу:

— Макс!

Бегу в комнату, по дороге ловлю небольшой ступор — комнаты две, значит квартиры с металлическими дверьми — двушки. Всматриваюсь в темноту — пусто.

— МАКС!?

Пацан не отвечает, несусь во вторую комнату. Ноги сбивают стоящие на пути предметы, делают много шума. Врываюсь, дверь стучит о стенку. Никого... Проверяю кухню, санузел, кладовую — пусто. Больше пацана спрятать негде. Макса в квартире нет. Как нет и времени на размышления: почему? Стягиваю с кровати плед, бегу на площадку.

Серый прямоугольник в полоску накрывает Скока. Через четыре секунды прекращается треск пламени и шипение синтетических тканей. С удовольствием оставил бы все как есть, но мне нужен гребанный рюкзак, что висит на спине. Делаю три глубоких вдоха, на четвертый задерживаю дыхание, откидываю покрывало. На площадке снова стало темно, но недостаточно темно, чтобы не заметить поднимающийся к потолку дым мертвечины, а еще эта вонь... Глазные щели становятся толщиной с монету. Хочу быстрее покончить с этим, и, как обезумевший от голода койот, рывками тяну рюкзак. Протащил Скока сантиметров двадцать, опаленные шлейки не выдержали. С треском завалился на задницу, крепко сжимаю трофей.

Воздуха не хватает. Жадно вдыхаю это дерьмо. Голова идет кругом, воображение рисует картинку, где я выковыриваю ключ из запекшейся кожи. Огурцы, колбаса и остальные выходят на площадку, растекаются неправильной лужицей.

Слезы из глаз и испарина на лбу. Животу стало легче, а телу — сложнее, конкретно

проседаю по силе или выносливости, не знаю. Бьет дрожь, хочется полежать и выпить воды.

Нельзя. Как далеко он респаунится? Через сколько появится здесь? Поторапливайся, Мирон!

Заваливаюсь в квартиру, теперь мое внимание приковано к тому, чем можно поживиться. Глаза мародера жаждут увидеть арсенал из калашей, эмочек, осколочных гранат, метательных ножей и пары самурайских мечей. Квартира отрезвляет суровой правдой: бейсбольная бита, топор, армейский нож. В одной из комнат меня ждут шесть бутылок вискаря и таблетки. На кухне нахожу консервы, крупы, бомж-пакеты, сахар, чай, яблоки, сушеную рыбу и еще какую-то хрень.

Бегаю по комнатам и пихаю в рюкзак все, что мозг считает наиболее ценным. Быстро забивается под завязку. Вспоминаю о розовом рюкзаке, что лежит на пролете над Скоком. Идти за ним влом, потому что придется снова смотреть на тело. Хватаю целлофановый пакет, так же быстро наполняю.

Как же хреново без часов. Чувство времени растворилось в преследуемом страхе увидеть фулового Скока. Убеждаю себя, что прошло минут тридцать. Пора валить.

Выхожу на площадку. Сердце взрывается новым приступом трепета. Тело ИСЧЕЗЛО. Вместе с ним растворился запах, тускнеют кровавые пятна. Ну, бля! Если это НЕ призна того, что он реснул, то я — кардеболетинка, мать твою...

Ключ оставил в замке, когда входил — это прям подарок. На то, чтобы попасть трясущимися протезами в замочную скважину, ушло бы не меньше недели. Поворачиваю замок, ключ прячется в кармане, прыгаю по ступенькам.

Остановился на четвертом этаже, замер. Мойша поучительно трясет пальцем и отчитывает за то, что я так просто оставил копье, над которым провозился не один час. Трусилка, отвечающий за то, чтобы уйти из передраги живым, трясет за калошу и, исходя на писк, орет: ВАЛИ НА ХЕР ОТСЮДА! КАКОЕ В ЖОПУ КОПЬЕ?!

Оставляю ношу, возвращаюсь на пятый. Рука хватается обломок, ноги несут назад. Подхватываю рюкзак, пакет, вываливаюсь из подъезда.

Через десять минут щелчок замка в моей лачуге позволяет вдохнуть воздух безопасности. Опираюсь спиной о стену, сползаю на задницу. Дышу...

.....

Выхожу из астрала с мыслями о том, что нарисованные наркоманом цветочки на обоях имеют по шесть лепестков. Но это ТЕ, что смотрят вверх, а голубенькие, что завалены на бок — по семь. Но всех их обставил красный цветок, он хвастается целой дюжиной лепестков. Мать-цветок, среди прислужников...

Миро-о-он? Ау-у-у! Ты, о чем вообще?

Так... Стоп! Сажу на заднице в крошечной темноте. Судя по онемению и гарцующим на заднице мурашкам — сажу давно. Не могу даже вспомнить, о чем думал, ну кроме узора на обоях. Ноги разгибаются под приятный треск в коленях. Устал, как... Устал, так, что даже впалду придумывать сравнение.

Медленно приходит осознание, что все получилось. Я сделал этого козла. Ушатал уродца! Чувствами радости и гордости хочется поделиться. Встретить первого встречного, по-блатному плюнуть на асфальт, оттянуть спортивные штаны в районе причиндал и сказать, что вальнул Скока. Впечатлений — хоть татуху набивай.

Рюкзак и лут — это конечно хорошо, но где Макс? Неужели он все-таки умер тогда? Может быть... Я ведь даже не дал ему шанса объявиться. Так стремился спасти от

издевательств Скока, что даже не удосужился хорошенько все проверить. Будет забавно, если приду к его квартире, а на двери — ответ: я за хлебушком выходил, а сейчас дома.

Ладно, вернемся к этому позже. Башка не в состоянии что-либо анализировать. Откидываю в сторону рюкзак, иду к выходу. Мне необходимо этим поделиться. Димону необходимо это услышать.

Дергаю ручку. Открываю глаза в гараже.

Снова преследует дезориентация, сушняк и слабость. Одеваюсь, усаживаюсь на диван. Минут через десять негативные эффекты развеиваются, прихожу в норму. Рука тянется за телефоном. Циферки в левом верхнем углу показывают — 4:09.

Набираю Димасу сообщение. Пальцы не запариваются с запятыми и знаками препинания. Дошел до слов если не спишь и остановился. А если спит? Удаляю к херам написанное, клацаю кнопку вызов.

Поднял гудка с седьмого. Не знаю, что за личности управляют его телом, но какой-то говнюк целую минуту пытался найти отмаз, чтобы остаться в кровати. Вываливаю козырь про Скока — через пятнадцать минут Димон сидит рядом, протягивает бутылку минералки.

Проболтали до шести часов. Выхожу из гаража, чтобы проводить друга, а заодно подышать утренним воздухом.

— Что будешь делать? — спрашивает.

— Нужно найти Макса, а там посмотрим.

— Ну, давай! Набирай, как выйдешь.

Жмем руки. Возвращаюсь к белому технологическому чуду, раздеваюсь. Погнали!

.....

В квартиру пробивается солнце. Ништяк. Нет нужды палить свечи и шугаться образа стриженного вояки в темных углах.

Ну что, теперь ко вкусенькому! Поднимаю в прихожей рюкзак и пакет, тащу в комнату. Чувствую себя пацаном в новогоднюю ночь или в день рождения. Надарили целую кучу подарков, готов вскрывать. Рюкзак отставляю в сторону: самый дорогой подарок от мамы с папой открою последним, сладкое, как говорится, на десерт. А начну с приятных, но более бюджетных плюшек от друзей, дядь и тетя.

Итак, содержимое пакета: две упаковки черного чая, шесть банок тушенки из свинины, четыре банки мясных консервов из говядины, открытый пакет сахара весом девятьсот грамм, упаковка конфет Коровка, четыре пачки лапши быстрого приготовления, пустая спортивная бутылочка для воды, две банки пива, бутылка виски, три зеленых яблока, пачка макарон, пакет риса и освежитель воздуха со вкусом альпийская свежесть.

Мда-а-а, мужик... Ты такой голодный был? Заживо человека за хавку спалил? Красава... Если выкинуть из пакета освежитель воздуха и спортивную бутылочку, то получится мой стандартный закуп в день зарплаты. Рукалицо...

В памяти всплывает мутная картина кухни. Вижу там пластиковые бутылки с какой-то жидкостью, солнечные очки, отвертку и вроде даже пальчиковые батарейки, а набрал еды. Ты бы сразу там жрать начал, чтобы побольше вынести... Идиот!

Вся надежда на рюкзак. Аккуратно, словно яйца Фаберже, вытаскиваю каждый предмет: армейский нож в чехле, две бутылки виски (ну а как же), две пачки таблеток Кетанов, пластмассовая коробочка оранжевого цвета с надписью аптечка индивидуальная, бинокль, связка из шести ключей, три упаковки гематогена, пять протеиновых батончиков с арахисовым маслом, две пачки сигарет Кент, бензиновая зажигалка, белая полимерная

баночка из-под лекарства и портсигар.

Этот улов нравится куда больше. Хорошо, что рюкзак собирал Скок. Если бы — я, то внутри нашел бы пять бутылок вискаря и, дай бог, портсигар.

Открываю полимерную банку для таблеток. Внутри болтаются две капсулы, белые с зеленым ободком посередине. На коробке ничего не написано, как и на капсулах. Не те ли это пилюли, которыми платят за квест? Не из-за них ли Скок превратился в такую машину?

Пальцы отлавливают одну. В любом случае: не попробую — не узнаю. Закидываю капсулу в рот, собираю немножко слюны, глотаю.

Пластик скатывается в желудок и мгновенно действует. Первый раз чувствую что-то подобное. Волна свежести и бодрости прокатывается из живота до кончиков пальцев, волос на макушке и пяток. На секунду ощущаю прилив сил, а потом снова чувствую себя как прежде. Бицуха вроде не подросла, взгляд зорче не стал, мозг все также не знает результат химического взаимодействия кислот с тяжелыми металлами. Ничего не изменилось.

Походу, я хилку съел. Ну да. На кой черт Скоку таскать таблетки, которые бустят, если их можно инвестировать в себя? Логично. Жалею, что одну слил в никуда.

Перед тем, как идти к Макс, нужно восстановить копьё. С собой брать не буду, но оружие всегда должно быть наготове. Двухзубец в моих руках становится серьезной проблемой для врагов, да и руки уже знаю, что с ним делать. Возникла идея примотать армейский нож, но остановился на том, что он неплох и как самостоятельная единица.

Два близких по размеру ножа не нашел. Крафчу из того, что есть. Через час копьё готово. Один зуб опережает другой на пять сантиметров, но сойдет.

Кладу в карман хилку, туда же закидывают пару протеиновых батончиков. Ремень бинокля приятно обвивает шею, рука хватает трофейный нож. Выхожу, запираю дверь.

Чувство безопасности испарилось вместе с поворотом замка. У меня появился враг. Не те два воришки, вскрывающие гаражи, а матерый убийца и насильник — гроза ознакомительной локации.

Убийство Скока отняло у меня возможность свободно передвигаться по городу. Возможно, это слегка и тянет на паранойю, но страх, что ублюдок положит руку мне на плечо, уже начал преследовать.

На площадке меня осеняет: можно же заныкать ключ. Спрятать где-нибудь, и даже если завалят, то снимут только то, что на мне. Норм. А реснусь в своей квартире или нет? — это уже другой вопрос. Поднимаю плитку за мусоропроводом, оставляю ключ.

Все эти размышления о дверях и владельцах напоминают мне о связке ключей Скока. Ведь один из них вполне может оказаться ключом от квартиры Макса.

Отматываю пленку, оказываюсь в квартире. Хватаю ключи, прокручиваю пленку вперед. Мой секретик остается за мусоропроводом, в кармане олимпийки позвякивает связка.

Выхожу во двор. Солнышко уже встало, греет затылок. На травке между пешеходными дорожками поблескивает роса. Осматриваюсь, короткими перебежкамидвигаюсь к дому Макса. Поднимаюсь.

Новые надписи не появились. Подношу ухо к двери — тишина. Перебираю ключи из связки — не подходят. На всякий случай стучу, спускаюсь на площадку ниже. Тридцатисекундную тишину нарушает лишь пение птиц, ухожу.

Словно владелец нехилой тачилы три раза прокручиваю ключи вокруг указательного пальца. От чего они? В голову закрадывается тревожная мысль о том, что Скок запер Макса

в одной из этих квартир. Если так, то дело — дрянь. Адресов на них не написано, а на то чтобы проверить все, уйдет ни один год.

Ладно, на крайняк, у Макса всегда есть возможность экстренно покинуть игру. Точно! Это же игра. Мирон. Игра. Компьютерная. Игра. Расслабься.

И в правду, чего это я? Походу из-за Тонкого так не парился, как из-за Скока. Лучше подумай, что делать дальше.

Со слов Макса все прут в основную локацию. Можно сходить на разведку. Перетереть с кем-нибудь, пати замутить. А можно сдать квест с портсигаром...

— Чего, бля? Это кто говорит? У нас же уговор с Максом был: подгоняет инфу; валим Скока; он сдает квест. Чего началось?

— Добрый день! Это Мойша говорит! В том то и дело, что валите. Договор был заключен на условиях взаимного сотрудничества. Ты же сделал все сам. И заслуживаешь награду, как никто другой.

— Да ты гонишь!?

— Базарю!

Соглашаюсь. В этом есть смысл. Наверно стоит придержать разрастающийся отцовский инстинкт. Парень, конечно, красавчик, и я в долгу перед ним, но так уж случилось, что Скока я в соло завалил. Еще раз напоминаю себе, что тизер — всего лишь игра. Решаю, что если сегодня не встречу, то завтра сдам портсигар.

Возвращаюсь к зданию, где пас Скока, взбираюсь на крышу. Шестикратный зум бинокля позволяет рассмотреть (не поверишь) в шесть раз больше. Тщательно осматриваю улицу, крыши, окна близлежащих зданий. Обстановка выглядит спокойной. Скока не видно. Спускаюсь.

Оставляю позади себя район респа и старенький Гольф. Улочка заканчивается, упираюсь в проспект.

Время — около девяти. Проспект оживает. Люди вытаскивают из близлежащих зданий складные столы, торговые палатки. Очень похоже на старый добрый рынок, где меряешь джинсы на картонке, а словосочетание турецкое качество увеличивает цену на китайский ширпотреб в полтора раза.

Усаживаюсь на ступеньки здания с табличкой Школа искусств № 9. В пятидесяти метрах от меня мужик в джинсовых шортах и черном свитере таскает в торговую палатку мечи. Вооружаюсь биноклем, отслеживаю каждый его шаг.

Выходит из трехэтажного здания, окрашенного в темно-красный цвет. Массивные окна обрамляют резные наличники. Здание похоже на музей. Выставив вперед руки, мужик тащит охапку мечей. Верхний соскальзывает, со звоном отскакивает от тротуарной плитки.

— Твою ж мать!

Выглядит убедительнее, чем непись в разгромленном магазине. Уронил меч и даже ругнулся. Хотя, вполне может быть, что он каждый день в одном и том же месте роняет меч и повторяет избитое твою ж мать.

Скидывает мечи на прилавок, возвращается за потеряшкой. Движения дерганные, похоже бот не в духе. Поднимает меч, разворачивается. На физиономии рисуется презрение и злость, заглядывает в окуляры моего бинокля:

— Чего уставился?!

Упс. Опускаю руки. Изображая невинность, смотрю на соседнюю палатку.

Минут через пятнадцать проспект наполняют люди. Рынок шумит, торговцы впаривают

шмотки. А жизнь то, в ознакомительной локации, не крутится вокруг Скока...

Встаю. Игроки выглядят спокойными, проспект представляется, как некая мирная зона. Всех интересуют безделушки на прилавках и треп.

Насчитал одиннадцать палаток. Покупателей и зевак — человек сорок. На красных пластмассовых стульях сидят вооруженные мужики, по двое с каждой стороны. Одеты одинаково — черные штаны и обтягивающая майка, здоровенькие. Надеть солнечные очки, засунуть в ухо наушник и можно отправлять на собеседование в охрану при президенте. Вместо современных стволов, держат на коленях закругленные ножи, похожие на короткие сабли.

Контингент, шныряющий между торговых палаток, в основном моего возраста, может чуть младше. Натыкаюсь на юнцов лет восемнадцати, удивляюсь паре пенсионеров.

Шмот игроков поражает своим разнообразием: от стандартных шорт и маек, до вычурных кожаных штанов и плащей. Видел двух реперов: свисающие до колена джинсы сойдут за неплохую нычку; под огромным козырьком кепки можно спрятать еще одного человека.

С оружием — та же фигня: гаечные ключи, кастеты, биты, ножи. Сборище зевак в первую очередь рассматривают потенциальных конкурентов и их вооружение, а уже потом прилавки. Особенно маститых я не заметил — все одинаково бомжеватые. Разве что видел пару типов с прикольными короткими клинками.

Знакомлюсь с товарами. На оружии специализируются пять палаток. Две торгуют мечами, в одной продаются копья. Еще одна предлагает оружие дальнего боя: кривые луки, метательные ножи, сюрикены. Больше всего клиентов трется у последней палатки, разглядывают широкий перечень кастетов, ножей, дубинок и крафтовых железяк. Что-то вроде распродажи дешнявских товаров. Если руки растут не из задницы, то такого дерьма сам валом наделаешь.

Нашел две палатки с одеждой. Крашеный неформал с тоннелями в ушах продает фирмовые тряпки: бермуды, поло, худи, френчи и прочую хрень, которую нельзя называть брюками, кофтами или куртками. Хз, что движет этими людьми, но тех, кто боится выглядеть как быдло или безвкусный гусь, собралось у палатки — десять голов.

Во второй лысый мужик с пивным животом продает что-то вроде доспехов. В штаны и куртки вшили пластиковые либо металлические пластины. Заготовленная фраза торговца утверждает, что пластина выдерживает попадание стрелы и удар ножом.

Повезло. Застаю какого-то чувака за примеркой. В черном костюме из плотной ткани выглядит, как вояка из SWAT. Пластины расположены на не сгибающихся частях тела. Парень комментирует другу, что ничего не мешает, костюмчик удобен. Улыбка в тридцать два подтверждает искренность слов.

Я и сам бы от такого не отказался. Покупатель спрашивает цену, желание улетучивается. Толстяк просит семнадцать тысяч. Начались торги, по-тихому сваливаю. Слышу, что пацан готов забрать за тринадцать. Охреневаю...

Следующая палатка повергает в шок. Мужичок, которому стукнуло уже за полста, продает конверты. На белой бумаге синим стержнем написано: квест с портсигаром, вояка в Гольфе, завод, пилюли, особенности ознакомительной локации, квартиры, карта и еще куча других. Посередине стола стоит табличка — 500 руб. Любопытство преобладает над желанием понаблюдать со стороны. Спрашиваю, за что просит деньги.

Мужичок продает информацию. Не хочешь тратить свое время, силы и ХП в процессе

знакомства с миром? Набивать шишки, внепланово отпрапляться на респ в виду отсутствия подсказок и обучения? Пожалуйста. Плати пятихатку, читай в мельчайших подробностях интересующую тебя тему.

В конец разработчики оборзели... Скоро счетчики на дыхание поставят, а потом начнут пени за неуплату начислять.

Боковым зрением замечаю, как мужичок сморкается под прилавок, заткнув одну ноздрю. Часть отвратительной желтой массы попадает на руку. Усатый рот изрекает бл*ть! рука вытирает соплю о штанину.

СТОП! Или не разработчики? И тут до меня доходит...

Я ошибся, когда посчитал, что это боты. Они — игроки. Спекулянты, которые вовремя подсуетились, а сейчас колотят бабки на наивных новичках. Продают — кто во что горазд.

Иду к следующей палатке. Возле нее трутся два вооруженных пацана, лет восемнадцати. У одного на плече висит деревянный лук, второй держит копье. Наконечник выкован из стали, рукоять обмотана веревкой. Эта вещь похожа на настоящее оружие, мой самодельный двузубец рядом не стоит. Торговец протягивает пацанам какие-то бумажки. Жадно хватают, вприпрыжку покидают рынок.

Мужик сидит за пустым прилавком. Желтые пальцы держат у подбородка дымящуюся сигарету. На столике перед ним стоит стакан с коричневой жидкостью на два пальца. Долгая затяжка испепеляет полсантиметра честерфилда, воздух между нами заполняется облаком дыма.

Справа от мужика стоит деревянный стенд или мольберт. Удерживает ватман размером метр на полтора. На нем от руки изобразили схему какой-то промышленной территории. Вверху вижу надпись, выведенную каллиграфическим почерком: Билет на территорию завода — 1500 руб.

Корчу рожу — что за хрень?. Мужик улыбается, рассказывает.

В ознакомительной локации есть территория, где спавнятся mobs. Речь идет о заводе, трубу которого видел с крыши. За полтора куса тебе выдадут билет на одно посещение. На территории расположены пять цехов, чем дальше проходишь, тем круче встречаются mobs. С убитых можно поднять ценные вещи, пилюли, оружие. В пакете с билетом идет миниатюрная карта. Синий пунктир показывает наиболее удачный маршрут.

Спрашиваю, за что я плачу деньги. Мнется. Понятно. Похоже, козлы по своему усмотрению перекрыли вход, пускают попробовать свои силы за бабки.

В конце рассказа бросает фразу, после которой почувствуешь себя куском трусливого мякиша, если откажешься: Всего за полторы тысячи тебя ждут крутейшие зарубы и шанс поднять раровский шмот. Соглашайся, если не тонка кишка.

Понимаю, что разводят, но дух авантюризма требует билет.

Спрашиваю, где взять деньги. Указывает пальцем на металлическую коробку — единственный рабочий электронный прибор во всей локации. На синем экране читаю краткое описание: Устройство, считывающее отпечаток пальца, позволяет получить внутриигровую валюту с подключенного к игре лицевого счета. Банкомат, короче. Вижу в углу серенький прямоугольник, под ним мигает надпись: Приложите большой палец правой руки. Пробую. К вашему аккаунту не подключен лицевой счет. С информацией о подключении можно ознакомиться на официальном сайте. Ясно, понятно.

Иду дальше, упираюсь в еще одну палатку. Внутри сидит, пожалуй, самый загадочный продавец — мужик лет тридцати с голым торсом. Сидит на земле на коврике. Медитирует.

Ноги скрещены, руки лежат на коленях. Накаченная грудь медленно ходит вверх-вниз, плоский живот разрезают глубокие сухожильные перемычки стального пресса. На руках, шее и груди красуются черные татуировки-иероглифы.

Рядом стоит переносная школьная доска зеленого цвета. Услуги и их стоимость нацарапаны жирным слоем мела. Читаю:

Индивидуальная тренировка по рукопашному бою — 3000 руб;

Групповая тренировка (от 4-х человек) — 1000 руб;

Индивидуальная тренировка с карманным холодным оружием (ножи, кастеты, дубинки и т. д.) — 5000 руб;

Групповая тренировка (от 4-х человек) — 1500 руб;

Индивидуальная тренировка с холодным оружием (меч, копье, бердыш, яри) — 8000 руб;

Групповая тренировка (от 4-х человек) — 2500 руб;

Индивидуальная тренировка с оружием дальнего боя (лук, метательные ножи) — 8000 руб;

Групповая тренировка (от 4-х человек) — 2500 руб;

Продолжительность индивидуальной тренировки — 2 часа, групповой — 2,5 часа.

При необходимости предоставляется оружие.

Брюс Ли внимательно смотрит из-под лба. Понимаю, что дело полезное, но цены... Ухожу.

Деньги то есть, да и в течение трех дней меня рассчитают в связи с увольнением. Остался неиспользованный отпуск, плюс зарплата, получу тысяч сто, может сто двадцать. С такими ценами хватит одеться, вооружиться, взять парочку уроков фехтования, и-и-и... И все! Барыги явно рассчитывают на мажоров вроде Макса.

Нет. Заливать бабки не буду, уж точно не в ознакомительной локации. Нужны деньги? Что-нибудь продам. Броня и качественные мечи — хорошо, но локация ознакомительная, а значит и mobs должны быть лайтовые. В общем, нарою полторы тысячи на билет, а там посмотрим.

От автора

Гайз, спасибо всем, кто жмякает кнопки, поднимающие рейтинг. Благодаря Вашим усилиям запинали книгу в топ 15 жанра, не знаю, как надолго, но все же... А что более значимо — к нам присоединилась почти сотня новых читателей. Спасибо.

Продолжайте клацать;) С Вас звездочки, с меня — новые главы!

З.Ы. Жаждающим кровяки и заруб: терпения друзья, эта составляющая без внимания не останется.

Глава 8. Витлет

Скольжу по себе взглядом, хлопаю по карманам: бинокль, нож, пилюля, батончики. Ищу покупателя.

Вспоминаю, как по студенчеству случайно вляпался в сетевой маркетинг. Брызжущие оптимизмом мальчишки и девчушки ссали в уши о том, какой херней занимаюсь по жизни, да и вообще попусту трачу время в универе.

Но в тот миг все изменилось — я попал в команду. Меня ждали легкие бабки, карьерный рост и сумасшедший пассивный доход. Смогу путешествовать по миру, или целыми днями валяться набуханным на веранде собственного замка — дело мое.

Пока идейный вдохновитель, по совместительству главный разводила, следил, как бы у меня не треснула от счастья харя, улыбочивые подхалимы набивали сумку SPORT китайскими кастрюлями, сковородками и ножами.

Не успел я опомниться — сумка висит на плече, наставник ведет к офисному зданию. От меня требуется стучаться в каждую дверь. Если потенциальные покупатели хоть на миллисекунду промедлят и не станут орать, чтобы я свалил из кабинета, то во что бы то ни стало пробиваюсь внутрь. Говорю, что за просмотр денег не беру, вываливаю безделушки на стол, рассказываю придуманную гениями маркетинга рекламу, словно заученный стишок.

Краснею, запинаясь. С горем пополам, впариваю бухгалтерше заварник.

Баф благословения спал, улыбка сменилась вдумчивым взглядом. Здравое мышление застало меня между этажами. Я брякаю кастрюлями, чтобы восстановить правильную очередность выкладки товаров. Ё-моё! Стал тем самым чуваком, для которых на дверях пишут торговым агентам вход воспрещен. Впариваю китайский хлам по завышенной в два раза цене. Жесть...

То был мой единственный торговый опыт. Придется повторить.

Шныряю между палатками, спрашиваю продавцов, сколько готовы дать за мое добро. Тянувшихся рук не заметил, как и не услышал восторженных восклицаний. Только успеваю открыть рот, тут же посылают подальше.

Обошел все палатки, остановился у деда с конвертами. Заглядываю в глаза, приподнимаю бинокль за лямку. Улыбается, тычет пальцем в сторону дальнего магазина:

— Там купят.

Следую за пальцем. В сотне метров стоит еще один магазин. Не похож на наспех выставленную палатку — полноценный киоск. Рядом крутятся игроки.

— Спасибо, — двигаю туда.

На полпути к киоску дорогу преграждает весельчак.

— Привет, — белобрысый пацан держит тысячные купюры. — Прикольный бинокль.

— Ага.

— Серега! — тянет руку.

— Мирон.

— На завод ходил?

— Нет.

— Мы собираемся с парнями через два часа, — кивает в сторону киоска. — Нас шесть человек. Двое уже ходили, на втором цехе скопытились. Если хочешь, пошли с нами. Только

у патилидера спроси. Вон он, в синей байке.

— А кто там, на заводе?

— В первых двух цехах — бандиты, дальше — хз.

— Понятно. А что это за магазин?

— Государственный, — улыбается. — Тизерский. Ну ты понял. Боту можно кое-какие вещи спихнуть. Но берет только самые четкие. Вот бинокль, думаю, возьмет. Купит и выставит на продажу на сорок процентов дороже.

— Ясно.

— Наши барыги только самый топовый шмот скупают, ну и пилюли.

— Что за пилюли?

— Хилки — белые капсулы с зеленой полоской. В магазине 3к стоят, у барыг можно чуть дешевле найти.

— Ага...

— Ладно, погнал я, — трясет бабками перед носом, расплывается в улыбке. — Хочу топор взять!

Провожая пацана взглядом, злуюсь на себя. Пилюлю за три куса вхолостую съел. Молодец, мля! Сколько раз договаривались: сначала думай, потом делай!

Подхожу к магазину. Витрину ограждает железная решетка. В отличие от остальных палаток магазин предлагает товары разных видов: от печенья до пистолета Макарова. Вот, кстати, и первый огнестрел.

Жду, пока парни отвалят от киоска. С ними не пойду, не сегодня. Наклоняюсь к окошку. Скорее всего, непись слышит этот вопрос чаще остальных:

— Сколько стоит пистолет?

— Двести пятнадцать тысяч.

Нифига себе...

— А патроны?

— Патронов в продаже нет.

— Не хочешь что-нибудь у меня купить?

— К Вашему аккаунту не подключен лицевой счет.

— Я налом возьму.

— Только переводом на счет.

— Ну а расценить можешь?

— Нож — двести четырнадцать, бинокль — семьсот три, капсула здоровья — тысяча восемьсот, кроссовки — семьдесят пять.

Итого — около трешки. Хорошо. Осталось разобраться с лицевым счетом.

Покидаю рынок с незапятнанной спекуляцией совестью. Пока. А вообще, купля-продажа играет немалую роль в РПГ, рано или поздно, придется запачкать руки.

Ухожу с проспекта. Чувство безопасности лопается как мыльный пузырь. Ноги заменяются раскачивающимися пружинами, голову вжимаю в плечи. Улица для меня закрыта, передвигаюсь, врезаюсь в стены случайных домов.

С безопасного расстояния разглядываю вросший в землю Гольф. Скок на дежурство не пришел. Ожидаемо. Лишился портсигара, а значит следующий квест не взять.

Либо охотится за мной, либо забил и занимается своими делами. Ага, забил... Столько времени кормился, а потом все бросил и пошел с друзьями в картишки катать. Ну-ну. Будь уверен, он распнет тебя на этой самой улице, как только появится возможность.

Набираюсь смелости, проскальзываю в подъезд к Максусу. Ответ на двери так и не появился. Не стучу, также быстро сваливаю.

Короткие перебежки приводят к взломанному гаражу. Минут с десять наблюдаю за домом, шевелениями вокруг. Ничего не заметил, поднялся к себе.

Если с собой договорился, что жду Макса до завтра, то слово нужно держать. Оставшуюся половину дня проведу в реале. Выхожу.

.....

Гараж. Часы показывают половину первого. Набираю Димона, прошу чтобы захватил ноут. В два лица быстро разбираемся с подключением к аккаунту счета. На всякий случай перевожу с карты полторы тысячи.

Рассказываю, что решил сдать портсигар. Димон поддерживает, но уже не так воодушевленно. Замечаю нотки грусти на лице. Дружище теряет интерес, все меньше чувствует вовлеченность. Ясен фиг. Кому приятно слушать приключения друга, в которых ты не участвуешь. Это как пропустить чумовую пьянку, а потом все утро сидеть белой вороной в компании и слушать, как они дрались, знакомились с девчонками и рвали плотки лирическими песнями.

Перевожу тему. Предлагаю заказать пиццу и купить ящик акционного в гипермаркете. Будем отмечать офисный побег. Димас лыбится, я угощаю.

Вечер подходит к концу. Димон настаивает допить шесть оставшихся бутылок. Отказываюсь, пальцы набирают на плывущем экране адрес. Ждем машину.

Отличный получился вечер. Не помню, когда последний раз так сидели. Все в скайпе, да вайбере, а там нельзя ляпнуть в плечо за едкую шутку, или обнять, когда этого требует алкоголь.

Домой вошел в начале одиннадцатого. Включил онлайн трансляцию чемпионата по снукеру и вырубился под успокаивающий бой шаров.

.....

Утро среды не удалось. Бошка ломится от светлого пастеризованного, руки трясутся от него же. Сердце бахает, как скоростной миномет, каждый удар будоражит хлюпенькое тело.

Чешу на кухню в трусах и одном носке. Набираю кружку воды из-под крана. Пью. Раздувается живот, по горлу растекается привкус железа. Желудок отзывается болезненным спазмом, жажда не исчезает.

И нафига я встал в семь утра? Спал бы до десяти, от похмелья бы так не страдал. Всему виной — устоявшаяся привычка.

Затаскиваю себя в ванную. Полчаса водных процедур слегка приводят в порядок. Тащу ноут на кухню, делаю чай. Вода в электрическом чайнике пускает со дна пузырьки. Лезу проверять почту и соцсети.

Пролистываю свежие сообщения от тизера, вижу поздравления с подключением лицевого счета. Выделяю привычный спам, отправляю в корзину. Вкрадывается смелая мыслишка: наконец-то разобраться с почтой, отписаться от назойливой рекламы и прочего мусора. Да, было бы неплохо, но... не сейчас. Башка болит, и все такое... Ага, и так каждый день.

Открываю ВК. Натыкаюсь на непрочитанное сообщение. Жму, выпадаю в осадок. Голубым подсвечивается беседа с Полиной Мотыль. Пишет: Привет. Слышала, что ты уволился. У тебя все в порядке?.

Сердцебиение, мокрые ладони, боль в висках. Вот же, сука! Стоило всего две недели

не писать пьяные сообщения о прощении, как пишет сама. Три месяца не отвечала. Удалила из друзей. А тут на тебе: Привет.

Проснулась собственница? Беспокоишься, что преданный песик убежал из будки? Переживаешь, что больше никто не будет строчить сообщения, поднимающие твою самооценку? Да, пошла ты! Ты и твой Привет...

Раз, два, три... Дыши, мужик! Ты чего?... четыре, пять, шесть. Во тебя понесло. Она же просто спросила, все ли в порядке. Расслабься. Хочет убедиться, что ты не вздернешся от одиночества. Кто хочет нести ответственность за синее тело у потолка? Это нормально. А вот твоя агрессия...

Сообщение достаточно короткое, чтобы оставить непрочитанным. Могу сделать вид, что охренительно занят новым проектом и у меня нет времени на болтовню в соцсетях.

Что за проект? Да так — ерунда... Конкурирующая фирма предложила контракт на индивидуальных условиях, когда узнала, что я увольняюсь. Ничего особенного, прилетели за мной на вертолете. Менеджер по персоналу стоял в прихожей на коленях, молил вытащить их компанию со дна, все брюки в побелку уделал. Пришлось согласиться.

Мечтатель...

Возвращаюсь к сообщению. Открывать? Дилемма. Вот я давно взял за правило: если хочешь, чтобы твое сообщение прочитали, пиши десять-пятнадцать слов. На земле не найдется чудовища, которое сможет удержаться, чтобы не прочитать сообщение от бывшего, если оно заканчивается многоточием. Разве что, какое-нибудь лишенное чувств существо из... Дом 2? Да не, бред какой-то...

Не стал ничего выдумывать. Ответил правду: Все нормально.

Опомнися, что не написал привет, дописываю следующим сообщением. Мизинец замирает над кнопкой Enter, падает на Backspace. Закрываю страницу.

Зачем страдать от похмелья, если можно отдать его на откуп тизеру? Заказываю тачку, одеваюсь. В кармане джинсов звенят ключи. Димас вчера сказал, что будет реже появляться в гараже, хочет вернуться к работе. Вручил мне ключи, заплетающийся язык выругал гордое: мой гараж — твой гараж.

Приходит СМС от службы такси. Спускаюсь, едем.

Вываливаюсь из машины, жадно вдыхаю свежий воздух. Гребаная елочка, раздолбанные дороги и суетной водила сделали мою поездку. Еще пару минут и пришлось бы просить остановиться. Отпускаю бомбилу, воюю с подступающими к горлу чаем и печеньками. Попустило.

Захожу в гараж. Шмотки падают на пол, залажу в капсулу. Насосы делают из меня лепешечку, похмелье остается в реале.

.....

Хватаю портсигар, хлопает дверь, ключ прячется за мусоропроводом. Вбегаю в подъезд к Максусу. Глаза скользят по обивке двери, ответ так и не появился, сквозь щель толщиной в палец из квартиры пробивается свет.

Рука тянется за ножом. Поднимаюсь на площадку, заглядываю внутрь. Возле зеркала крутится пацан. Вытягиваю вперед нож, дергаю дверь на себя.

Чувак в мятых брюках и туфлях напяливает майку. Из отверстия появляется волосатая голова. Зачесывает растрепанные волосы назад, встречается со мной взглядом. На бледно-белом лице выделяется черная растительность, покрывает бороду, щеки, поднимается к вискам. Под запавшими глазами отливают бордовые круги. Взгляд слегка затуманен. Не

боится.

Смотрю на майку. Короткий топик оголяет полоску белого живота. На майке принт: вокруг цветов летает амурчик, пускает в сердечки стрелы. Пацан долго смотрит на мой спортивный костюм, кроссы, потом на себя в зеркало.

— Слушай, чувак..., - тянет слова, словно слегка выпивший. — Это не то, что ты подумал.

— Ты кто?

— Я не педик! Отвечаю! В этой гребанной квартире нет ничего другого. Мне что, голым ходить?!

— Что ты здесь делаешь?

— Обошел все этажи — все закрыто. Пришлось это дерьмо одевать! — разводит руки. — Прикинь?!

— Ты реснулся здесь?

— Ну, да, — кивает. — Слушай, у тебя нет майки нормальной? Это же полный зашквар! Как баба бя...

— Сегодня реснулся?

— Брюки, туфли — еще куда не шло. Но это, — показывает на себя ладошками. — Жопы! Поможешь?

— Я, зайду? — аккуратно отодвигаю его в сторону, прохожу в комнату.

Мебель стоит на месте. Инструменты, копья, стрелы куда-то подевались. Мы, парни, проигрываем женщинам в наблюдательности, но, вроде бы, шторы другого цвета висели. Синие или зеленые, сейчас — коричневые.

Возвращаю внимание к жильцу. Тот задрал подбородок, набрал полную грудь воздуха, майка валяется у зеркала. Мда... Меня, конечно, и самого не назвать здоровым или хотя бы жилистым, но клиент передо мной — дистрофик. Торчат ребра, живота не существует, руки — обглоданные кости. На груди и плечах — наколки. Захлопываю дверь, поворачиваю замок.

— Из комнаты брал что-нибудь?

— Слушай, чувак, — скрещивает руки, скалится. — Ты кто, вообще, такой? Че буроешь?

Расстегиваю олимпийку, снимаю майку. Стопроцентный хлопковый подгон сдабривает парня.

— В комнате были стрелы или инструменты?

— Нет, — залазит в майку. — Ни хрена здесь нету! В кладовой какая-то хрень валяется: отвертки, плоскогубцы. На кухне — консервы и хлебцы. В комнате ничего не было. Ты кто такой?

— Я друга потерял, Макса. Это его хата, — еще раз осматриваю коридор, комнату. — Была...

— Одного потерял, другого нашел, — тянет руку. — Витя, он же Витек, он же Витлет.

— Мирон, — жму, чтобы отвязался. — Слушай, если ты не против, я пороюсь тут?

— Базара-зеро. Моя хата-твоя хата, — Витя исполняет реверанс.

С хваткой матерого следака чекаю кладовку, кухню, комнату. Платой за бабский топик стал вместительный рюкзак. В остальном все по стандарту: кухонные ножи, консервы, хлам для крафта, клей момент, швабра. Аптечка порадовала таблетками димедрол. Сую в карман.

— Ладно, Витек, погнал я.

— Куда?

— Да..., - ставит в тупик. — Дела у меня.

— Погоди, Мирон, — берет за локоть. — Сядь, перетрем. Я вижу ты в теме, Расскажи неосведомленному. Как тут все работает? Че делать? Можно ли капуста срубить?

— Давай в другой раз, — освобождаюсь. — Нет времени.

— Да стой, ты! Я ж помочь хочу. Ну давай вместе делюгу сделаем. Я в играх, то не очень. Помоги разобраться, а?

— Бля...

— Ну, Миро-о-он, — давит. — Дружище, я в играх не очень, но ведь это не просто игра. Тут даже ссышь по-настоящему и жрать хочется. Люди живые. Это почти реальная жиза. А в жизни, я тебе скажу, Витлет не последний человек. Вот ты шныряешь тут, думаешь контролируешь все, нож у тебя большой. А ведь даже не догадываешься, что у меня тоже один есть.

Витя делает хитрое движение кистью, в ладони появляется столовый нож. Вижу на нем множество грубых царапин. Заточил.

— Ты пока ходил, четыре раза ко мне спиной повернулся, — лыбится. В уголке рта замечаю золотой зуб. — Если б я хотел, то ходил бы уже по улице в спортивном костюме и зачетных кроссах. Но ты — нормальный пацан. Бейсболку не зажал. Давай бригаду сколотим, а?

А Витя то парень не простой. Фокус с ножом явно родился там, где трехразовый паек и прогулки по расписанию. Такой человек может принести кучу проблем. Сорваться там, где не надо, стащить что-нибудь.

На макушке поднимаются волосы, незаметно хлопаю себя по карманам. Железная коробочка откликается успокаивающим звуком.

— Не брал я твой портсигар. И таблетки, рюкзак, если надо — забирай. Если бьем по рукам, то все по чесноку. Даю слово. Витлет слово держит.

Трезво оцениваю ситуацию. Выбор стоит между тем, чтобы приобрести союзника с очень специфическими способностями и, возможно, гнильцой внутри, и тем чтобы нажить опасного и злопамятного врага.

— Хрен с тобой!

Сели на кухне. Рассказываю, все что знаю, вперед прошу кое-что взамен. Повторяется ситуация с Максом. Витя говорит, что поможет чем сможет. Соображает быстро, вопросы задает только по теме. Переспрашивает значения таких слов как: нпс, лут, крафт, квест и т. д. Некоторые по два раза. Молодой пацан, а вообще не в теме мейнстрима. Меня разрывает любопытство. Прошу рассказать о себе.

Виктор Лепский начинает историю со своего жизненного кредо: Витя не бандит, Витя — хитрый.

Детство шло как у обычного парня на районе. Сигаретки, винишко, школьные дискотеки. Яркий выраженный лидер учился на четверки, хромало поведение, тянулся к ребятам постарше. Пока сверстников интересовали покемоны и Need for speed, Витя кумекал, как бы поднять баблишка, чтобы сводить Оксану в кино и Макдональдс. Поднять настроение, накормить, потискать самую большую в классе грудь.

Денег от родителей Витя не ждал. Родители, штукатур-маляр и швея, платили за ипотеку, безденежье запивали водочкой. Мутил сам. Покупал с корешами краденые мотоциклы Днепр, сдавал на металл. Разводил наивных мажорчиков на крышу, продавал лохам мнимый авторитет. В старших классах барыжил насваем. Загубный наркотик

приносил хорошие деньги.

Знакомства в определенных кругах и подвешенный язык привели Виктора к более серьезным делам. Насвай заменили синтетические наркотики: спайс, джараш, джин, как их только не называли. На самом деле, дерьмо из одного пакета рассыпали по пакетикам с разными названиями. Торчки слышали новое убийственное имя, пробовали.

Одноклассники учились уже на втором курсе университетов. Как шпроты ютились на съемных квартирах, пили пиво из двухлитровых бутылок, кушали ролтоны. Витя колесил по району на третьей Мазде, водил подружек на съемную квартиру в центре, два раза летал в Турцию.

На очереди была покупка однушки с ремонтом от застройщика, планы сломали сотрудники отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ. Виктору впаяли пятеру.

Этого времени с избытком хватило на то, чтобы научиться считать карты, прятать заточки, балакать на местном. Сокамерники склеили погоняло из имени и фамилии. Витя вышел Витлетом.

— Витя не бандит, Витя — хитрый, — повторяет.

С наркотиками больше не связывался, но квартирный вопрос нужно было решать. Влез каким-то хером на стройку крупных гос объектов. Пару раз в неделю списанные стройматериалы оседали в безымянных гаражах. Вскоре Витя обзавелся двушкой, конфискованную мазду заменил спортейдж.

Три месяца назад на объект нагрянула проверка. Подняли сметы, подсчитали объемы, на лапу не взяли... Друг посоветовал исчезнуть. Исчезнуть надолго.

Витя выбирал между Индией и Вьетнамом, остановился на втором, но не успел. Обложили так, что ссыкотно стало в магазин ходить. Вот тогда ему и посоветовали тизер. Так что, здесь он не по своей воле, но пока нравится.

Чешу затылок. Радует, что, хотя бы не за кражу сидел или разбой. Вне закона, но вроде не из тех, кто ради наживы маму продаст. Язык не поворачивается сказать, но Витя — бизнесмен...

Раз уж хлопнули по рукам, то буду честен. Рассказываю про Скока и задание с портсигаром. История заводит на площадку пятого этажа. Рассказываю про пылающего вояку, пробитое легкое и берсерк перед смертью. Витя отстраняется, недоверчиво смотрит.

Дополнительных вопросов почти не задает. Ну не связала человека жизнь с игровыми форумами, прокачкой, рейдбоссами, аурами и дебафами. Его интересуют устоявшиеся жизненные ценности. Какая валюта ходит в игре? Знаю ли я, как бабла поднять? Можно ли бизнес замутить? Бабы есть? А хер тут работает?

Переходим к делу.

.....

Я спрятался в тени подъезда, прилип к окулярам бинокля. Наблюдаю за движением у магазина и в детском саду, заглядываю в окна домов.

Пасмурная погода избавляет от ненужных бликов, серые облака сбиваются в кучи, пахнет дождем.

Указываю пальцем на магазин, на пешеходную дорожку выходит Витя. Шлепает по тротуару кроссами, олимпийка провисает на плечах. На голове — импровизированный копюшон: сваяли из бабской майки. Вывернули наизнанку, разрезали, Витя пол часа корпел с нитками и иглой, чтобы придать нужную форму. Вот и пригодился его первый навык.

Белый капюшон нелепо выглядывает из-под темно синей олимпийки, закрывает голову, большую часть лица. Идет, сгорбившись, как восьмидесятилетний старикан, куки лежат в карманах. Если кто-нибудь захочет рассмотреть человека под капюшоном, придется подойти на расстояние вытянутой руки, да и то — не факт.

Ускоряется. Ноги отбивают ритмичные шаги, еще чуть-чуть и перейдет на бег. Равняется с магазином и, будто водила, который едва не пропустил поворот, сворачивает. Дверь стучит о косяк, Витя прячется внутри.

Убираю бинокль, смотрю на картину целиком. Первые капли падают на руку, поднимается ветер, по телу пробегает дрожь. Я в майке, брюках и туфлях. До полного образа осталось найти пузырь чернила.

Единичные капли превращаются в редкий дождик. Движение на улице по-прежнему отсутствует. Стоп! Кажется, что-то есть. Вижу шевеление в садике. Над подстриженными кустами, которые скрывают детишек от любопытных глаз, будто поплавок, вздымаясь вверх и вниз, плывет голова. Звенит калитка, на дорогу выходит Скок.

Берцы сотрясают землю. Армейские штаны сменились потертыми джинсами, торс прикрывает кожаная куртка с заклепками. Вприпрыжку прет к магазину. Зубы сжимают нижнюю губу, правая рука — топор.

Снова хлопает дверь магазина, белый капюшон показывается на крыльце. Витя крутит башкой, замечает амбала, дает деру. Скок срывается за ним, словно, одичавший медведь.

Секунд через десять из вида пропадает Витя, через пятнадцать — Скок. Не знаю, как пойдут дела дальше, но если Витя не выжмет максимум из своих кривулечек, то не завидую я ему.

Лечу в магаз. Дождь уже во всю сыпет, когда за мной хлопает дверь. Владелец стоит за кассой, читает газету.

— Привет, янашелпортсигар! — железная коробочка с хлопком оказывается на стойке. — Вот!

— Это он, — улыбается, берет в руки.

— Давай награду, или что там полагается! Только быстрее!

— Одну минуту, — лезет в карман штанов, двумя пальцами извлекает пилюлю с красным ободком, протягивает. — Спасибо.

Вырываю из руки таблетку, подбегаю к окну. Ливень уменьшил видимость. Пытаюсь что-нибудь рассмотреть — бесполезно.

— Ладно, бывай! — бросаю через плечо мужику, иду к двери.

— Раз ты справился с заданием, может и еще в одном деле поможешь?

— Чего?!

— У меня есть еще работа.

Дрожащая рука лежит на ручке двери, глаза бегают по продавцу. Времени нет. В голове всплывает картина разрубленного на куски Вити, кровь стекает в канализацию вместе с дождевой водой. Должно быть, Скок уже возвращается обратно. Нужно валить...

— Так, что за работа, говоришь?

Пока бежал к дому, продрог и вымок до нитки. Огибаю пятиэтажку, заглядываю в окно со стороны двора. На подоконнике сидит плюшевый медведь, машет правой лапой — это знак, Витя ждет дома, внутри безопасно. Поднимаюсь.

Костяшки пальцев отбивают в косяк два коротких и два длинных. Дверь открывается. Витя держит скомканную наволочку у виска, часть, что прилегает ко лбу, окрасилась в бордовый. Левый глаз покусали пчелы, на верхней губе засохла коричневая корка.

Смотрю на колени, по телу пробегает судорога отвращения. Синтетические штаны запеклись в ране, там же вижу кусочки асфальта и песчинки. Представляю, как будет снимать, по рукам бегут мурашки. Олимпийка пострадала не так сильно, на кофте — кровь, грязь, потертости, дырок не вижу.

Мое лицо превращается в сочувствующую мину. С опаской ступаю в квартиру, будто провинившийся ребенок.

— Ты как, мужик?

— Я?... КХЕ-КХЕ-КХУ, — кашляет.

Из носа бежит красный ручеек. Тормозит его наволочкой, смотрит на то, что отпечаталось:

— Вите надо выйти...

Взглядом провожаю потрепанного бойца в ванную, скидываю осточертевшие туфли.

Минут через десять сидим на кухне, разливаю по кружкам Джемесон. Чайный сервис плохо подходит для Ирландского напитка, но лучше, чем пить из горла. Подношу чашку к носу и снова охреневаю. Я плох в вискаре, предпочитаю пивасик, но Джемесон от Ред Лейбл отличу. Разработчикам удалось точь-в-точь передать запах известного бренда. Стукаемся керамикой, переворачиваем кружки. Вкус тоже не подкачал. Сорокоградусная теплота разливается по телу, делаем еще два повтора, серость за окном больше не кажется чем-то навевающим грусть и печаль...

Витя рассказывает. Увидел амбала в окно, сразу понял, что это Скок. Вояку выдали целеустремленная походка и топор. Выскочил на улицу и вдарил по газам. Первое время бежал не в полную силу, боялся, что здоровяк выдохнется или вообще не побежит. Пару раз обернулся — Скок догоняет. Врубил все что мог, но вскоре понял, что не уйдет. Вояка догнал бы Усейн Болта, если бы тот увел его портсигар.

Побег остановил мощный толчок в плечо. Витя проскользил по асфальту пять метров, стер колени и ладошки. Не сбавляя ходу, подскочил на ноги, но не успел ломануться дальше, в дыню прилетел обух топора. Удар был предупредительным, рассек башку и пустил кровь, хотя мог и сразу убить. Накаченная рука схватила за шиворот, оторвала от земли, словно нагадившего котенка. Скок заглянул под капюшон и опешил. Серое вещество секунд десять варило мысль, спрашивает: где второй? Витя включает дурака, сыпет фразы-клише о том, что его с кем-то перепутали, а убегал, потому что испугался. Скок включает Тайсона, парочка джебов и кроссов развязывают язык. Витя выключает дурака...

Сидит на коленях, просит минуту, чтобы отдышаться и утереть кровь. Скок дает двадцать секунд. Витя проворачивает фокус с ножом, что есть сил всаживает лезвие в ботинок и снова ломится бежать. Хромой Скок преследовал его десять шагов, а потом с

минуту орал в спину, что вывернет Витю на изнанку и откусит башку, когда найдет. Закончил рассказ Витя тем, что повидал в жизни шкафов, но этот ублюдок — всем шкафам шкаф.

Жму руку, подогретый вискарем, говорю, что теперь доверяю ему. Витя кривит лицом: не мальчик, чтобы радоваться похвале ноунейма. Злится на тизер, на дождь, на боль...

— Вот, ради чего весь цирк, — достаю пилюлю, показываю на свет, словно рассматриваю алмаз или древнюю монету.

— И что это? Кайфы? — Витя показывает золотой зуб.

— Эта хрень увеличивает силу, или что-то типо того, — закидываю в рот, глотаю.

Чувствую, как капсула опускается в желудок. Микровзрыв распространяет по телу бодрящую волну. От живота в ноги, руки и шею ползет судорога, сокращает каждую мышцу и отпускает, как будто шандарахнули дефибриллятором. Вскоре боль сменяется приятной слабостью.

— Ну чего? — спрашивает Витя.

— Да, хз...

Выпитый алкоголь помогает побороть стеснение, поднимаю руку, сжимаю кулак. Кисель на худой руке превращается в комочек мышц. Бицуха здоровее не стала, по крайней мере, не заметно. Витя ржет:

— Моща!

Но, что-то же произошло. Прилив сил и все такое... Ща проверю! Допиваю вискарь, пальцы сжимают кружку. Керамика угрожающе трещит, а затем ломается, осколок втыкается в безымянный палец, пускает кровь. Пьяные глаза с упреком смотрят на Витю, делаю вид, что мне не больно.

— Пффф, — Витя тянется к своей кружке, повторяет фокус. Керамика рассыпается по столу, пальцы остаются целы.

Собрали осколки, достали новые чашки. Выпили, сошлись на мнении, что ждать от одной таблетки превращения в Шварца не стоит. Не просто же так Скок каждый день их жрет.

Пришла моя очередь рассказывать.

Непись получил портсигар и предложил еще один квест. Благородный гражданин превратился в кровожадного мстителя. Сначала он просил вернуть портсигар, теперь хочет крови.

Бандит Иван перешел ему дорогу. Непись втирал что-то про дочь, насилие и случайную смерть ее бойфренда. Я особо не слушал. Во-первых, все внимание было приковано к окну, а во-вторых, сложно сопереживать, или хотя бы просто воспринимать всерьез исповедь бота. Пятиминутный спич свелся к тому, что Иван должен умереть. Прячется на заводе, узнаю его по красной повязке на лбу и белым волосам. Личный предмет станет доказательством того, что я выполнил задание. Все стандартно.

Во время беседы бот снова залагал, чужим голосом сыпал реплики явно не относящиеся к делу: клан быстрых ветров, запомни — чушь какая-то. Об этом я умолчал.

Дождь не прекращался. Пару раз я выходил на балкон, но ни разу не увидел хоть небольшого просвета среди черных туч. Делать что-то в такую погоду — впадлу, мешал выпитый алкоголь. Допили бутылку, съели консервы, пару протеиновых батончиков. Еда — дерьмо, но кто во время пьянки из-за этого парится?

За пустой болтовней день перевалил за середину. Пошли ко мне на квартиру за второй.

Снова вымокли, назад решили не идти. Вторую пили при свечах. Витя двоился и монотонным голосом втирал что-то про семена марихуаны и плантацию в миллион гектаров, которая принесет нам мешок красных пилюль. Я отрубился на диванчике.

Проснулся на рассвете от того, что ломит все тело. Собутельник сидит рядом с закрытыми глазами. В руке торчит окурок с истлевшим пеплом в полсигареты.

Умываюсь, закидываю в себя таблетку аспирина, выхожу на балкон. От вчерашнего ливня остались небольшие лужи и приятная свежесть. Облака исчезли, скоро поднимется солнышко.

Оставляю на столе записку, что вернусь через час, открываю входную дверь, ключ кладу на комод в прихожей. Если все правильно понял, то квартира больше не моя, респунусь в другом месте.

Хватаю рюкзак, палец отзывается болью. Рана от керамического осколка затянулась еще не полностью. Выхожу.

Открываю глаза в гараже. Дожидаюсь, пока капсула перестанет пищать, клацаю кнопку входа. Закрывается, оказываюсь в новой квартире.

В шкафу висит комбез, в кладовке валяются старые кеды — один из лучших сетов, который можно найти. Переодеваюсь. Закидываю в рюкзак кухонные ножи, бельевую веревку, пачку печенья, консервы, хлеб, спички. С продуктами все стало понятно: все что найдешь, можно смело есть. Это что-то вроде минимального запаса на первое время, когда ресаешься в новой хате.

В кладовке валяются: лист жести толщиной 2мм, топорик для рубки костей, точильный камень. На антресолях нарыл газовую горелку, без баллона, но пьезоэлемент работает.

Ключ не беру, захлопываю дверь снаружи. Ноги спускают с шестого этажа, останавливаюсь у двери отдышаться. Выпили литр вискаря, а я почти огурцом. Поболела голова, мучает небольшая одышка — не больше. Походу, алкоголь выходит из крови быстрее, чем в реале, та же схема, что и с восстановлением.

Выхожу на улицу, прикидываю местоположение. По дороге к дому забегаю в детский садик, нахожу то, что искал — рядом с забором стоит клен. Заколебался бы ползти по вертикальному стволу, а с забора дотянусь до первого разветвления. Пара акробатических трюков забрасывают меня наверх. Минут пять, как дятел, тукаюсь в живое дерево тупым кухонным топориком. Сломал пару прутьев толщиной с палец, и то — руками, а на ветке, которую выбрал основой для лука, удалось лишь облупить кору.

Спустился за ножом — дело пошло веселее. Минут через десять у ствола валялись палки разных диаметров и длины. Подбираю хворост, чешу к Вите.

Судя по опухшему лицу и сбивающему с ног перегару Витя вчера еще долго сидел. Пробормотал что-то невнятное, пошел в ванную. Я берусь за дело. Снял кору, вырезал на внутренней стороне пазы. Вережка согнула палку в дугу. Откладываю в сторону, чтобы клен привык к изогнутой форме, так делали в детстве. Жалею, что не посмотрел основные принципы крафта в интернете.

В кладовой нашел ржавые ножницы по металлу. Закидываю составляющие в хорадрический куб: нарезанные треугольники жести, отесанные палочки, нитки, перья и клей момент. На выходе получаю жалкое подобие стрелы. Не сдаюсь, повторяю. Каждая следующая получается лучше предыдущей, а пятой стрелой сам Робин Гуд не побрезговал бы сбить шляпу с богатенького торговца. Я скрафтил семь.

Вернулся к луку, натянул тетиву. Стрела рассекает воздух, застревает в двери — норм.

Вооружить Витю и можно идти. А где Витя?

Витя притих на кухне, его не интересуют мои игры. Иду посмотреть. От половины бутылки вискаря осталась одна треть. Косые глазки моргают, смотрят в окно.

— Витя, ты чего?

— Чего?

— Бухаешь?

— Похмеляюсь, — показывает напиток на дне чашки в подтверждение своих слов. — Херово мне.

— Мля, да тут быстро отходишь! Пара часов и бегаешь, как новенький!

— Ага, буду знать, — допивает. Лицо изображает кислую гримасу, сменяется растащенным расслабоном. — Ты чего разорался?

— А ты какого хера утром бухаешь?!

— Слушай..., — поворачивается, удивленно смотрит в глаза. — Хочу — бухаю! Тебе какое дело?

— Ты ж бригаду хотел сколотить?! Делюги делать?! Ну так давай! Сегодня на завод идем! Я оружие сделал.

Закидывает в рот кусочек гематогена, тщательно пережевывает. Рука наклоняет бутылку, чашка вновь наполняется на два пальца.

— Ну пошли. Посмотрим, что ты там сделал, — с крутым виражом встает из-за стола, первый идет в комнату.

Лук и копье Витю не впечатлили. Сказал, что с этим дерьмом драться не пойдет. Небрежно покрутил в руке стрелу, кинул на стол:

— Завтра надыбаем нормальные железяки, тогда пойдем, — двигает на кухню. — А пока-а-а... Тащи бутылку!

Падаю на диван. Сука, просрали целый день... Нет, так не пойдет. Сидеть в тизире и тупо бухать — последнее дело. Что делать? Возвращаться в реал? А с фигали я буду его ждать? Пошел он...

Шнурую кеды, застегиваю комбез. Нож прячется в карман на бедре, рюкзак вешаю на спину. Правой хватаю копье, левой — лук. Во внутренний карман комбеза прячу баночку с хилкой и протеиновый батончик.

— Будешь уходить, оставь ключ за мусоропроводом! — кричу на кухню, хлопаю дверью.

.....

Подхожу к рынку. Группа игроков из десяти человек ждут, пока разложится продавец мечей, провожают меня ехидными улыбками, самые эмоциональные тычут пальцами.

Сам все понимаю. Копье и лук — несовместимые вещи, это любой дурак знает. Мне нравится идея отстреливать подонков из надежного укрытия, но доброволец Витя, который попер бы на врага, как пушечное мясо, предпочел квесту ирландский напиток. Придется совмещать роли.

В идеале обзавестись коротким клинком. Валить врагов с дистанции стрелами, а приближающихся кромсать эльфийским мечом. Вспоминаю Леголаса, таким персом я бы поиграл, но о том, чтобы купить клинок даже не думаю. Более или менее сносная железяка стоит от шести кусков.

Валю к банкомату. Устройство считывает отпечаток пальца, показывает баланс в полторы тысячи. Снимаю все, газую к палатке с билетами. Мужик забирает бабки, пишет на обратной стороне что-то вроде кодового номера, ставит подпись:

— Покажешь у КПП!

— И все? — разглядываю клочок бумаги, нарисованный от руки цветными фломастерами.

— А че еще надо? — слышу недовольство.

— Ну, расскажи про мобов. Что, вообще, внутри?

— Одновременно уровни проходят бесконечное количество игроков, пати отделяются закрытой дверью. Ну, например, заходят пять человек, закрывают за собой дверь, за ними войдешь ты, но внутри уже никого не найдешь. Количество игроков не облегчает прохождение: чем больше вошло, тем больше мобов. Легче будет настоящей команде, в которой распределены роли, разделены обязанности и так далее, но в ознакомительной я таких не встречал. Будь осторожен, — торговец закуривает, теряет ко мне интерес.

Рассматриваю карту. Маршрут движения запомнить не сложно: проходишь КПП, идешь вдоль забора против часовой стрелки. Все цеха имеют сквозные проходы, квест — линейный. Двинули.

У проходной стоит красный пластмассовый столик и зонт с надписью Кока-Кола. Его окружают стулья из того же комплекта. В тени прячутся пятеро здоровяков, одеты и вооружены, как охранники на рынке. Наплыва туристов пока не вижу. Лысый мужик с модельной стрижкой бороды и усов лениво встает.

— С билетом, или поглазеть?

Протягиваю бумажку. Внимательно смотрит на номер, замуривает глаза, напрягает извилины. Секунда. Еще одна... Мышцы лица расслабляются. Есть контакт!

— Удачи, — движением руки разрешает мне пройти.

— Может посоветуешь чего-нибудь? Первый раз иду.

— Двигайся, если хочешь подальше пройти. По ХП не разменивайся. Остальные советы по пятьсот рублей.

— Ага... спасибо, — одариваю очередного вымогателя презренным взглядом. — Слушай, а чего вы тут торчите? Это ж ознакомительная локация. Неужели не интересно, что там дальше?

— Успеем еще.

Не разговорчивый попался, но в целом понятно, чего они тут торчат. Придумали, как игроков на нал разводить, вот и доят, пока лавочку не прикрыли. Наверное, неплохо поднимают. Предположим, в день пускают человек семьдесят, самые пронырливые ходят не по одному разу, больше сотни тысяч набегает. Отнимем комиссию тизера за вывод бабла — тридцать процентов, получим тысяч восемьдесят. Амбалов, человек — восемь-десять, рубят почти по десятке в день, нихера не делаю. Я бы тоже посидел. А вообще, по-хорошему, нужно собрать шоблу человек пятьдесят, да развалить их к херам, вместо того, чтобы соглашаться на грабеж. Подумаю над этим.

Охранник снимает с калитки навесной замок. Ворота на колесике откатываются в сторону. Ступаю на территорию завода.

Схему маршрута можно было и не изучать. Текстуры сделаны так, что ты, якобы подчиняясь интуиции либо логике, пойдешь по придуманной разработчиком тропинке. Перед тобой появляется развилка, но одна дорога завалена металлоломом, натыкаешься на дверь, но она заперта. Создается дешевая иллюзия, что ты разведываешь путь и пробираешься сквозь преграды, но на самом деле чешешь по единственному возможному пути. Ладно, спишем халтурку на ознакомительную локацию.

До первого цеха шел не больше двух минут, уперся в проржавевшую дверь. Передо мной стоит ангар из металлопрофиля, высотой метров семь. Над дверью вижу красную цифру 1, заключенную в круг. Тяну дверь, захожу вместе с противным скрипом.

Обзор закрывает транспортировочный контейнер, такие используют на сухогрузных судах. Слышу запах масла и механизмов. Под потолком висят промышленные светильники, по цеху разливается электрический желтый цвет.

Контейнер ограждает от основной части неслучайно. Тут можно регруппнуться, придумать план или просто собраться с мыслями. Кладу на пол копье, лук, рюкзак, достаю нож. Кеды бесшумно ступают по бетонному полу. Выглядываю.

Цех растянулся метров на пятьдесят. У стены справа установлен ленточный конвейер, слева стоят три распечатанных контейнера, похоже на отделение погрузки. В центре пустует площадь размером с теннисный корт.

А вот и они! У противоположного выхода на лавочке сидят трое мужиков в спецовках. Молчат, пялятся в землю. Ну что, шмальнуть на халяву?

Беру лук и хренового качества стрелу. Бельевая веревка гудит под напряжением. Тяну. А, стреляя из лука, целиться можно? Совместить нос с большим пальцем, наконечник стрелы положить на голову противника. Как эта хрень работает? Жаль, что задался этим вопросом только сейчас, придется стрелять, полагаясь на интуицию. Навожу наконечник на мужика, что сидит по центру, точку по вертикали поднимаю немного выше его головы. Задерживаю дыхание, отпускаю тетиву, стрела со свистом уносится прочь. Хорошо пошла — быстро, но недостаточно высоко, падает в трех метрах от лавки.

Болванчики подскочили. Тот, что посередине, тычет в меня пальцем. Работяга слева подхватывает с пола доску, идет на меня, оставшиеся двое замирают. Атакующий не торопится и не уклоняется, смотрит, как я вдеваю стрелу и монотонно шлепает ботинками, чтобы переменить мне доской.

Подпускаю на расстояние пятнадцати метров. Выстрел. Стрела входит в живот, работяга заваливается на бок. Подергался пять секунд и затих. Слишком просто. С другой стороны, именно так все и должно было быть, на то она и ознакомительная локация. Игрокам предлагают попробовать свои силы, прикончить парочку рукожопых дрыщей, познакомиться с оружием. Это Скок, сучара, нарушил баланс.

С места срывается второй. Идет быстрее, в руке — бита. Стреляю метров с сорока, стрела пролетает возле лица, работяга срывается на бег.

Куда-то делось спокойствие. Вдеваю стрелу с третьей попытки, натягиваю. Не успел прицелиться, а рука уже готова отпустить тетиву. Трусишка внутри паникует, требует прикончить козла немедленно, приказываю щенку успокоиться, задерживаю дыхание. Отпускаю.

Стрела с глухим звуком пробила грудь. Работяга по инерции сделал еще пару шагов и рухнул, треснувшись подбородком о бетон.

Перевожу взгляд на третьего, стоит на месте. Приходит идея попробовать рукопашный бой, противники не выглядят опасными. Кидаю лук на пол, достаю нож, но моб не двигается, смотрит. Че за фигня?

Слышу кашель. Охранник со стрелой в груди перевернулся на спину, грудь медленно ходит вверх-вниз. Понятно, почему последний не ломанулся, ждет, когда закончится второй.

От мыслей о том, что его придется добить, становится не по себе. Трясутся руки, потеют ладони. Это игра, мужик! Он не настоящий! Единички и нолики на сервере

отхаркиваются кровью и пугаю тебя жуткими хрипами. Бери копьё, втыкай в программный код!

Наставляющая речь не помогла. Подожду...

Пять минут слушал царапающий стены кашель. Убеждаю себя, что боту становится хуже, судороги бьют чаще и сильнее. Кажется, что от конвульсий и змеиных извиваний стрела разворотила все внутренности. Ну давай же, закрывай глаза!

Последний так и стоит в конце цеха. Его не парят хрипы и брызжащая изо рта кровь. Что-то подсказывает мне, что он готов ждать час, день или даже неделю.

Прошло еще десять минут. Стоны дизморалят, пугают мысли в голове. Воевать с атакующим тебя врагом — проще. Руби налево-направо, списывай все на самооборону. Воткнуть нож в лежащего — страшно...

Нужно подышать свежим воздухом. Чешу к выходу, дверь не поддается. Дергаю ручку, упираюсь плечом, попробую тянут на себя — бесполезно. Либо выйду через противоположную дверь, либо вынесут вперед ногами.

От хрипов и булькающих звуков начинает болеть башка. На автомате хватаю копьё... кеды топают по бетону... замах... удар... Рывком выдергиваю лезвия, из ран валит кровь. Непись раскинул руки в стороны, два раза моргнул и замер в нелепой позе. В цехе стало тихо, полегчало ему, да и мне...

В реальность возвращает звук приближающихся шагов. Работяга в синей кепке прет со складной дубинкой. Отбрасываю в сторону копьё, достаю из кармана нож. Под дребезжащий звук металла сходимся в смертельном танце.

Бот оказывается не тупым кликером. Запрограммированная башка знает, что такое чувство самосохранения, владеет парочкой приемов. Полусогнутые ноги раскачивают тело вперед-назад, но движения медленные и предсказуемые. Уворачиваюсь от трех рассекающих воздух ударов, прощупываю почву для ответных выпадов. Круто! Катаю его, словно ребенка. Отпрыгиваю влево, вправо, отклоняю корпус назад, его складная дубинка лишь гоняет воздух. Четыре раза попробовал уйти от атаки кувырком, отбил нафиг все плечи, но последний прыжок получился сносным.

Работяга бьет, уворачиваюсь, в ответ оставляю на кисти порез глубиной в сантиметр. Бьет еще, подныриваю под руку, тяну лезвие по бедру, комбез разъезжается в стороны, место пореза становится влажным. Через пять подходов, работяга еле стоит на ногах. Дышит короткими рывками, левая рука держится за живот, по ладони стекает кровь. Я вошел во вкус. Вырулил корпусом из очередного виража и на кураже шаркнул по шее. На бетон брызнуло красное, непись рухнул лицом в пол, даже руки перед собой не выставил.

С первым цехом закончил. Лутаю. В контейнерах лежат мешки с цементом и поддоны — ничего полезного. Полчаса потратил на поиски секретных нычек — пусто. Скрипя зубами, перевернул работягу с дубинкой, похлопал по карманам — ничего. Поднимаю дубинку, прячу в рюкзак. Остальных даже обыскивать не стал, брезгую вытаскивать стрелы. Поднял только те две, что не нашли своих целей.

У лавки, где сидели работяги, поднимаю барсетку, внутри лежит банка энергетика и ключ. Пробую его к двери в конце цеха — подходит. Вдыхаю свежий воздух, открываю банку.

Путь передо мной разветвляется. Дорожка, выложенная плиткой, ведет к двери цеха с циферкой 2, а вытоптанная тропинка просачивается в щель между плит бетонного забора. Понятно. После каждого левела разработчики предлагают либо идти дальше, либо вернуться

к КПП и закончить тренировку.

Утоляю жажду, заряжаюсь кофеином, скомканная банка летит через забор. Вхожу во второй амбар. Снова встречает защитный контейнер, оставляю на земле оружие, выглядываю. В цеху стоят бункеры, станки, конвейеры, у потолка горят красные лампы. Освещение похоже на аварийное, окружающие предметы отдают красным, видимость плохая.

Вглядываюсь в темноту. Цех патрулируют двое охранников, на поясах висят ножи, одеты в болотного цвета штаны и куртки. Раз в две минуты один из охранников проходит мимо моего контейнера.

Решаю не геройствовать, работаю по старой схеме. Руки хватают лук, конец стрелы упирается в тетиву. Жду, пока охранник пройдет мимо. С расстояния в десять метров засаживаю стрелу между лопаток.

— А-а-а! — падает на колени. Крик, отдаваясь эхом от стен, поднимается к потолку.

Я опешил — не ожидал услышать крик. В первом цеху парнишки укладывались на пол, как дети в тихий час, отправлялись к своему цифровому Иисусу молча.

Заряжаю еще одну, пытаюсь высмотреть второго.

— Он за контейнером! — кричит подстреленный, уползает в темноту.

По цеху разлетаются шаги, отчетливо слышу короткие перебежки, но не вижу. Минуту живем в тишине, и снова побежал, где-то заскрипел металл. Становится не по себе. Я оказался на месте своих жертв, как слепой котенок вглядываюсь в темноту, пока меня выслеживает опытный вояка. Вскоре он совсем перестал издавать звуки, заныкался где-то и притих.

Я сместился в угол, уперся спиной в железную бочку, чувствую себя безопаснее. У врага есть два пути: по проходу, что уходит вперед, или по тому, что сворачивает влево, туда уполз раненый. Оба контролирую. У меня есть десять-двенадцать метров, чтобы спустить тетиву, если рыпнется.

Чувство времени растворилось, бот явно выигрывает от этого стояния. Держу лук на весу, пугаюсь ударов собственного сердца. Понимаю, что уродец может ждать сколько угодно, хоть пока с голоду не сдохну. Придется действовать самому.

Крадущийся тигр выходит на охоту. Кеды потрескивают песком на шершавом бетоне, не могу скрыть глубокие вдохи, мышцы рук ноют, по лбу течет пот. Дошел до прохода налево. Бункер высотой метров семь, заслоняет свет, вижу пять метров впереди, дальше — бесконечная темнота. Не могу оторвать от нее взгляд, преследует страх, что охранник смотрит на меня. Ждет, когда отвернусь. Все еще держу тетиву натянутой, мышцы правой руки сводит судорога. Хочется пальнуть в темноту и услышать короткий крик или вой, но страшно. Страшно, что стрела улетит в никуда, а следующую не успею зарядить.

Сверху раздается звук рвущейся веревки, ногу поражает острая боль. По лицу и ушам бегут мурашки, задерживаю дыхание, чтобы не закричать. Лук вываливается из рук, рассыпаются стрелы.

— Аа-а-э-э! — рот непроизвольно издает стон, в глазах скапливается слезы.

В левом бедре торчит стрела. Охранник срывается с места, еще не вижу его, но отчетливо слышу ботинки, отбивающие быстрый бой. Ублюдок собьет меня, словно поезд. Посещает трусливая мысль: поднять руки вверх и ляпнуть что-нибудь типа я сдаюсь или больше не играю. Не сработает. Смотрю на валяющийся лук, лицо кривится в гримасе злости на себя самого, поднять уже не успею.

Пока я в припадках паники рассуждаю о том, что нужно уйти в сторону, иначе прилетит еще одна стрела, а также сожалею, что оставил копье за контейнером, на которое с удовольствием насадил бы прущего из темноты мужика, правая рука вытаскивает из кармана нож.

Отступаю. В ноге взрываются осколочные гранаты, чувствую, как она немеет. Спина со звоном врезается в контейнер. Еще раз слышу звук рвущейся веревки, что-то мелькнуло перед глазами. Стрела пролетела совсем близко — сантиметров десять-пятнадцать, царапнула бетон и ускользнула в темноту. Стрелок стоит где-то на возвышенности.

В проходе вырисовывается силуэт, сначала плечи и башка, а через полсекунды — здоровый мужик с занесенным за голову ножом. Сгибаю колени, выставляю вперед руки. Остается меньше секунды, чтобы что-то придумать, левая нога предательски прогибается еще ниже, оседаю почти на корточки.

Охранник вбивает ботинки в пол, прыгает. В воздухе обеими руками хватается за рукоять ножа, прогибает спину. Стокилограммовая туша летит на меня, словно голодный дикарь на подстреленного бизона.

Упираюсь ногами в бетон, левая почти не слушается. Уйти в сторону не хватит сил, а времени больше нет. Просто заваливаюсь на бок, сползаю за землю. Охранник накрывает своим телом, нож врезается в профильную сталь. Бу-у-ум! С режущим ухо скрежетом сползает вниз, оставляет белую царапину. Острие впивается мне в бок. Дергаюсь скорее от страха, чем от боли, вся сила удара пришлась на контейнер, меня зацепило по касательной.

Обхватываю охранника левой рукой, прижимаю к себе. Правая рука — опорная, ей не ударить. Делаю пару глубоких вдохов, собравшись с силами, насаживаю беснующегося на нож. Кисть бьется в гарду — лезвие вошло по рукоять, слышу продолжительный стон.

Здоровяк оживился и что-то заорал, похоже, ранение лишь разожгло ярость. Вырывается, бьет локтями, не удержу... ХЫДЫЖ! В десяти сантиметрах от моей левой руки воткнулась стрела, торчит из-под правой лопатки охранника. Пыл поутих...

На металлической площадке на высоте трех метров вижу темный силуэт. Сученьши тянется за стрелой. Охранник обтекает, приплющивает меня к земле. Поддаюсь панике, ноги бешено толкаются от пола, сквозь боль. Буксую, словно застрявший в болоте трактор, кеды проскальзывают по бетону, каждый сантиметр дается с боем. Заряжает. Представляю, как стрелок размышляет: продырявить башку или дать еще парочку мучительных в конечности.

Выскальзываю из-под трупа, хватаю лук, загребаю несколько стрел. Спуск! Сердце уходит в пятки. Стрела царапает плечо, застревает в комбезе. Прячусь за контейнер.

Оказываюсь в безопасности, растягиваюсь на земле. Нога превратилась в обездвиженный кусок мяса, болит и кровоточит. Подползаю к контейнеру, с грохотом облокачиваюсь о профиль, металл холодит затылок.

Суматошный взгляд натывается на валяющийся рядом лук, для успокоения кладу поверх руку. Деревяха прибавляет уверенности, понимаю, что если лучник побежит добивать, то шансов у меня мало, но пару раз еще пульну.

Нахожу рюкзак, лежит в семи метрах. Собираюсь с силами, ползу, на лбу выступает испарина, каждый рывок сопровождается резью в ноге, коцнутая конечность тянется по бетону, собирает пыль, позади остается кривая полоска.

На все про все ушло две минуты. Закончил, бахнулся головой о контейнер. Силы покинули меня, радуется, что второй непись тоже выбрал стратегию выжидания.

Лажу по рюкзаку. Достая аптечку, протеиновый батончик и баночку с пилюлей на ХП, кладу рядом с собой. Хилка подкупает своей простотой, один глоток может избавить от боли и кровотечения.

Ташу руку к нагрудному карману, достаю билет. Пунктирный маршрут на схеме проходит через шесть цехов, впереди ждут еще четыре, а пилюля всего одна. Не планировал потратить так рано.

С пластмассовым треском раскрываю индивидуальную аптечку. Вот вояки молодцы! Написали все по-русски, доходчивым языком: средство при отравлении, антисептическое, противоболевое и т. д. Не нужно ломать голову, выбирая между циклогемаламом, хеномицином и фитохренвыговорином.

Беру в руки нож. На лезвии высыхает кровь неписи, остаются разводы, жалею, что не вытер сразу, приходится пачкать рукав комбеза.

Кончик поддевает дырочку вокруг стрелы, надрезаю штанину вдоль и поперек. Струйка крови просачивается сквозь закупоренную стрелой рану пульсирующими точками. Сравниваю систему кровообращения с системой смазки: насосы под давлением гоняют жидкость по трубкам, а дырка от стрелы — аварийный прокол, из которого подтравливает. Вымоченная ткань противно охватывает бедро. Нога заметно распухла.

Достаю обезболивающее, зубами стаскиваю колпачок. Челюсти сжимаются в предвкушении укола. Ввожу иголку в пяти сантиметрах от дырки, ничего не чувствую, словно нога — не моя. Сдавливаю пластиковую капсулу, прозрачная жидкость бежит в мышечные ткани.

Осматриваю другие раны. В рукаве болтается стрела, оставила на плече царапину шириной в полсантиметра, не кровоточит. Нащупываю на спине порез и рану поглубже, кровь уже запеклась. Нормально.

Вытаскиваю из рукава стрелу, осматриваю наконечник. Сделали не вручную, или, по крайней мере, не кривыми руками. Хотя склоняюсь к тому, что снаряд заводской: ровный окрашенный стержень, симметричное оперение, специальный паз для тетивы. Мои палки с жестяными треугольниками курят в сторонке. Наконечник почти без зазубрин, что не может не радовать. Стрела не разорвет к херам всю ногу, когда буду вытаскивать, хотя проблемы, конечно, создаст.

Пока осматривал стрелу и примерял ее к своему луку, подействовало обезболивающее. Ё-моё! Походу, содержит морфин или опиаты. Боль ушла, пришли кайфы. Все вокруг стало мало значимым и... забавным что ли. Понимаю, что в полной заднице, понимаю, что если хилку не съем, то скоро скопычусь, понимаю, что возможно лучник вообще не выпустит меня из-за контейнера, но, сука... Так. Хочется. Хихикнуть.

Пребываю в состоянии прострации. Рассуждаю о том, что если бы красный муравей нашел пиллюлю на силу и в одного заточил, то его ссаки вместо неприятного зуда, прожигали бы к херам не только кожу, но и железо, в точности, как кровь чужого. А если бы пчела съела, то одним уколом валила бы лошадь или даже слона...

Размышляю о веселящем дерьме, пока левая рука тянется к торчащей из ноги стреле. С замиранием сердца наблюдаю, что будет дальше, складывается ощущение, что она действует сама по себе, или ей управляет другой человек. Рывками тащит вверх, дергает в стороны, прокручивает, кровь сплошным потоком валит наверх, затапливает калошу. Борьба продолжалась секунд тридцать, рука победила.

Дыхание загнанной лошади сменяется равномерными подъемами груди. Чувствую себя отлично, разве что, немного хочется спать.

Хватаю трофейные стрелы и две свои. Встаю. На распухшее и кровоточащее полено не опереться, не потому что болит — не слушается. Ногу, будто удалили. Ступаю на правую, движением таза закидываю вперед левую, аккуратно переношу на нее вес, и чисто на доверии снова делаю шаг правой. Гарантй что не согнется или поплывет в сторону — нет.

Доковылял до края контейнера. Заряжаю. Из-за угла высовывается лук, за ним — я. Целюсь. Охраннику потребовалось секунд пять, чтобы заметить меня. Он заряжает, я стреляю. Пролетела на пол метра правее, чиркнула о стену. Следом стреляет охранник, стрела пролетает в месте, где была моя грудь, но я успеваю спрятаться за контейнером.

Повторяю попытку. Стрела улетает чуть выше, замираю, жду, пока выстрелит бот. Мне нужно, чтобы он разрядился, иначе потеряю преимущество, но нервишки сдают, прячусь за контейнером, так и не дождавшись. Остается две стрелы, потом придется ковылять к нему с ножом. Вылажу в третий раз, прицеливаюсь, но ублюдок стреляет первым.

Пробивает плечо. Входит под ключицей, выходит из спины — не больно, но сбил прицел, будто порвал трос, отвечающий за корректировку по высоте. Левая рука прогибается под тяжестью лука, поднимаю назад, но ничего не выходит, из нее будто высосали все соки, еще немного и вовсе отпустит. Прогибаю спину, чтобы выше задрать наконечник, случайно пускаю стрелу. Черная полосочка набирает высоту и скорость, пролетает над телом ранее убитого, втыкается в овальный кружок над плечами. ХЫДЫЖ! Охранник издает короткий стон, тело заваливается вперед, делает любительский кульбит вокруг перила, с глухим ударом бахается о бетон. БУМ! В месте падения поднимается облачко пыли.

Не выдерживает здоровая нога, колено непроизвольно сгибается, шлепаюсь на задницу. В глазах темнеет, ничего не болит, но чувствую, как отключаюсь. Над головой светят красные лампочки, опьяненный мозг рассуждает о том, что здесь можно было бы закатить нехилую тусу. Что-то вроде андеграунд пати с раздетыми девками и тематическими костюмами.

В башке нашлась извилина, которая не торчит. Извилина-трезвенник. Извилина, что развезет всех домой, а потом будет вытирать форшмак с заднего сидения. Каким-то хером ей удалось объяснить улетевшим в аут коллегам, что если сейчас заснем, то проснемся голенькими в незнакомой хате. Возможно обесчещенными...

Ползу к рюкзаку. Обламываю хвостовик стрелы, достаю вторую половину из спины. Все это происходит как будто не со мной, ну не может нормальный человек, нервно хихикая, ковыряться в собственной плоти. Открываю банку с капсулой, рука косячит, пилюля выкатывается на бетон. Догоняю, закидываю в рот вместе с налипшей пылью.

Взрыв. По телу прокатывается волна. Чувствую, как что-то шевелиться в ноге и плече, исчезает пьяная пелена и пофигистическая улыбка. Через две секунды здоровый и здравомыслящий человек лежит на грязном бетоне в дырявом комбезе.

С недоверием смотрю на ногу. Вместо кровотокащей дырочки вижу белый рубец шириной сантиметр. Состояние изменилось так кардинально, что становится даже как-то неловко: как будто все это время придурился, а потом в комнату зашла мама. Как ни в чем не бывало встаю с пола, делаю вид, что что-то искал под кроватью. Не могу же я ей признаться, что отрабатывал приемы нижнего брейка. Взрослый человек все-таки...

Оглядываюсь. Тот, кого подстрелил первым, уполз. На полу остался жирный кровавый след. Вооружаюсь копьем, иду. Недалеко уполз, нашел его в двадцати метрах, лежит на боку, рука сжимает торчащую из груди стрелу, стеклянные глаза смотрят в пустоту. Можно лутать.

Первое и, пожалуй, самое ценное — нож с чехлом на ремне. Вешаешь на пояс, вытаскиваешь лезвие в течение секунды. Не придется лезть в карман, а потом еще тратить время на то, чтобы снять чехол. К тому же, сам нож выглядит четче: широкое лезвие, зазубрины, канавка. Отлично лежит в руке, длиннее и легче моего.

Охранник поделился ключом, пачкой сигарет и... портмоне! В коричневой коже нашел три сотни рублей, визитку СТО, где дешево сделают развал-схождение и фотографию симпатичной женщины. Жена что ли? Забавно. Представляю, как охранник после дежурства возвращается домой, уставший плюхается на табуретку, жена у плиты готовит ужин, интересуется: сколько сегодня убил? сколько раз сам откинулся? во сколько завтра запланирован респ? разработчики так и не пересмотрели график? премию в этом месяце опять пилюлями платят?

Беру бабки, иду к следующему. Возле того, что пырнул ножом, вылилась целая лужа крови, пришлось испачкать кеды, чтобы добраться до его карманов. Снимаю такой же комплект с ножом и часы, простенький механический Tissot приятно тикает, кожаный ремешок обхватывает мою кисть.

Как знать, может найденный шмот и не компенсирует стоимость билета, но в любом случае часы — отличный лут, устал, словно неандерталец, плямиться на солнце или в уме считать секунды.

Иду к последнему, поднимаю лук. Плоское основание отливает бордовым цветом, посередине вижу рукоять и ложбинку для стрелы, пальцы проводят по витой тетиве коричневого цвета.

С жалостью смотрю на свою корягу с бельевой веревкой, швыряю в стену. Я вроде как, в лучники записался, а тут пуха в разы круче, чем была. Каждый геймер знает это ощущение: апать оружие для твоего класса или профы, это... ради этого и играют. Натягиваю тетиву, в пальцы отдается вибрирующая упругость, лук источает опасность.

Стаскиваю с охранника мешок для стрел. Хотел бы назвать его колчаном, но слишком похож на торбу со шлейками. Решился на не самое приятное занятие — снимаю с трупа одежду, болотный полевой костюм и берцы сели, как надо. Дырявый комбез и кеды оставляю на полу.

Осматриваю цех. Поднимаю трофейные стрелы, колчан наполняется шестью штуками.

Собираю рюкзак, чешу к выходу, открываю дверь, вдыхаю свежий воздух. Хотя, какой он свежий, на заводе то? Голова по привычке задирается в небо, глаза ищут солнце. Вспоминаю, что теперь у меня есть часы, стрелки показываю половину первого. Думаю о том, что если так пойдет, то выберусь отсюда только глубокой ночью, но это не настоящая мысль. На самом деле, с большим сомнением смотрю на следующую дверь. Уйти с луком, стрелами и парочкой ножей, или рискнуть и открыть третью дверь? Любопытство или алчность?

Третий цех тянется вдоль забора метров на восемьсот, может километр. Продавец билетов сказал, что после третьего — контрольная точка. Дергаю ручку.

Захлопывается дверь, остаюсь в полной темноте. Глаза привыкают, осматриваюсь. Коридор шириной метр уходит вперед, заканчивается левым поворотом. Уже по отработанной схеме оставляю рюкзак и копье у входа, чешу на разведку. Красться с луком наготове стало проще, спасибо прорези для стрелы и хвостовику с выемкой.

Пол покрыт чем-то вроде ДСП, шаги почти не издают звуков. Выглядываю из-за угла, дальше коридор упирается в Т-образный перекресток. Подхожу к развилке, смотрю налево: ход убегает далеко вперед, ограничивается темнотой и неопределенностью, по обе стороны через каждые пять метров уходят еще ответвления. Смотрю направо — перекресток.

Все понятно. Сбылась мечта идиота: огромный лабиринт, без подсказок и возможности подсмотреть над стеной для меня одного. Понеслась! Лево, право, лево, право, право, лево, право, право, лево, право, право, лево, лево, лево, лево...

Пороха хватило на сорок минут. Нашел себя дезориентированным в одном из сотни поворотов. Детская шалость исчезла вместе с желанием наткнуться на сверкающий сундук с пятитысячными купюрами, разрывными стрелами и прибором ночного видения. Болит голова. Нужно структурировать поиски.

Минут десять боролся с уловками минотавра, чтобы вернуться к началу. Вспоминаю простейшее правило. Научил отец, еще когда, сидя у него на коленях, жучил монстров в лабиринтах DOOM. Хочешь выбраться из лабиринта — иди вдоль стены. Левой! На вопрос: почему левой? он отвечал: Потому что мне нравится левая.

Так и сделаю. Поехали!

Повернул в семидесятый раз налево, посмотрел на часы — половина третьего. Давит ощущение, что не прошел и десяти процентов. Закидываю в себя энергетический батончик, живот отзывается благодарственной отрыжкой.

Вскоре задорный темп сменяется монотонными шагами, берцы становятся тяжелее раза в полтора, не хочу себе признаваться, но ноют ноги.

.....

Пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят! Стрелки выстроились в вертикальную линию — 18:00. Прошло еще три с половиной часа...

Сижу, забившись в один из миллиона углов, доедаю последний кусочек. Сухофрукты прилипают к губам, фундук и миндаль сушат горло, вспоминаю о выпитом залпом энергетике, проглатываю густую теплую слюну.

Обертку кладу в карман, больше я такую ошибку не совершу. Первую, не подумав, бросил на пол, а через два часа брожения наткнулся на нее. Взбесился, как бык, все показалось бессмысленным и безнадежным, еле сдержался, чтобы не психануть и побежать в случайном направлении с истерическими криками. Отдышался, руки потрогали левую стену, пошел дальше.

Сейчас зашел уже далеко. Ну как далеко... Цех тянется максимум на километр в длину, за десять минут пройдешь туда-назад быстрым шагом. В моем понимании далеко — значит, что комбинации встречающихся стен, развилок и длин коридоров стали незнакомыми, а это единственный признак того, что двигаюсь в правильном направлении.

На всякий случай напоминаю себе, что человек может пару дней протянуть без воды, двигаю дальше. Очередной левый поворот остается позади, нога проламывает пол. Смотрю вниз. Деревянный прямоугольник провалился на два сантиметра, щели образуют ровные границы, прямые углы, обезвоженный мозг соображает дольше обычного: на кнопку наступил. С боку доносится звук спуска, чувствую вонзающийся в руку укол.

В сгибе правой руки торчит дротик длиной с шариковую ручку. Вытаскиваю, бросаю на пол. На коже выступает круглая капля, если яд, то лишь бы без мучений скопытиться.

Поворачиваю налево, упираюсь в дверь. Наткнулся на выход так неожиданно, что, как-то и порадоваться не получается. Рядом стоит мусорное ведро, внутри — банка энергетика и упаковка из четырех овсяных печенюшек. Свобода подождет. Вливаю в себя напиток, глотаю мокрое овсяное месиво.

Капелька крови скатилась по руке, надулась еще одна, в ранке зудит, будто оса оставила внутри жало. Почесал вокруг, вроде, получше стало.

Время близится к семи, тянусь к ручке в предвкушении прохладного вечернего воздуха. Заперто...

Что за?

Порылся в ведре — ключа нет, собственно, как нет и замочной скважины. Подергал посильнее: от себя, на себя — бесполезно. Бьет холодный пот, кружится голова. Не страдаю клаустрофобией, но долбаные стены сводят с ума, давят и лишают кислорода, темнеет в глазах, подкашиваются ноги...

.....

Очнулся. Сажусь на полу, ноги скрещены, руки лежат на коленях. Поднимаю глаза. Передо мной в такой же позе сидит азиат: белая майка, выбритый череп, узкие глаза.

Сидит близко, настолько, что можем обняться не вставая. Не выглядит опасным, но напрягает. Вторгся в мое личное пространство, дышит моим воздухом, пристально смотрит в глаза. Моя оборонительная реакция выглядит, как смягчающая улыбка, нерешительно тяну в стороны уголки губ, слегка наклоняю голову, как будто спрашиваю: все ли в порядке?. Мимика азиата блещет равнодушием.

Осматриваюсь. Сидим в замкнутом помещении размером с волейбольный зал. Окружают коричневые стены, подпирает бетонный пол, потолок возвышается над головой метров на десять. Пробегаю взглядом по периметру — выхода нет. Смотрю на часы — скоро рассвет.

Левая рука тянется к зудящему локтю. Скребет. Вспоминаю о уколе, одергиваю руку, словно от горячего утюга: не хватало еще расчесать до кровотечения. СТОП! Происходит что-то странное... Рана исчезла, а зуд, скорее наоборот, увеличился, отдает болью.

— Потолок остановится, когда все змеи залезут в свои норы, — говорит без акцента.

— Что?

— Потолок остановится, когда все змеи залезут в свои норы, — повторяет, встает.

— Стой, стой! — подрываюсь вместе с ним. — И что это значит? Я ничего не понял!

Идет к стене.

— Эй?! Мужик!

Останавливается в метре. Перед ним появляется небольшая расщелина, разрастается до полуметра. Оборачивается:

— Ты. Нужен. Войнам. Быстрого ветра, — голос Гугла явно не принадлежит Джеки Чану, через долю секунды лицо возвращается в прежнее состояние, он разворачивается, боком протискивается внутрь, стена запечатывается.

И тут началось... Дрогнула земля. Что-то загудело над головой, помещение заполнил гул трущихся друг о друга камней или скал. С потолка сыпятся горсти песка, падают на пол, но не лежат, отрываются от пола на пару миллиметров, катаются, словно на волнах — под ногами вибрирует.

Сверху раздается пугающий треск, будто шандарахнула молния. Из пола повылазила плитка, опускается потолок...

Секунд двадцать пялюсь на многотонную глыбу. Мозг реалиста быстренько набрасывает картинку: на полу и потолке останется симметричное красное пятно, когда все закончится. Затекает шея, ноющая боль выводит из ступора. Не тупи! Это просто загадка в ознакомительной локации, что-то про змей и норы. Змеи в норах... Ненавижу ползучих тварей!

Слышу позади шуршащий звук. От страха колени отстреливают, будто катапультирующий механизм, подпрыгиваю, в воздухе разворачиваюсь к опасности. Придуманная воображением кобра, толщиной с пожарный шланг, которая пытается откусить мне ногу, оказалась горстью сыплющегося с потолка песка. Трясутся руки, барабанит мотор. Телу так быстро не объяснить, что испугался песочка, спокойствие вернется со временем — чека выдернута.

Все еще преследуемый страхом увидеть брызжущих ядом созданий, вглядываюсь в землю. Внимание привлекает торчащая из пола плитка: ровные контуры, прямые углы. На ней — рисунок. В кривой линии с кружочком на конце узнаю изображение змеи.

Когда змеи окажутся в норах...

Ботинок вбивает плитку в пол. Без сопротивления проваливается, будто клавиша на клавиатуре. Смотрю по сторонам, насчитываю еще штук десять. Прикидываю, что в легкую затопчу все, и еще успею вздремнуть две-три минуты, пока потолок будет ползти к полу. Мои надежды рушит механический щелчок. Плитка отстреливает обратно, сопровождается шипением, такой звук издает шланг для подкачки колес. Из щелей прет зеленый дым.

Отскакиваю, инстинктивно задерживаю дыхание. Газ поднимается к потолку, словно гриб ядерного взрыва. Ядро в эпицентре отливает почти черной зеленью, по бокам бурлят и выворачиваются наизнанку сгустки цвета неспелых яблок.

Дураку понятно — ничего хорошего не жди. Вдохнешь такой коктейльчик, и можно не дожидаться падающего потолка, все закончится раньше.

Задираю голову. Визуально потолок находится примерно так же высоко, значит опускается медленно. Смотрю по сторонам, ищу подсказки, метки или зашифрованные знаки. Пока мозг соображает в чем прикол? нога повторно вдавливают плитку. Прямоугольник опускается, замирает на две секунды, все повторяется снова: отстреливает, пускает дым.

Бегу к следующей плитке. Удар ногой, щелчок. Жду. Так же упорно отскакивает, наружу прет газ. Да что за... Вколачиваю еще одну — то же самое. Цепенеющее ощущение страха затмевает осторожность. Кручу головой, мысли сбились в гордиев узел, должна же быть какая-то логика. Забываю отойти от последнего извержения, вдыхаю краешек прозрачного

салатового облачка.

Помню, как в детстве ходили по рельсам и собирали кусочки просыпавшейся серы. Чем здоровее кусок, тем круче зрелище тебя ждет. Нередко, стоя за спиной матерого поджигателя, приходилось вдыхать поднимающийся дым, чтобы не пропустить заворачивающий фиолетовый огонек. Продукт горения попадал в легкие, внутри все сжималось, резало грудь. Орава мальчишек, сбившись в кружок, кашляла, словно пациенты с пневмонией.

Этот зеленый дым дал той сере фору в несколько кругов. Легкие парализовало, грудь перестала вздыматься вверх-вниз, ее будто наполнили монтажной пеной. Шевелю языком, кусаю воздух — путь внутрь закрыт, живот схватила судорога, слезы льются из глаз, на шее вздуваются вены, задницу тянет к земле.

Готовлюсь к худшему... Хлоп! Что-то лопнуло в горле, будто пленка мыльного пузыря. Истосковавшиеся по кислороду легкие, словно черная дыра засасывают воздух, заполняют себя по завязку. Внутри все чешется, чувствую хлюпанья посторонних жидкостей. Кашляю, мой рокот сопровождается отхаркиваниями и плевыми. Попустило.

Поднимаю голову, потолок стал заметно ближе, увеличился шум каменного трения. С ужасом осознаю, что убьет меня не он. У потолка двадцати сантиметровым слоем стелется бурлящий газ, он не развеивается, а каждое новое нажатие плитки прибавляет объем смертельного сгустка.

Нужно собраться. Отбрасываю пугающие мысли в сторону. Мозг перебирает идеи и варианты: нужен специальный алгоритм нажатий? определенная сила? несколько нажатий на одну и ту же? в какую сторону смотрят змеиные головы? или хвосты показывают направления? а какая первая?

Понимаю, что проверить каждый из вариантов не выйдет. Времени остается не так много. Извилины ведут дискуссию о том, есть ли прямая зависимость между количеством стен в помещении, числом сказанных азиатом слов и суммой изгибов змеиных тел. В это время оставшаяся без наблюдения нога, не придумав ничего получше, бахает оказавшуюся рядом плитку. Отскакиваю. Жду две секунды, остается в полу.

Почему именно эта? Чем отличается от остальных? Подбегаю к еще одной. Жму. Раз, два — слышу щелчок, отжимаются сразу две плитки, из обеих в верх прет газ, будто из ноздрей гидры.

А, ну вроде все становится понятно. Возвращаюсь к предыдущей, плитка оказывается в полу, замирает. Да! Ответ куда проще, чем я думал: чтобы все змеи оказались в норах, нужно лишь соблюсти правильную последовательность. Понеслась!

Первая, вторая — валит газ. Первая, вторая — газ. Первая, вторая — есть! Третья — газ, сука!

Всего из пола торчат десять плиток. Нога вколачивает седьмую, остается в полу, я даже не отхожу в сторону, потому что трижды до этого промазал, больше ошибаться некуда. Смотрю в потолок, секунд через двадцать смогу в прыжке достать до опускающегося газа. Но это не так значимо, заметил, что ошибки с плитками на поздних этапах ощущаются гораздо сильнее. Когда семь плиток одновременно отскакивают от пола, в воздух поднимается ядовитый клуб размером с купол воздушного шара. Объем, который он занимает под потолком, превышает расстояние, пройденное бетонным перекрытием.

После случайного нажатия приходится отбегать к стене. Просто отойти на пару метров в сторону, становится небезопасно: концентрация газа вокруг превышает воздух. Из-за

неопытности уже трижды корчился от боли и безуспешно хапал воздух.

Глаза пробегают по оставшейся тройке. Времени на раздумья или считалочки не осталось. Жму, ноги несут к стене. Не зря... Восемь шипящих сопел отравляют помещение, газ вливается в озеро под потолком, равномерно расползается по площади, волна катит прямо в лицо, падаю на колени. Пригодная для дыхания высота — полтора метра.

Трачу куда больше времени, чтобы нажать предыдущие, потому что ползаю на карачках. Первая, вторая, третья — щелчок. Бля! Укатываюсь в сторону, поспешил — ошибся. Залп! Снова втягиваю в себя яд, клинят легкие, слезы текут по щекам, вливаются в сопляное русло. Остается метр, за ним — смерть...

Ползу. Колени и локти шаркают по бетону, в легкие иногда залетают отбившиеся облачка. Первая, вторая... пятая..., восьмая... Есть! Угадал! Осталась две. Права на ошибку больше нет.

Девятая плитка прямо у левой руки, последняя — в пяти метрах. Даю себе секунду, чтобы подумать, трудяга говорит, что дальняя, скорее всего — наша. Подбери растекшиеся яйца и погнались! Ты справишься!

Пацан, из которого выжали все соки, готов сдаться. Ему даже впадлу что-то объяснять, он просто кивает на плитку у левой руки, имеет в виду: нажимай эту, я — всё.

Настраиваю себя на то, что нужно еще поработать ручками, ведь буду жалеть, что сдался. Последний рывок! Соберись и ползи! Осталось совсем чуть-чуть! Ты сможешь! Вспомни Роки Бальбо! ДАВАЙ!

Щелк... СТОП! ЧТО?! Второму челу насрать на Роки и остальную чушь, он нажал ту что ближе и не считает себя виноватым.

Жду две секунды, плитка остается на месте. Неужели угадал? Газ опускается все ниже. Сердце стучит со скоростью поршня гоночного болида, часто дышу. Ползи!

Оставил позади три метра. Яд гладит плечи. Делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание, горстка дыма просачивается в легкие. Остановились насосы, поплыла картинка. Ноги и живот хватает судорога, руки, словно механические молотки вбиваются в бетон и тащат бесчувственный балласт.

Расстояние до плитки искажается, умирающий без кислорода мозг сообщает, что до цели — не больше метра, а уже через секунду плитка оказывается в километре. Сердце бьется, но удары тихие и редкие.

Настоящее искажается. Накрывает какой-то временной прыжок. Нахожу себя лежащим у плитки, правая рука лежит вдоль тела. Замахиваюсь из-за спины, кулак, а вместе с ним и локоть, полностью скрываются в зеленом дыму над головой. Очередной глюк отдаляет плитку на ширину футбольного поля, надежда дотянуться испаряется, но вдруг... божественный кулак прорывает темные облака, рука, длиной метров сто, опускается на бетон. БУМ! Плитка оказывается в полу.

Перепонки рвет шум турбин, словно рядом взлетает самолет. Зелень над головой рассасывается. Вдыхаю...

Глава 11. Прыжок веры

Помню, как лежал на полу в газовой камере. Помещение заполнил звук ревущих турбин, легкие втянули чистый воздух...

Открываю глаза, нахожу себя там, где распластался, до того, как попал к азиату на вечеринку. Из открытой двери в лабиринт тянет уличной прохладой. Встаю, захожу в комнату размером пару квадратных метров, она заканчивается открытой дверью на улицу, освещается лампой в потолке. В углу стоит картонная коробка, похожа на те, что используют для отправки посылок. По-хозяйски роюсь внутри, подбираю вознаграждение: пилюля на ХП, еще одна с красной полоской, перчатки, 500 рублей одной купюрой, банка энергетика и кожаный чехол для меча. Пихаю итемы в рюкзак, выхожу на улицу.

Стемнело. Стрелки на часах показывают — начало третьего, скоро желтый гигант начнет свое восхождение.

Под завязку наполняю грудь свежим воздухом, чувствую легкое головокружение, сказываются двенадцать часов, проведенных в кроличьей норе. Задираю голову, чтобы насладиться бездонным небом, залипаю в желто-красные точки над головой.

К реальности возвращает зуд в локте и колющая боль. Закатываю рукав, но рассмотреть что-то, кроме темного пятна, не удастся. Достаю из рюкзака спички. Дырка от иглы слегка расплзлась, на поверхности, вместо привычной корочки, вижу жидкую массу. Пахнет гноем. Центральная часть окрасилась в черный. Чешется, пульсирует, побаливает.

Хилка? Ну уж нет — слишком круто для такой мелочи, возвращаю рукав на место. Шальная мысль предлагает двинуть в четвертый цех, но я отказываюсь. Устал. К тому же, смотрящие за заводом сказали, что после третьего — чекпоинт. Следующий заход смогу начать с четвертого, грех — этим не воспользоваться, а сейчас нужно отдохнуть и засеивить лут.

Покидаю территорию завода по тропинке между бетонными плитами. Ноги волокут мимо охранников, заспанные мужики рубятся в карты, стол заволокли коричневые бутылки.

— Сколько прошел?! — кричит один, заметив меня боковым зрением.

— Три, — выдавливаю.

— Не хило, — отрывается от карт, провожает взглядом. — Хорош!

Наверное, в обычной ситуации я выбрал бы менее примечательный способ передвижения, но валящая с ног усталость ломает рамки обычного. Чешу по середине проспекта, не оглядываясь по сторонам.

Захожу в подъезд, поднимаюсь на площадку. Кулак отбивает два коротких и два длинных. После минутного замешательства Витя открывает дверь, сонное лицо растекается в улыбке. Заваливаюсь в квартиру, говорю, что нужно отдохнуть. Витя предлагает по сotchке. Отказываюсь, падаю на диван.

.....

Разбудил не солнечный лучик, не разговоры на улице и не шум бодрствующего Вити. Проснулся в семь утра от боли в руке. Вскочил, стало не по себе.

Рукав куртки промок и окрасился в бордовый, рана болит, чувствую, как в ней отбивается пульс. Закатываю рукав. Бля... Стала раза в полтора шире, вокруг потемнела

кожа, наружу прут комки желтых сгустков. Что-то не так с тем дротиком. Рана на лбу от кастета и сотряс рассосались за полдня, а легчайший укол наделал столько проблем... Яд? Скорее всего. Хилка поможет? Сложно сказать.

В остальном чувствую себя нормально: галлюцинации не преследуют, ходить могу, не тошнит.

Чапаю в туалет. Сделал дело, нажал кнопку смыва. Похоже, она и разбудила Витю, я только уселся на кухне, как он вошел следом.

— Здарова! — тянет руку.

— Привет.

Витю не узнать: джинсы, белая майка, короткая куртка из кожзама, мокасины. Достает из кармана пачку мальборо, зажигалку, кухня наполняется запахом табака. Вкусно.

Сам не курю уже пять лет. Почему бросил? Да, потому что мог. Никогда не чувствовал зависимости от этого дерьма, в один день решил — отдал другу начатую пачку.

— Это че за хрень? — тычет пальцем в локоть, кривит лицо.

— Да, фигня, — машу кистью. — Сработала ловушка в лабиринте минотавра, выстрелил ядовитый дротик, вызвал галлюцинации, в которых пришлось воевать с падающим потолком в газовой камере.

— Чего, мля? — брови поползли на лоб.

Кратко рассказал, как все прошло, Витя одобрительно кивнул, хлопнул по плечу. Рассказ закончился, а за ним не последовало ни одного вопроса, похоже, Вите это не очень интересно.

Лезет в холодильник, на столе появляются: колбаса, сыр, банка огурцов, консервы. С деловым видом кромсает, приглашает угощаться. Набиваю рот, резцы интенсивно перемалывают хавку. Между глотками спрашиваю, чем он занимался.

Витя времени даром не терял. Нашел рынок, перетер с местными торговцами, за бутл вискаря выторговал приличный шмот, еду, узнал немало нового. Возле дома встретил новичка, за тысячу рублей открыл ему секрет, который спас от встречи со Скоком. Тысячу потратил на нож.

На стол опускается цельная, заточенная с обеих сторон пика. Беру в руку, верчу:

— Я на заводе нарыл парочку армейских ножей с чехлами. По сравнению с ними, твой ножик — зубочистка. Могу подогнуть один.

Витлет улыбается, жестом ладони просит вернуть:

— Дело не в толщине лезвия или удобстве рукояти, — нож оказывается в руке, отмачивает кульбиты, растворяется между пальцами. — Это, как членами меряться: размер не имеет значения, если знаешь, как правильно пользоваться.

Быстро же он влился. Еще бы. Место, где крутятся реальные бабки, творит беззаконие, а вокруг все кишит потенциальными экспериментами, разводками и доминированием.

Витя продолжает. Сказал, что нашел общий язык с одним из барыг, закинул удочку по поводу места за торгошным столом, уже и бизнес-план придумал. Барыга сказал, что при случае перебазарит со своими, но сразу предупредил, что на рынок пустят только с не конкурирующим товаром или услугой. Однажды они уже обожглись: пустили второго торговца мечами. Тут же включились рыночные законы, продавцы вступили в борьбу за клиентов. Через день удивляют друг друга снижением цен, скидками постоянным покупателям, акциями и т. д.

Витя — не дурак. С конкурирующим товаром и сам бы не полез, хочет замутить

продажу фаст-фуда. Хавка и холодное пиво — то, чего сто процентов не хватает мужикам, меряющимся мечами и мускулами. Понятия не имеет, где взять еду, как ее готовить и чем охлаждать пиво, но уверен, что мимо запаха жареных сосисок на гриле никто не пройдет.

Место на улице сто́ит около пятисот тысяч, плюс ежемесячная плата охране. Если вольешься, то отбить бабки можно за пару месяцев.

Губы с силой сжимают фильтр, сигарета отдается тлеющим треском. Витя выпускает облако дыма, увлеченно рассказывает про потенциальные возможности: наркоторговля, медицина, тату салон и так далее. Одни из самых прибыльных сфер бизнеса все еще не заняты. Черный предприниматель видит вокруг почти безграничные возможности, претя от того, насколько у него развязаны руки. Трепещи, тизер!

Боль в руке все больше дает о себе знать. Поднимаю чашку с бурлящей газами минералкой, кривлю лицом. Воспаленные мышцы посылают мозгу сигнал тревоги на каждую просьбу пошевелиться.

— Совсем херово?

— Да... хз, — пожимаю плечами. — Принеси рюкзак, пожалуйста.

Идет. Достаяю из бокового кармана две таблетки аспирина, запиваю водой. Витя находит в шкафчике йод, обрабатываем рану, заклеиваем бактерицидным пластырем.

Достаяю из рюкзака пилюлю с красной полоской, отправляю следом за аспирином. По телу прокатывается волна, чувствую прилив сил. Витя ждет, пока меня тресанет, как на электрическом стуле, показывает взглядом на кружку, ехидно улыбается:

— Попробуешь?

— Пошел, ты! — мне не до шуток. — В своей квартире давно был?

— Последний раз — с тобой. А что?

— Нужно проверить, может Макс объявился. Я отойду минут на двадцать.

— Ммм..., - Витя опускает голову, тербит бумажную салфетку. — Погоди!

— Чего? — встаю.

— Сядь! Тут такое дело..., - складывает губы трубочкой. — В розыске, ты!

— А? — колени сгибаются сами собой.

— Скок платит за твою голову пять красных пилюль. Задача — вырубить и притащить к нему. Вчера приходил на рынок, спрашивал про чувака с биноклем. Тебя многие срисовали.

— Охренеть!

— Да. Сейчас ты должен быть очень осторожен. А лучше..., - кулак сжимает салфетку. — Лучше валить в основную локацию. Мудак совсем с катушек съехал, не успокоится, пока не оторвет тебе пару конечностей.

— Да пошел он нахер! И че он мне сделает? — кулак самовольно сжимается, по руке растекается боль. — А-ау! Экстренный выход никто не отменял.

— Значит заставит башлять, плюс на недельку забудешь, что такое тизер. Мало приятного.

— Не понял...

— Что?

— В смысле, башлять? Почему на недельку забуду?

— Ну, как..., - Витя разводит руками. — Экстренный выход, же!

— Ты о чем?

— Мля! Ты читал, вообще, что подписываешь?!

— Ну, да...

— Приложение номер один к договору?

— Ну-у-у, — чувствую себя оправдывающимся школьником. — Пробежался.

— Пффф! Экстренный выход покрывается штрафом — десять кусков и пять дней оффлайна! Пробежался он...

— Ни фига себе...

— Тизер наказывает тех, кто играет не по его правилам.

Так вот, почему Макс пропал?! Пацан понял, что Скок не успокоится, пока не переломает ему все кости, и экстренно вышел. Та-а-ак... когда это было? В воскресенье ночью. Сегодня у нас — пятница, значит завтра утром должен появиться.

— Слушай, мне нужно еще раз на завод попасть. Хочу закончить квест, тогда и свалю. Сможешь билет достать?

— Попробую.

— Тут восемьсот, — протягиваю трофейные бабки. — Возьми в рюкзаке перчатки, бинокль и ножны, если хватит, то бинокль не продавай, билет полторы тысячи стоит.

— Ок, — щурит лицо, тычет пальцем в локоть. — А ты, разберись с рукой! Выглядит совсем херово.

Аспирин притупил боль, но не помешал распространению яда или другой херни, которая меня убивает. На предплечье повылазили синие, почти черные, вены. Рука отекала, раздулась, как вареная сосиска. Ранка из дырочки от дротика расползлась, стала размером с бутылочное горлышко, вылезает из-под пластыря.

— И че делать? — сглатываю слюну, смотрю Вите в глаза.

— Хз, — тормозит у рта недоеденный бутерброд, округляет глаза.

— Ты чего?!

— Я рубить не буду!

— Да пошел, ты! — пелену страха и плохого настроения пробивает улыбка. — Рубить он не будет...

Перекусили. Витя сказал, что уходит. Нужно решать вопросы по поводу бизнеса, прощупывать рынок, заодно за билетом зайдет.

Я говорю, что уйду в реал на пару часов, может рука подлечится. Договорились вернуться к двенадцати, Витя уходит, захлопываю дверь.

.....

Очухиваюсь в гараже. Взгляд провожает крышку капсулы, вылажу.

Кружится голова, подкашиваются ноги. Пробыл в тизере двое суток — законсервированное тело возвращается к жизни, крутит желудок, мучает жажда. Спасибо Димону, что оставил воду, залпом выпиваю пол литра, скручивает живот.

Одеваюсь, падаю на диван. Отходняк от капсулы мучает десять минут, а уже через четверть часа, растянувшись на диване, я выбираю между лапшой удон или пиццей четыре сыра. Списались бонусы, время доставки пошло.

Чекаю ВК и снова вижу будоражащую любопытство единичку. Пишет Полина Мотыль:

Понятно. И какие у тебя планы?

Да что тебе надо?! Какие планы... какие планы... Мирон, а какие у тебя планы? В ближайший месяц-два залипать в тизер. Впереди — основная локация и карьера Леголаса, заделаюсь наемником, буду рейд боссов щелкать. В воздухе тизера витает запах возможностей, может миллионы и не заработаю, но на среднемесячную зп постараюсь выйти. Уж лучше в игре торчать, чем по восемь часов в офисе... Мысли снова улетают куда-

то далеко. Что ответить Полине? Ай, потом. Закрываю прилажуку.

Время — половина десятого. Решаю потратить его с пользой. Окей, Гугл! Как стрелять из лука? Получаю пятьсот пятьдесят тысяч результатов, иду по второй ссылке: Учись стрелять из лука.

Ё-мое. Глаза бегут по статье со схемами, рисунками, пояснениями, теориями и тактикой. Добавить туда пару страниц воды с размышлениями автора, и хоть кандидатскую защищай.

Кривая палка и тетива, что может быть проще? Мои представления о стрельбе были примерно следующими: тяни тетиву, отпускай и надейся, что стрела прочтает твои мысли и попадет туда, куда ты задумал. Статья вдарила посохом знаний по пустой башке: установка стрелы на луке, изготовление, положение головы, положение после выстрела, виды стоек, виды хвата, прикладка кисти, удержание тетивы, прицеливание и еще куча всего.

Трезво оцениваю свои силы: весь материал не усвою, нужно почерпнуть наиболее весомые знания. Вспоминаю воспеваемый коуч-тренерами принцип Парето: двадцать процентов усилий приносят восемьдесят процентов результата. Ну хоть на что-то эти тренинги сгодились.

Пока лепил из кулака фигурку, похожую на ту, что изображена на схеме правильный хват, прибыла хавка. Звук замка термосумки дразнит желудок, запах специй гонит слюну. Приятного аппетита.

Два куса, обильно посыпанных сыром, так и остались лежать в коробке — у меня закончилось место. Рука не болит, живот не урчит, не мутит. Растягиваюсь на диване, залипаю в ленту новостей. Мемчик, видосик, гифка, видосик, обрубосик...

.....

Открываю глаза, подбираю водопадик слюны, тянущийся к спинке дивана. Затекла шея. Сажусь, делаю плавные наклоны влево-вправо, похрустывают шейные позвонки.

Рука подносит часы — начало второго. Мля... в двенадцать же договорились встретиться. Подрываюсь, одежда падает на диван. Прыгаю в капсулу, нажимаю кнопку. Холодный полиэтилен и беспощадный пресс напрягают все меньше, рано или поздно ко всему привыкаешь. Поехали.

За спиной хлопает дверь. Что за фигня?! Перед глазами все плывет. Моргаю, чувствую, как ручейки бегут по щекам. Я плачу?

Хрен знает, как реализован этот процесс, но между тем, как сознание переместится из настоящего тела в программный код, проходит задержка в несколько секунд.

Этот миг оказался пит-стопом, перед убивающей меня гонкой. Я пришел в себя, тело накрыла чудовищная боль. Понадобилось еще пара секунд, чтобы понять, что происходит. Смотрю на правый локоть...

Рука почернела до костяшек на кисти. Второй конец черно-бордовой мертвечины поднимается к плечу, прячется под футболкой. Раздувшаяся дыра кровоточит и жжет. Боль не прекращается ни на секунду, пульсирующими ударами разносится по телу и доходит прямо до затылка. Кажется, будто кто-то зубочисткой колупается в воспаленной корке мозга, я схожу с ума.

Хочется пить. По щекам собираю жалкое подобие слюны, толкаю в желудок. Скатывается по потрескавшемуся горлу, дерет, будто наждачкой. Иду на кухню. Ноги делают неуверенные шаги, болтаются из стороны в сторону, плохо управляемая рука тянется за пластиковой бутылкой. Мимо. Полторашка катится по столу, сбивает кружку, все это падает

на пол. Кухня наполняется грохотом.

БУМ-БУМ-БУМ-БУМ — доносится из-за спины. Бутылка упала у ног, а шумит сзади Галлюцинации?

БУМ-БУМ-БУМ

— ...ро-о-он! Открывай, твою мать!

Ползу по стенке к двери, поворачиваю замок, в квартиру вламывается Витя:

— ТЫ В ДОСКУ ОБОРЗЕЛ, СУКА!? СКОЛЬКО ТЕБЯ ЖДАТЬ? МНЕ, ЧТО, ЗАН..
расширяются глаза, снижается темп. — Заняться больше нече... Ты в порядке, чувак?

— Ну так..., - шурю глаза. — А что?

— Хреново выглядишь, — закрывает дверь, впивается взглядом в черную руку. — Бля-я-я...

Пожимаю плечами, потому что говорить — влом. Воды так и не попил. Витя, прилагая усилия, отводит взгляд, рука роется во внутреннем кармане, достает бумажку со схемой и подписью на обратной стороне. Бинобль висит на шее.

— Вот билет, — протягивает. — Вертухай согласились пустить тебя. Сколько времени?

— Показываю часы.

— Если хочешь успеть, то нужно что-то делать. Их смена закончится в четыре, а новые уже не в курсе, что ты придешь. Но я хз... Ходить то вообще можешь?

— Ну так..., - сиплый голос царапает горло. Устал стоять, трясущиеся ноги ищут, куда бы взвалить тяжеленную задницу.

— А хилка? Не помогла?

— Хилка понадобится для квеста.

— Для какого нахер квеста?! Посмотри на себя!

Тащу спину по стенке, чтобы оказаться перед зеркалом. На меня смотрит живой мертвец: лицо стало белым, как у альбиноса, на лбу выступили капли холодного пота, глаза впали, мешки окрасились в темно-синий, по шее к подбородку ползут черные вены.

— Дай попить, — во рту пересохло настолько, что в голосе слышен свист.

Витя валит на кухню, приносит табурет и бутылку. Сползаю по стене, приземляю задницу на островок безопасности, пью.

— Мне нужен воздух.

— Чего?

— Помоги подняться на крышу.

.....

Витя стоит в двадцати метрах от парапета. Расставил в стороны руки, будто пытается удержать равновесие. Топчется на месте шагами лилипута:

— Как же я очкую! — бешенные глаза бегают по уходящему вдаль горизонту. — Гребанная высота, сука! Ненавижу!

Его нытье долетает до ушей отрывками, словно спич радиоведущего в глухом лесу. Я стою на парапете, подо мной — тридцать метров для затяжного прыжка. Страшно. Дышу полной грудью, успокаиваю себя тем, что все случится быстро и не больно. Ветер треплет майку и семейные труселя, охлаждает инфицированный организм с температурой под сорок. Легчает.

— Слушай, Мирон! — Витя сложил руки рупором, кричит в спину. — Может я пойду, а?! Ты тут типо веселись и все такое, а мне чет... не очень...

— Ладно, — ветер заглушает мой голос. Набираю полную грудь воздуха, кричу. —

Шмотки! Забери!

— Да ты заеб..., - на секунду затихает ветер, и я отчетливо слышу его недовольство. — Сейчас! Иду!

Витя опустил центр тяжести так низко, что едва не трет задницей по рубероиду. Черепашьями шагами приближается к бортику. Рядом валяются армейские штаны, ботинки, часы, нож с ремнем. Небрежно хватает в охапку, сваливает к середине крыши.

— Все! Я ушел! Жду в квартире!

Кричать в ответ — впадлу. Делаю ленивый мах рукой. Вали ты уже...

Потихоньку, то самое сумасшедшее желание сигануть вниз преобладает над страхом. Босые ноги сантиметровыми шагами приближаются к краю. Большие пальцы сползли вниз, ухватились за парапет, будто птичьи лапки.

Вдыхаю, завожу руки за спину, тело кренится вперед, ноги отталкиваются от парапета. Вытягиваюсь, будто прыгаю щучкой в воду, лечу...

Пролетел две трети и понял, что за тридцать метров ощутить прелесть свободного падения невозможно. Последними мыслями были не воспоминания из прошлого, не горечь от безысходности и не флешбеки студенческой жизни. Жалею, что не попросил Витю проверить, умру ли я. Страшно упасть, а потом несколько часов валяться на асфальте, изнывая от боли.

Закрываю глаза. ХЛОП! Внутри все сжалось, не могу дышать...

.....

За спиной хлопает дверь.

Смотрю на руку. Выгоревшие волосики торчат из смуглой здоровой кожи. От пожирающей меня дыры не осталось и следа. Левая рука не верит глазам, тщательно прощупывает каждый сантиметр предплечья. Получилось!

Настроение стрельнуло вверх, как термометр в пустыне, после холодной ночи. Все познается в сравнении, иногда достаточно вернуться в обыденное состояние, чтобы почувствовать себя счастливым.

Как, к примеру, с зубной болью. Застанет тебя где-нибудь в дороге или на отдыхе. Терпишь эту зудящую хрень, опухает щека, готов не есть хоть пару месяцев, лишь бы избавиться от нее. Проходит время — идешь к стоматологу. Белоколпачный поколдует жужащими инструментами, потычет острыми палками — боль исчезнет. И вот ты уже летишь домой в предвкушении вкуса заныканного сникерса, который будешь жевать на обе стороны, а не стравливать по кусочку левой половине челюсти, как раньше. Улыбка не покидает твое лицо, а любопытный язык так и норовит облизать свежую пломбу.

Впервые избавляюсь от смертельной болезни, пускай и в игре, но ощущение потрясающее. Ты снова жив, снова можешь тянуть тетиву и лутать неудобных.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

От переполняемых чувств, правый кулак выстреливает в дверь шкафа. Приложился в полсилы — подохренел от результата. По ДСП толщиной в спичечный коробок поползла трещина, шкаф зашатался, словно кисель. Похоже, пилюльки все же дают о себе знать. Становлюсь сильнее.

Влажу в джинсы на три размера больше, закатываю штанины. В прихожей ждут коричневые сандалии, жилетка без рукавов. Тщательно квартиру не лутаю — нет времени. Ноги несут на улицу.

Включаю спринт, через пять минут пробегаю мимо темного пятна на асфальте, тело

Мирона исчезло. Забегаю в подъезд, выстукиваю два коротких и два длинных, Витя открывает:

— Ну, что, получилось?

Поднимаю правую руку.

— Отлично! — рад не меньше меня. — А чего так долго?

— Где часы?

Держит в руке блокнот и шариковую ручку, концом указывает на комод. Поднимаю, смотрю на стрелки:

— Та-а-к... меня не было сорок минут. Пять потратил в квартире и еще пять — на дорогу. Задержка на респ получается — полчаса, — заканчиваю размышления, просачиваясь в комнату.

— Понятно, — идет следом.

Переодеваюсь, собираю рюкзак. Колчан крепится на плече, в армейские штаны вдеваю ремень с чехлом для ножа.

— Если пройдешь, то с завода уходи ночью, — Витя отложил в сторону блокнот, грызет ручку.

— А ты че пишешь?

— Бизнес-план, — улыбается. — Подою новичков, а там посмотрим, может и в основную переберусь.

— Ясно, — осматриваюсь по сторонам, вроде все собрал. — Спасибо, Витя. Надеюсь, еще увидимся.

— Зайдешь еще?

— Хз, как пойдет...

— Ну, давай. Удачи, братан!

Жмем руки, хлопаю Витю по плечу. Расставаться жалко, сблизилась за пару дней.

Хватаю лук, спускаюсь. Дворы и переулки привели меня к забору завода, миновав улицу Скока и торговый проспект.

Оглядываясь по сторонам, чешу к охраннику, на ходу достаю билет, вытягиваю перед собой. Форменный здоровяк с пяти метров заглядывает мне в лицо, затем, вытягивает шею, сканирует территорию вокруг, большой палец на левой руке, едва заметным движением указывает за спину. Прячу руку в карман, прохожу через КПП.

Глава 12. Антиспиды

Бодрый шаг меряет тротуарную плитку производственной площадки. Посещает мысль, еще разок пройти первых три цеха, размяться, приловчиться к новому луку. Вспоминаю про лабиринт, выбрасываю идею в урну.

Цех под номером три остается позади. Ташу на себя дверь четвертого, оказываюсь внутри пустого помещения размером в пару футбольных полей. На высоте пятнадцати метров, будто под куполом цирка, светят люминесцентные трубчатые лампы.

Правая рука тянется за спину, нащупывает хвостовик стрелы. Заряжаю, смотрю по сторонам. По периметру цеха расположены гаражи, или что-то вроде того, их закрывают белые ролл-шторы, судя по всему, опасность нужно ждать оттуда. Посредине вижу стойку. В классических РПГ на таких лежат свитки, пергаменты или квестовые книги, освещаемые божественным лучом.

Иду медленно, смотрю под ноги. Бетонный пол откликается хрустом песчинок. Настораживает тишина, преследует ощущение, будто за мной следят. А будто не следят?!

Нервничаю, из-за чего некоторые шаги выбиваются из заданного темпа. Подошвы трут по бетону, шарканья разлетаются по ангару.

Стойка оказалась чем-то вроде подставки для музейного экспоната. В черной коробке с замшевым покрытием под стеклом лежит пиллюля с двумя оранжевыми ободками. Рядом с ней вижу табличку, обычно они содержат информацию с названием, особенностями, происхождением, а иногда даже краткой историей выставочного предмета. Табличка передо мной несет куда меньше информации: антиспиды.

Раскидываю мозгами. Думаю, чтобы это могло значить, пока руки вскрываю коробку. Чувствую себя неловко, не привык трогать руками то, что обычно руками не трогать. Стекло сопротивляется, но я настаиваю. Со скрипящим звуком, поднимается, разрешает угоститься конфеткой. Беру.

За спиной шелкает, слышу звук работы электромотора ж-ж-ж-ж-ж-ж. Оборачиваюсь. Открывается один из гаражей, рольштора ползет вверх, поднимается на высоту в полметра, показывает несколько пар ног. Точнее разглядеть не могу, расстояние — метров двести.

Ноги топчутся. Им не удается выскочить из этой консервной банки, броситься в бой. Однако воротам плевать на прихоти заключенных, они, как пенсионерка на кассе: несмотря на недовольство очереди, не спеша копошится в сумке в поисках кошелька, справляется, а когда ее просят посмотреть рубль, процесс повторяется.

Поднялись на метр. Люди внутри больше не могут себя сдерживать, гуськом проползают под воротами, бегут. Их трое.

Пиллюлю закидываю в карман. Левая хватает лук, правая вдевает стрелу. Вспоминаю статью, поправляю хват, стойку. Не тороплюсь отпускать тетиву, враги еще слишком далеко. Прицеливаюсь.

Секунд через двадцать они оказались на расстоянии, с которого можно рассмотреть: кеды, спортивные штаны, футболки. Руки трясут бейсбольными битами, напоминают разъяренных футбольных фанатов, не выглядят слишком опасными. Так... накаченные пивасом гопники, жаждущие ощущений. Навожу наконечник чуть выше головы, стрела со свистом уносится навстречу.

Недооценил я нормальный лук. Привык уже к стрельбе из кривой палки с бельевой веревкой: чем дальше цель, тем выше поднимаешь наконечник. Стрела улетает, а ты в надежде скрещиваешь пальчики — лишь бы долетела. Новый лук приятно удивил. Стрела пролетела над головой, всего в нескольких сантиметрах ниже, чем точка прицеливания. Увеличилась начальная скорость и прицельная дальность. Жалко, конечно, что промазал, но чувство, что палка с тетивой становится серьезным оружием в моих руках, компенсирует досаду.

Левая рука снова поползла за спину, ищет стрелу. Мешает висящий поверх колчана рюкзак и легкая дрожь в руке. Чтобы разметить стрелу на тетиве, уходит чересчур много времени, секунд через десять остолопы будут рядом. Навожу в грудь. Спуск!

Тот, что бежал посередине сделал еще четыре шага, прежде чем рухнул лицом в пол. Стрела прошла тело почти насквозь, на три четверти торчит из спины, окрасилась в красный.

Стрельнуть еще раз уже не успеваю, бросаю лук, выхватываю нож. Бейсболист замахивается за пять шагов, второй отстает от него на пару-тройку корпусов. Круговым движением плечей скидывают рюкзак на пол, подставляю корпус под удар. Глупенький цифровой мозг ведется на уловку, машет битой, вкладывая вес всего тела. Отступаю на шаг назад, деревяха пролетает в двадцати сантиметрах от носа, за ней следует леденящий поток ветра, который как бы предупреждает, что лицо превратится в лепешку, если подставлюсь.

Потерявшее равновесие тело по инерции прет на меня, в последний момент решаю не вспарывать ему грудь. Кистью загибаю лезвие к себе, выношу локоть. Бум!

Ё-мое! Если внутри что-то думало, то больше не будет. Башка отлетела, как мячик, увлекая за собой тело. Похоже, парочка красных пилюль дала серьезный буст перед лажовыми ботами.

Наблюдаю за приземляющимся на лопатки хулиганом, боковым зрением вижу, как замахивается второй. Желание пускать кровь напрочь отсутствует, разжимаю кисть, нож летит на землю.левой рукой останавливаю битую, погасив рычаг у самого плеча, правой хватаю за горло, приказываю своим дохленьким ручкам приподнять тело вверх. Слышатся. Желтая подошва кед оторвалась от пола с коротким футзальным пискотом. Делаю два быстрых шага вперед, чувак оказывается почти в горизонтальном положении, прикладываю его лопатками о бетон. По цеху разносится звук падения мешка с цементом, мужик с едва уловимыми стоном и корчит на полу.

Не успел восхититься тому, что творят никчемные бицухи, как слышу уже знакомый звук открывающегося гаража. Двух! Новые тройки прут с разных сторон, внешне не отличаются от предыдущих: кеды, биты, спортивные штаны.

Подхватываю лук, заряжаю. Стрела уносится к цели, сопровождаемая приятным гулом. Минус! Заряжаю еще, тетива трещит под натиском моей руки, натяжения с избытком хватает, чтобы срезать гопника, но я накидываю еще парочку килограмм. Отпускаю, наблюдаю за первым навывлет. Стрела вошла в район солнечного сплетения, вышла между лопаток. Ноги атакующего забыли привычный алгоритм, прогибаются колени, прорезь между ногами округляется колесом, каждый следующий шаг похож на приключение пьяного чувака на ходулях. Носок цепляется за пятку, непись шлепается на бетон, выставляя перед собой руки.

Нашупываю в колчане две стрелы. Заряжаю.

Справа бежит один боец, слева приближается тройка. Стреляю налево, в того, кто

пробежал стометровку быстрее остальных. Стрела застревает в шее, мужик делает пару сочных кульбитов через голову.

Отбрасываю в сторону лук, снимаю колчан, тело чувствует себя значительно удобнее, не мешает лишняя ноша. Взгляд падает на рюкзак, на врагов, на рюкзак, на врагов. Оцениваю, через сколько секунд придется уворачиваться от рассекающих воздух бит. Вроде успеваю.

Ноги в два длинных прыжка приносят меня к рюкзаку, залажу внутрь. В правой руке появляется складная дубинка, левая, до рези в ладони, сжимает рукоять ножа. Ну, давайте! Расставляю ноги на ширину плеч, сгибаю колени. Руки копируют положение крутых бойцов вроде Блейда или Лю Кенга из мортал комбат. Короче, занял крутую позу, жду очередняра.

Самоуверенность и зашкаливающая самооценка — конечно, хорошо, но спасибо голове, что вовремя включилась. Проще же гасить их по одному, не так ли? Может не будем ждать свистящий танец бит вокруг головы? Сами начнем? Окей.

Кидаюсь к одиночке справа. Приближаюсь, заваливаю корпус назад, глаза провожают битку. Прикладываюсь дубинкой по рукам, удар сопровождается глухой тук!. Бита вываливается, катится по земле. Отбитые руки свисают вдоль тела, будто парализованные конечности. Удар в грудь отбрасывает врага на метр. Готов.

Легко, даже слишком. Но, как же круто! Это, как играть с читами: ввел парочку найденных в инете словосочетаний — крушишь монстров с одной подачи. Стебешся. Придумываешь изощренные и эффектные виды убийств, даешь противнику фору, а потом в гневе разваливаешь направо и налево.

Поворачиваюсь к двум другим. Бегут плечом к плечу, заводят биты за спины. По очереди выключить не получится, отступаю под свистящие звуки. С интервалом в секунду отклоняю корпус назад. Промедлю — прилетит.

Трудяги без остановки машут деревяшками, лица искажаются морщинами упорства и прикладываемых усилий. Отступаю по кривой траектории, закладываю непредсказуемые виражи. В какой-то миг один запнулся перед другим, уклоняюсь, протягиваю дубинкой по лицу. Гопник отключился, обтек. Последний тоже долго не продержался, словил лезвие в бедро, дубинка отпечаталась на спине. Выгнулся, как бумеранг, прильнул к земле.

Часто дышу. Разгоняемый адреналином организм гоняет по венам кровь. Отдохнуть не дали. Гудят моторы, открываются сразу четыре гаража. Двенадцать рыл вступают в игру, наберется на целую бейсбольную команду с заменами. Твою мать...

Осматриваю периметр. Количество закрытых гаражей превышает открытые раза в три. Что же будет дальше? Кайф от лайтовой схватки сменяется мандражом, были бы стрелы, половину ушатал бы издалека, а так...

Деваться некуда. Беру пятнадцатисекундный тайм-аут, чтобы отдышаться. По-крепче сжимаю оружие, с криками влетаю в замес.

Шаг назад, уворот, касание ножом, удар... Кувырок, отскок, укол, толчок, пинок... Присед, подшаг, уклонение, пырок, захват... Замах, бросок, блок, пропуск, падение... Поднялся, вытер кровь, резанул по шее, ушел, пропустил, упал на задницу...

Вскакиваю после очередного нокдауна, главное не дать себя окружить. Левая рука больше не воюет, только и успевает блокировать падающие на голову удары. Нож валяется где-то на земле, кажется, что потерял его давным-давно, хотя бой, вряд ли, длится больше пяти минут. Рука посинела, каждый следующий стук отбивает мышцы, поднять ее, становится целой проблемой. Развалили к херам часы. Глаза падают на расплюснутый циферблат с погнутыми стрелками, злость заряжает энергией на еще парочку выпадов.

Каждая отлетающая от дубинки голова вызывает улыбку на кровоточащих губах. Кончаются, суки... Кончаются!

Рукавом куртки вытираю ползущую со лба кровь. Рассматриваю перед собой трех беснующихся уродов, понимаю, что шанс выбраться из передраги живым все-таки есть. Жертвую левой рукой, которая итак уже избита до костей, прикрываюсь, будто щитом, иду в наступление. Глаза красным не светятся, но разрываемый на части злостью и обидой джебошу козлов, три-четыре маха разбрасывают гопников по бетону. Оборачиваюсь, тел в вертикальном положении не вижу. Сгибаюсь дугой.

Цех шумит стонами. Пытаюсь втянуть в легкие воздух — не выходит, их будто вакуумом сжало. Попытки сопровождаются хрипами, откашливанием мокроты. Выдохся.

Дж-ж-ж-ж-ж-ж-ж — звук электромоторов поднимает волосы на затылке, холодящий страх сковывает мышцы. Зажмуриваю глаза. Не хочется даже смотреть, что меня ждет на этот раз. Дайте передохнуть, сволочи!

В какой-то миг показалось, что парочка пропущенных в голову повредила мозг. Раздражающее жужжание электромоторов лезет в уши со всех сторон, ранит боевой дух не меньше, чем бейсбольные биты.

Разгибаюсь, открываю глаза. Не показалось... Двери гаражей открываются слева, справа, спереди и сзади. Их. Восемь. Штук.

Количество ног, которое вижу сквозь увеличивающиеся щели, дизморалит, наводит панику. Двадцать четыре головы думают о том, как бы сделать из меня отбивную. Полные сил руки сжимают биты, ноги топчутся в ожидании.

Эти неписи оказываются более терпеливыми. Дожидаются, пока гаражи откроются полностью, идут шагом.

Майкой вытираю лицо. Остается кровавое пятно вперемишку с потом. Проверяю левую руку, синяя конечность бьет тревогу ноющей болью, ни на что не годится.

Дж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж.

Гопники прошли четверть пути, когда электромоторы убили во мне последнюю щепотку мужества и желания сражаться. Открываются остальные двери. Все. Подступивший к горлу ком и судорожные моргания мешаю сосчитать, сколько их. На вскидку — еще штук пятнадцать. Похоже, это конец.

Что за дерьмо?! Ну правда! Это же нереально! Кто вообще придумал такое?! Уровень должен быть проходимым, иначе какой смысл? По классике жанра сейчас перед ними должен обвалиться пол, или с потолка спустится Росомаха, и мы на двоих раскатаем эту орду. Ну или я должен апнуть левел и бахнуть на триста шестьдесят испепеляющим кольцом. Или... Или скушать антиспиды...

Рука ползет в карман. Капсула пострадала, сплющилась одна из половинок, но главное — герметичность не нарушена. Пальцы несут неведомую хрень ко рту, зажимаю в передних зубах.

Оглядываюсь по сторонам в поисках ножа. Хотя, нахер он мне? Хорошо, если левая рука удержит стакан воды. Какой нож, о чем, ты? Но есть же еще хилка, может заточить ее, а уже потом пилюлю с сюрпризом? Нет. Хилку оставлю прозапас.

Пока решал, что да как, фанатский сектор полностью вышел на поле. Человек семьдесят-восемьдесят прут на однорукого бандита. Идут средним темпом, мотивирующие речевки не кричат, шарфов в цветах любимого клуба не несут. Только биты и целеустремленные глаза.

Глотаю, когда первые ряды подошли на расстояние в двадцать метров, капсула с трудом пробирается по пересохшему горлу, подталкиваю густой слюной. Упала.

По конечностям пробегает уже привычный импульс. Что хилка, что красная пилюля, что эта — ощущения примерно одинаковые, плюс-минус. Отличительной особенностью последней стал холод в голове, словно в черепашку влили черпак жидкого азота. Чувствую, как сжимается мозг, трещит башка.

Через секунду боль отступает. Окружающие объекты, стены цехов, пол и даже собственные руки окрасились оранжевым цветом, как будто на сетчатку наложили фильтр. Затихли шаги врагов и похлопывания битами, уши целиком и полностью заполняют удары собственного сердца. Та — ..... - дам, поднимаю голову, вращаюсь вокруг своей оси, та — ..... - дам, гопники замерли, но не полностью, двигаются, будто в слоу мо, та — ..... - дам. Сердце замедлилось раз в пять.

Понятно. Антиспиды замедляют время, либо ускоряют меня — не важно. Важно, что кромсать нужно неписей, пока действует. Поехали!

Бегу вдоль первого ряда, правая рука, словно станок, машет дубинкой. Представляю себя в качестве волшебной феи, порхаю вдоль приклонивших головы слуг, благословляю их прикосновениями волшебной палочки. Только вместо божественного света и хорошего настроения, чуваки получают глубокие нокауты, сотрясы и черепно-мозговые.

Я очень быстр. Очень! Бью первого, тот начинает падение, его корпус отклоняется на сорок пять градусов, а я в это время прикладываюсь уже к башке шестого.

Прошелся по первому ряду, остановился. Это нужно видеть. Зрелище потрясает. Кольца врагов, тех, кто еще может сражаться, изгибаются эллипсами, теряют упругость правильных кругов, мнутся, как пробитое колесо. Все дело в их запоздалой реакции. Мозг, или что там у них, посылает сообщение о моем местоположении, ноги несут к цели, но сделав всего один шаг, вводные меняются, потому что я оказываюсь в совершенно другом месте. Запускается новый алгоритм и все повторяется.

Представляю себя черной дырой, которая сотнями миллионов лет вращается вокруг центра своей галактики и влияет на движение соседствующих планет и звезд. Небесные тела двигаются по своим орбитам, с искажением на чудовищную силу притяжения черного пожирателя. Течение времени — одна из самых загадочных и интересных вещей нашего бытия, ттзер позволяет с ним поиграть. Кайф! Такое специально захочешь — хрен придумаешь...

Сделал второй круг, зашел на следующий. Заканчивал отбивать ритмичный барабанный бой о пустые головы неписей на третьем кругу, когда время начало ускоряться.

Биение сердца участилось в два раза. Насыщенный оранжевый оттенок в глазах тускнеет. Гопники шагают увереннее, круги замыкаются быстрее. Включаюсь на полную, но времени уходит больше. Враги шевелятся, самые проворные даже пытаются ударить, машут битами на ход. Приходится уклоняться, обходить вырвавшихся из строя.

Вскоре разница во времени упала до минимума. Сравнить ее можно, с разницей в скорости трезвого и наваленного человека. Использую каждую оставшуюся секунду. Бью и бью!

Их оставалось человек десять, когда преимущество растворилось. Напоследок успеваю пробить плечом дыру в смыкающемся кольце. Отступаю, перепрыгивая, через тела неписей.

Мужики ринулись за мной. Пришлось убегать, развернувшись спиной, чтобы растянуть их. И снова: удар... отскок... падение... подъем... падение... кувырок... падение...

Не знаю сколько длилось вся эта хрень, но в какой-то момент сил в правой руке осталось так мало, что даже удары в голову не валили неписей на землю. Их осталось трое.

Что может быть проще, чем размотать троих самых простых мобов? Хорошенько замахнулся, протянул дубинкой на уровне колен — сломал ноги, порвал сухожилия, срезал, как молодую траву. Но силы покинули.

Загоняют в угол. Спина врезается в стену, выставляю ногу. Посыпались удары по голени, колену, бедру. Я даже не отбиваюсь. Подставил ногу, чтобы подкопить сил. Терпения хватило секунд на пятнадцать, тройка кузнецов знает свое дело, нога превращается в одну сплошную гематому.

Закусываю губу. Хрен я на вас хилку потрачу! Не дождетесь! Вкус крови раззадоривает, раскрываюсь, пру, как камикадзе. Прилетает в лоб, пропускаю в бокатину, проседаю от удара в колено. Уши застилает звон. Иду в размен, колочу в ответ.

Двое упали и больше встанут. Голова идет кругом, глаза застилает сползающая со лба кровь. Бита вколачивается в плечо, а через секунду бьет в кадык. Бот лупит по телу, но я уже не чувствую боли, не уклоняюсь. Происходящее сводится к единственной цели: собрать силы в правой руке и один раз ударить. Всего. Один. Раз.

Дубинка не долетела пяти сантиметров до переносицы непися, когда у левого уха раздался треск биты. Повело в сторону, лежу на земле...

.....

И кому, вообще, мог понадобится такой ангар? Здоровенная коробка, где можно занывать круизный лайнер. Внутри нет станков, производственного оборудования, бункеров или какой-либо техники. Скорее всего, цех не используется и как склад, потому что расположен неудобно. Не заметил поблизости транспортных подъездов, под потолком не висит мостовой кран. Цех даже не может похвастаться воротами, через которые, его смогут чем-нибудь наполнить. Похоже, разработчики или дизайнеры чутка оплошали, не стали вникать в подробности, просто бахнули коробку, куда поместится сотня замороженных ботов.

Почему меня никто не бьет? Удары стали уже чем-то неотъемлемым, а сейчас так умиротворенно и тихо. Не раздражают даже расплывчатые пиксели, не парит головная боль. Спокойно.

Постепенно выхожу из астрала. Стены ангара вновь становятся материальными, шершавый бетон въедается острыми крупцами в щеку и лоб. Переворачиваюсь на спину, поднимаюсь на локтях.

Последний непись лежит напротив. Лицо искривилось гримасой боли, нос лежит на боку, пустые глаза пялятся в потолок. Значит я все-таки успел ударить, это меня и спасло. Но я не чувствую удовлетворения, а скорее, даже виню себя. Положился на случай, пожалел хилку, когда она точно нужна была. Представляю, что случилось, если бы мой удар не оказался фатальным, гопник стоял бы надо мной и монотонно долбил битой обездвиженное тело. Навряд ли в его запрограммированном мозгу родилась бы эмоция жалости или проснулась честность и сообщила, что лежащих не бьют. Руки, сжимающие биту, раз за разом долбили бы деревяхой в голову, пока тизер не сообщил ему, что я скопытился. Обещаю себе в следующий раз не жадничать. Полагаясь на случай, можно конкретно встрять.

Руки отталкиваются от пола, сажусь на задницу. Тела исчезают. От общего количества осталась примерно половина, некоторые растворяются прямо на глазах, расщепляются на молекулы и исчезают, словно зависший у костра дым. На земле валяются биты —

единственное напоминание о орде беснующихся бейсболистов. Пройдет еще десять минут, исчезнут последние тела, потускнеют следы алой крови. Площадка цеха будет похожа на волшебное место, где прошел дождь из деревянных палок.

Встаю. Тело — один сплошной синяк. Лезу в карман за хилкой, закидываю в рот. Разряд! Восстанавливаются ткани, оживают мертвые клетки, мутная голова очищается от нависшего тумана войны, улетучивается боль. Хорошо.

Пробегаю взглядом по периметру, нахожу выход — в одном из гаражей вижу сквозной проход, остальные заканчиваются тупиком. Подбираю свое добро, пакую рюкзак. Нахожу стрелы, лежат на тусклых кровавых пятнах, наполняю колчан. Лутать нечего. Иду к выходу.

В гараже лежит туристический чемодан с двумя колесиками. Жужжит молния, откидываю карман. Ключ, наколенники, военная каска, банка энергетика, хилка, пилюля с оранжевой точкой, стеклянная колбочка с коричневой жидкостью, похожа на банку йода, и какая-то прикольная херовина.

Херовина заинтересовала больше всего. С первого взгляда подумал, что держу в руках украшение, но что-то подсказывает, что это не так. Катаю круглую пуговицу или брошь диаметром с пятирублевую монету на ладони. В центре сидит идеально отшлифованный камень желтого цвета, обратная сторона — плоская. Пуговка гораздо тяжелее, чем может показаться. Фиговина, которую можно спрятать между двумя пальцами весит с полкило. Очень странно.

Камень поражает красотой. Заглядываю внутрь и не вижу дна. Малюсенький бездонный колодец играет бликами в свете ламп, не дает отвести от себя глаз. Инструкции по применению в чемодане не нашел. Пытаюсь довериться интуиции, посылает меня в задницу. Голову не посещает ни одна здравая идея, для чего эта фиговина может сгодиться. Мойша же, скрывая алчную улыбку, потирает ручонки, фантазирует, сколько бабла за нее можно поднять.

Застегиваю наколенники. В условиях постоянного валяния на полу — очень полезная штука. Напяливаю на голову каску, но сомневаюсь, что это хорошее решение. Все-таки позиционирую себя как лучник, а лишний килограмм на голове снижает маневренность, уменьшает обзор. Ладно, погоняю, может привыкну. К тому же, сотня бейсболистов не считалась с тем, что я возомнил себя лучником. Час назад отдал бы за каску почку.

Рассматриваю пузырек. Болтаю. Коричневая жидкость цепляется за стенки, сползает, оставляя пленку. Баночку оборачивает этикетка — белый прямоугольник, чистый, как простыня. Отвинчиваю. Играющий ноздрями шнобель ползет к горлышку, вдыхаю пары, передергивает, как от нашатыря. Бр-р-р... Банка прячется в рюкзаке.

Очередь дошла до пилюли — стандартного вида капсула, но с оранжевой точкой. Цвет — тот же, что видел на антиспидах, но точка... Встречал пилюли с одной полоской, с двумя, но с точками еще не видел. Кладу в карман.

Дверь. Ключ. Замочная скважина. Ручка.

Свежий воздух оказывается очень кстати после замкнутого помещения с сотней мужиков. За спиной хлопает дверь, рассматриваю перед собой цех с цифрой 5.

Вечереет. Усаживаюсь на ступеньку, достаю банку энергетика. Кольцо проламывает горлышко, газы рвутся на свободу. Делаю пару глотков, размышляю о том, что же из себя может представлять этот Иван?

Глава 13. Иван

Сижу уже двадцать минут, собираюсь с мыслями. Если за мной объявили охоту, то уходить лучше ночью, после одиннадцати ознакомительная локация вымрет, станет относительно безопасно.

Не тороплюсь. Сцеживаю последние капли энергетика, жестяная банка расплющивается, отлетает в сторону. Снимаю расфигаченные часы, швыряю следом. Сломали один из самых полезных итемов. Жаль...

Проверил крепление колчана, затянул шнурки. Рука хватает рюкзак, на плечи не вешаю, каждый бой начинается с того, что трачу драгоценное время, чтобы скинуть его на пол.

Тяну дверь. Вхожу.

Осматриваю уже привычное помещение. Потолок висит на расстоянии десяти метров над головой, люминесцентные лампы разливают желтый свет. Повсюду беспорядочно валяются транспортные контейнеры, большая часть из них открыта. Внутри ничего не разглядеть — темно.

Ток-ток-ток — что-то стучит, похоже на шарик для пинг-понга. Звук доносится из противоположной стороны цеха. Затихает.

Кладу рюкзак у входа, приготавливаю лук к стрельбе. Контейнеры служат хорошим укрытием, оставляю один за спиной, прижимаюсь к следующему.

Ток-ток-ток.

Трусь плечами о рельефную стенку, заворачиваю за угол. Торец контейнера встречает открытыми воротами, любопытство преобладает над страхом, пролажу внутрь. Секунд через двадцать глаза привыкают к темноте, различаю очертания поддонов. На деревянных опорах лежит плитка, похожа на ту, что кладут на кухню или в санузел, нóшу обмотали полиэтиленом. Поддоны стоят по обе стороны, тунельчик на ширину человеческого тела ведет вглубь.

Трицепс подергивается нервными судорогами, устал держать тетиву, но ослаблять — страшно. Коридорчик длиной десять метров заканчивается пустой нишей — метр на два. На полу лежит чемодан, ощупываю: пластиковый с утопленной в корпус ручкой. Пальцы скользят по закругленным краям, цепляются за ребра жесткости, похож на футляр для дрели или перфоратора. Кладу на землю лук, руки тянутся к пластмассовым защелкам.

Клэп! Клэп! — металлические стены отзываются эхом.

Ток-ток-ток, ток-ток-ток, ток-ток-ток, — шарик для пинг-понга засуетился.

Дожидаюсь, пока стихнет, откидываю крышку чемодана. Среди пенопластовых шариков нахожу два цилиндра, визуально похожи на сигары. Поднимаю. Оболочка — прессованная бумага или картон, одна сторона заканчивается металлическим набалдашником. Покрутил перед носом, но так и не понял, что держу в руках — не хватает света. Закидываю в карман, иду к выходу. Торчащая из кармана дубинка бьется о ворота, гудит металл.

Ток-ток-ток, ток-ток-ток.

Замираю, неведомая фигня цокает совсем близко. Во рту скапливается слюна — не глотаю, затекает опорная нога — терплю.

Напоминает охоту. Только вот, карты сами по себе сложились так, что жертва, скорее, я, чем он. Кем и в какой момент это определяется? Почему Я боюсь, а он — нет? Тизер

обладает инфой о величине яиц? Да, пошел ты! Сам бойся! Пинаю ногой ворота, с грохотом вываливаюсь из контейнера.

Ток-ток-ток, ток-ток-ток.

Цокает совсем рядом, метрах в пяти, но никого не вижу. Что за...?! Воздух в том месте, откуда раздается шум, рябит, будто испаряется бензин. Искажающееся пятно висит на высоте полутора метров.

Наконечник стрелы смотрит в витающий мираж. Не могу избавиться от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Трещит древко лука, я конкретно напрягся, накину на стрелу еще пару килограмм, и лопнет тетива. Осознаю это, но ослабить не могу, страх парализовал, все стало таким напряженным, что хочется вскрикнуть. Потеют ладони, лоб. Капелька пота просачивается сквозь заросли бровей, скатывается на ресничку, оборонительный рефлекс на долю секунды захлопывает веки. Моргаю.

Открываю глаза и вздрагиваю от того, что мираж уплыл на метр влево, мокрые пальцы теряют тетиву, стрела уносится со сверхзвуковой скоростью, дырявит контейнер напротив.

Мираж дернулся... Сто пудово! Глаза не могут врать. Расплывчатый образ смахивает на человека или какого-то зверя. Может что-то додумывает фантазия, но отчетливо вижу силуэт: плечи, голова. Он оборачивается, будто смотрит на продырявленный контейнер.

Отправляю левую руку за еще одной стрелой. Пальцы замешкались, стук дерева прерывает напряженную тишину, мираж реагирует на звук...

Ток-ток-ток.

Пятно растворяется, а через долю секунды рябит в метре от меня. Я даже дернуться не успел, в грудь прилетел удар. Не жалкий толчок битой, и даже не пинок Скока, в меня будто влетело пушечное ядро. Отнесло на три метра, но пролетел бы все десять, если бы полет не остановил металлопрофиль. Спина впечаталась в стену контейнера, показалось, что грохот мнущегося металла услышит вся ознакомительная локация. Съехал на задницу, чувствую, как что-то теплое бежит по затылку. Мираж испарился.

Тяну в легкие воздух. Вместо полного мужского вдоха на четыре литра, со свистом впихиваю дозу новорожденного ребенка, внутри все горит.

Ток-ток-ток — обогнул контейнер, стучит за спиной.

Сидя на заднице, задыхаясь и покашливая, заряжаю стрелу.

Ток-ток-ток — обходит слева, сейчас покажется.

Навожу. Воздух едва уловимо искажается. Спуск! Стрела летит прямо в газовое облако, в последний миг цокающая хрень исчезает.

Ток-ток-ток — склоняется надо мной, замирает.

Этого хватает, чтобы рассмотреть руки, ноги, голову и бурлящие испарениями глаза. Человекоподобная хрень подхватывает меня за грудки и вышвыривает в воздух, как отец новорожденного ребенка.

Мое дохленькое тело, словно по воле вездесущих сил, взлетает под потолок, зависает в пиковой точке. Если бы бросил чуть сильнее, я бы коснулся лампы. Но высоты хватило, чтобы разглядеть заводскую маркировку мощности — тридцать Ватт.

Потрясающее ощущение полета обламывает сила притяжения. Моя тушка, стремительно набирая скорость, летит вниз.

БУМ!

От мгновенной смерти спас контейнер. Приземлился я на бетон вместо крыши — глаза открыл бы уже в незнакомой квартире. Внутри все заклинило, рука ползет за хилкой. Мозгу

не хватает кислорода, извилины передают битые команды. В цепи: мозг-нервная система-мышцы наблюдаются пакет-лоссы.

Через двадцать секунд в результате десятков лишних и неправильных действий, пилюля оказывается во рту. Осталось как-то изловчиться, чтобы проглотить. Есть! Исцеляющая волна пробегает по телу, вдыхаю полной грудью, замираю.

Ток-ток-ток — цокает под правой рукой.

Восстанавливаю дыхание, аккуратно проверяю карманы. Что по оружию? Лук упорхнул, когда левитировал у потолка, на поясе висит нож, спиной чувствую в колчане парочку стрел. Вспоминаю про оранжевую пилюлю и кубинскую сигару, что нашел в контейнере, подношу цилиндр к глазам.

Ток-ток-ток — теперь цокает слева. Похоже, сгусток злобного дерьма, знает, где я.

На трубке из прессованной бумаги коричневого цвета читаю ничего не значащие для меня символы: 4МКр-40ТВ, какая-то армейская фиговина — стопудово. Откручиваю железный набалдашник, под ним прячется терочный воспламенитель малинового цвета, как на петардах. Похоже на дымовую шашку или сигнальный фаер.

БУМ! Контейнер весом в пару тонн уехал на три метра в сторону, ощущение, будто в него со всей дури врезался погрузчик или трактор. Я едва удержался.

Ток-ток-ток — цокот удаляется.

БУМ! Металлические опоры прорезают канавки в бетоне, скрип царапает перепонки. Контейнер почти вплотную припарковался к стоящему рядом, правая сторона прогнулась внутрь, наклонилась крыша. Ползу к левому бортику, цепляюсь за край.

Ток-ток-ток — снова разгоняется.

Вовремя соображаю, отпускаю пальцы. БУУУМ! Стенки контейнеров ударились друг с друга с силой гидравлического пресса. Меня подбрасывает вверх. Промедли я хоть на секунду, расплющенные фаланги пальцев остались бы между контейнерами.

Падаю. Тело гасит удар о металл, скатываюсь на землю. Не позволяю себе не секунды на нытье и растирание отбитых конечностей. Отчаяние требует поджечь шашку. Совмещаю терочную головку с черкашом на резьбовой крышке, чиркаю.

Ток-ток-ток — топчется рядом.

Шашка отреагировала на вторую попытку. Зашипела, высвобождая сначала тонкую струю пламени под давлением, а через секунду притихла и начала изрыгать густой красный дым, плотный, словно от горячей ели.

Ток-ток-ток — ломится на шум.

Густая краснота в считанные секунды заполнила пространство передо мной. Отчетливо вижу силуэт, врывающийся в дым: мужской торс, среднее телосложение. Прет на меня, но если раньше казалось, что исчезает в одном месте и появляется в другом, то сквозь дым видно, что бежит, но очень быстро. Оказывается рядом, успеваю выставить перед собой руки. Из дыма вырисовывается очертание ноги, врезается мне в лицо.

Чувствую, как ступни отрываются от пола, улетает голова, за ней — тело. Моргаю. В глазах пляшут солнечные блики, лежу на полу. На долю секунды даже забыл, где я... Отрезвляет боль в голове и горящее лицо. Болит нос, язык пробует вкус красной.

Силуэт замирает в дыму, дергается. Его будто скрутило приступом кашля, но не издает не единого звука. Быстрым шагом, скрывается за контейнером.

Ток-ток-ток.

Шашка выплевывает целые облака красного дыма. Приподнимаю голову, не вижу

дальше двух-трех метров, обзор закрывает густая бурлящая стена.

Накатывает пульсирующая боль в висках, проверяю нос. Пальцы отскакивают от заваленного на бок хряща, словно от горячего утюга — болит до рези в глазах. Попытки втянуть носом воздух заканчиваются хлюпающими звуками крови. Кружится голова, понимаю, что лишился права на ошибку. Еще один таран не переживу.

Ток-ток-ток.

Хренотень врывается в дымовую завесу, облака разлетаются в стороны, худые длинные руки прогрызают ход. С каждым шагом существо замедляется, пока не останавливается полностью, скручивается, как в приступе кашля, отступает.

Сажусь на задницу. Напор дыма из шашки уменьшился вдвое, достаю следующую. Интуитивно становится понятно, как грохнуть гребанную невидимку.

Ток-ток-ток — слышу позади.

Ток-ток-ток — слева.

Ток-ток-ток — в противоположной стороне.

Сученыш ищет путь.

Поджигаю вторую шашку, вытягиваю вперед, погружаюсь в красный дым. Чувствую небольшой привкус гари и горения синтетических веществ, но не больше. Дышать можно, смотреть тоже.

Сколько времени горела первая? Сложно сказать — дезориентировал пропущенный апперкот. Какое-то время провалился без сознания или сразу поднялся? С поправкой прикидываю, что сдержу монстра минут пять, дальше — нужен план.

Вырывающийся из сопла красный джин метр за метром отвоевывает мне территорию. Оставляю шашку дымить у входа в один из контейнеров, просачиваюсь внутрь. Плечи цепляются за поддоны, ноги несут в конец. Клэп! Клэп! — откидываю крышку армейского чемодана, среди поролоновых шариков нахожу еще две шашки.

Ток-ток-ток — цокает далеко.

Высовываюсь из контейнера. Надымил так, что вокруг ничего не разглядеть. Дым почти не развеивается, стелется на уровне человеческого роста. Сейчас я тебя загоню, сука! Поджигаю первую, бросаю направо, вторую — влево, поднимаю ту, что у ног, чешу к следующему контейнеру.

Минут через десять помещение цеха смахивает на андеграунд клуб, где проходит колорфест в красном цвете. Одновременно шипят сразу пять фаеров, выпускают облака дыма, наполняют цех. Видимость снизилась до трех метров, пришлось побиться головой о случайные контейнеры, чтобы отыскать лук. При падении не пострадал. Рука для проверки оттягивает тетиву, скрип древко успокаивает, напоминает о уже убитых врагах, прибавляет уверенности.

Ток-ток-ток — цокает в дальнем углу, примерно в одном и том же месте. Похоже, дымовые шашки заперли его.

В целом, понял задумку разработчиков: невидимая хрень с силой Геракла и скоростью гоночного болида кончит игрока из ознакомительной локации с одного, а если повезет, то с двух ударов. Не будь у нее слабых сторон, рейды превратились бы в банальный подсчет количества убитых. Вряд ли рейд босс получил бы повреждений больше, чем: испарина на лбу; усталость в ногах; или царапина от случайного столкновения с контейнером. Голова вовремя сообразила, что как бы тебя не шпуняли, выход должен быть, и я его нашел: невидимку можно отзонить дымом, а для дополнительного удобства, она цокает, выдавая

свое местоположение, в ответ на любой твой шум.

Пока ходил по цеху и распылял газ, словно дезинсектор, наступил на стрелу. Поднял, закинул в колчан, на ощупь подбил кассу — четыре. Каждой из них придумал предназначение: случайная в ногу, отрезвляющая в живот, контрольная в грудь и карающая в шею.

Поджигаю еще одну шашку,ставляю вперед, словно керосиновый фонарь. Рвущийся из шашки дым не кажется таким густым и красным на фоне общей туманности. Шаг за шагом ноги приближают меня к цокающему углу. Страшно, но специально топаю.

Ток-ток-ток... ток-ток... — позывной звучит не так уверенно, как раньше. Хрень, что издает этот странный звук словно сбилась с темпа, алгоритм игры первым номером сменяется погоней за лидером.

Очертания загнанного в угол существа заметил слишком неожиданно. Шашка выпала из рук, в суматохе заряжаю стрелу. Учитывая скорость невидимки, моей оплошности хватило бы, чтобы размазать меня по бетону, и оббежать цех по периметру раз десять, но он стоит на месте. Вжался спиной в стену и иногда припадочно подергивается. В какой-то момент его даже становится жалко, но адская боль в сломанном носе и растущая опухоль под глазами сводят жалость на нет. Заряжаю.

Ток-ток — скрип тетивы привлекает его внимание, дергается.

Отпускаю. Стрела летит прямо в центр. Страдающий удушьем уродец смещается вправо, оглядывается на оставшуюся в бетоне ямку от снаряда. Это нереально. Он уклонился так просто, будто взрослый человек уклоняется от броска ребенка. Моя попытка даже не пахла угрозой, ублюдок просто проигнорировал меня. Красный дым беспокоит его куда больше, чем мои жалкие попытки.

Какой-то смельчак внутри меня заикнулся о том, чтобы попробовать пырнуть его ножом, но все остальные тут же предоставили миллион аргументов, почему этого делать не стоит. Основным был тот, что если приблизимся на расстояние удара, то расплывчатое пятно обязательно лягнет нас с силой в пару десятков лошадей. Невидимка быстрее, его нужно перехитрить, либо уравнивать шансы. Еще больше дыма? Да куда уже больше...

Вспоминаю про пилюлю. За прохождение четвертого цеха наградили капсулой с оранжевой точкой. Достая, закидываю в рот. Красный дым перекрасился в оранжевый, шипение разбросанных шашек сменилось глубокими ударами собственного сердца. Невидимка перестал рябить, движения стали плавными, теперь он похож на человека, которому стало дурно. Бьет жар, сводят судороги.

Заряжаю стрелу. Пуск! Успеваю заметить, как распрямляется тетива, выталкивает снаряд, концевик отстыковывается от веревки, потрясывается наконечник, палочка летит к цели. С моей точки зрения, ее скорость можно сравнить со скоростью полета комара. В обычных условиях, максимум, что удалось бы заметить — блик оперения.

Стрела пролетела три из десяти метров, когда существо дернулось вправо. Мираж смещается в сторону, времени достаточно, чтобы уйти от опасности. Заряжаю еще одну, прицеливаюсь на ход. Спуск! Выпрямляется тетива, стрела отстыковывается. Уродец замечает и это, рывок уводит невидимое тело еще правее. Прикидываю, что вторая тоже не достигнет цели, заряжаю третью.

Первой осталось не больше метра, когда спустил последнюю. Стрелы настигают невидимку волной. Он словно серфер, из последних сил укатывается дальше, чтобы не оказаться погребенным тоннами воды. Проверяю траекторию: третья летит туда, куда надо,

попадет прямо в яблочко. Но невидимка прогибается и проталкивает себя еще дальше, его попытка похожа на прыжок перед неизбежным падением, и кажется, ублюдку хватает скорости, чтобы уйти. Колчан опустел, не хватило одной стрелы, всего одной...

Оранжевый оттенок тускнеет, учащается сердце. Просрал я свой шанс... Или нет? Приседаю, носки ботинок срывают рыхлый слой бетона, толчок! Тело, нарушая законы времени, рвется вперед. Очень быстро, быстрее, чем стрела, настигаю ее в пяти метрах от стены, рука гасит набранный импульс, трение жжет ладонь. Оранжевый оттенок почти полностью растворился, осталась лишь едва заметная дымка, возвращается шум дымовых шашек ускоряется сердце. Заряжаю. Спуск!

Старт стрелы уже не разглядел. Срывается с места вместе с исчезновением эффекта замедления времени, врезается в газовое пятно со звуком, будто ножом рубанули арбуз.

Стрела словно застряла в воздухе, а какой-то иллюзионист управляет ей. Вот она наклоняется вправо, затем возвращается на исходную, а после чего начинает безвозвратно опускаться к земле, как будто магия фокусника теряет свои силы. Из стрелы начинает сочиться кровь, большими крупными гроздьями прет, как из портала в параллельный мир, стекает вниз. Теперь она играет роль заливки, словно инструмент в паинте или фотошопе, что закрашивает выбранные области. Секунд через пять вырисовывается шея, закрашивается правое плечо, ключица, грудь.

Существо бьется в судорогах, окружающий ее газ развеивается, проявляются руки, ноги, лицо — это человек. Или очень похож: вытянутое худое лицо, впавшие глаза, гримаса ненависти. Не моргая, пялится на меня, нос и лоб собираются складками.

От человека отличают длинные руки, почти до колена и пузыри вместо ушей — кожаные мешки с жидкостью внутри, похожи на пузыри после серьезных ожогов. Белые волосы и красная повязка подтверждают мои догадки — это тот самый Иван. Я выполнил второй квест.

Ток-ток — белые каблук на черных ботинках отбивают предсмертный цокот. Закрывает глаза.

А теперь стало интересно, что за история у этого чувака. Где-то в закоулках памяти вспоминаю обрывки истории продавца. Рассказывал про парня, который имел феноменальный слух, но по воле случая стал жертвой врачебных экспериментов. Долгое время его пичкали экспериментальными препаратами, в результате чего обнаружился странный побочный эффект. Мутировала кожа, получила странную способность — выделять маскирующие пары. Группа ученых уже подумывала о том, что разобрать парнишку на запчасти ради науки, но он умудрился бежать. Обрел свободу, нашел умиротворение в тихом городке, все должно было закончиться хеппи эндом, но доконала безответная любовь... Девчонка свела его с ума, в приступе отчаяния он убил ее бойфренда, или что-то вроде того, больше ничего не помню. Даю себе обещание: впредь внимательно слушать о таких вещах. Не убьет квестовый моб, так заживо сожрет любопытство. Эх...

Снимаю с головы повязку, лутаю. Дожидаюсь, пока растворятся остатки дыма, проверяю цех. Рюкзак пополняется красной пилулей, парочкой дымовых шашек, двумя хилками и красной повязкой Ивана. Выхожу.

.....

Небо почернело, показалась россыпь желтых звездочек. В ознакомительной локации и днем то не особо шумно, но с заходом солнца тишина стала глубокой и всепоглощающей.

Прохожу КПП, слева остается столик — штаб-квартира охраны. Двое, составив стулья

отдыхают, еще один курит.

— Эй! — зовет пацан лет девятнадцати.

— Что?

— Э-э-э, подожди, — оглядывается на спящих. — Ты... это...

— Ну что?! — раздражает пустая болтовня.

— Никит! — кричит за спину. — Ща, подожди...

— Не понял.

— Да тут это..., - мнется, смотрит на шевелящегося коллегу. — Никита! Тут это... игрок из завода вышел.

— И что, бля!? — мужик расчехляет глаза.

— Ну, ты посмотри... тут это...

Пацан нервничает, выдает себя несвязной речью. Что-то подсказывает, что нужно валить, отступая короткими шагами.

— погоди! — тянет руку, преследует. — Никита, бля!

Секунд через пять подключился второй. Разошлись на расстояние вытянутых рук, прижимают к близстоящему зданию.

— Покажи билет, пожалуйста, — бас Никиты пытается скрыть тревогу. — Нам нужно кое-что проверить.

Лезу во внутренний карман, несколько выигранных секунд позволяют собраться с силами, чтобы рвануть с места. Охранники бросаются следом с криками держи его. Подстегиваемые страхом ботинки звонко отлетают от асфальта, унося за собой тело.

Погоня продолжалась не больше пяти минут. Парни в хорошей физической форме не догнали меня, потому что были менее мотивированы. Им это стоило бы пяти пилюль — очень неплохое вознаграждение от Скока, но я мог лишиться большего: подарить лут, запороть квест и получить недельный бан за экстренный выход.

Ушел от погони, занявшись в одном из подъездов. Сажу на площадке между третьим и четвертым этажами, наблюдаю, как мимо пробегают двое преследователей. Через пару минут еще трое останавливаются в зоне видимости, старший, объясняет что-то остальным, возбужденно жестикулирует. Указательный палец левой руки вытягивается вдоль моего укрытия, правой — в противоположную сторону. Охранники разбредаются.

Сидеть предстоит долго. С удовольствием провел бы это время в своей квартире, где есть еда, вода и сыплющий идеями бизнесмен, но ничего не поделаешь, устраиваюсь поудобнее на ступеньках, спина упирается в стену. Денек выдался не из легких, усталость от сотни отбитых голов в четвертом цехе вместе с парочкой пропущенных от Ивана нагружает веки. Глаза закрываются, проваливаюсь в чуткий сон или, скорее, дрем. Дергаюсь и вскакиваю от любого шума, будь это: пробежавший мимо охранник, ищущий на свою задницу приключений игрок или шуршащая в подъезде крыса.

Разбудил заглянувший в подъезд солнечный луч. Подрываюсь, бросаю взгляд на запястье левой руки и тут же обламываюсь — коробочка с тикающими стрелками осталась где-то на заводе.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, возвышается над стоящей напротив пятиэтажкой, несет не только свет, но и тепло. Протираю заспанные глаза, вспоминаю, как уснул: сидел, вздрагивал от каждого шороха, а потом накрыло. Могу ошибаться, но вроде даже что-то снил.

Пора шевелиться. Спускаюсь, рука провожает дверь, магнит соприкасается с металлом, не издав не звука. Осматриваюсь. Ноги занесли на незнакомую улочку, окружают жилые дома, взгляд упирается в спортивную площадку. Выкрашенные в голубой цвет турники выглядят обшарпанными, на перекладине стерлась краска, хотя я сильно сомневаюсь, что когда-нибудь здесь можно увидеть очередь из прущихся от ЗОЖ игроков. Обстановка выглядит спокойной, разве что пугает искусственная тишина. Спускаюсь с крыльца, чешу в сторону магазина.

За ночь отдохнул и набрался сил, мышцы отзываются готовностью действовать. Физическая форма достигла пиковых значений, кажется, что залезу на перекладину и в легкую подтянусь сотню раз, а это всего лишь ознакомительная локация, чего ждать дальше? Буду плечом бетонные постройки сносить? Прибавилось уверенности в себе. Хочется верить, что с учетом полученного опыта и пары съеденных пиллюль, я даже Скоку смогу что-нибудь предъявить. Шею вряд ли сломаю, но проблем доставлю целый вагон.

Останавливаюсь недалеко от магазина, прилипаю к окулярам бинокля — чисто. Иногда отвлекают пролетающие над крышами голуби и отдаленные хлопки подъездных дверей. Уже настроился заходить, когда заметил игрока, бомж-стайл выдает в нем новичка: короткие шортики, убитые в хлам кроссы и зеленая вязаная кофта с горлом. Пялится по сторонам, щипает собственные кисти, улыбается.

Расфигаченный магазин — лакомый кусочек. Найдется ли во всей локации хоть один игрок, кто прошел мимо? Вряд ли. Объект моих наблюдений не стал исключением, тихонько стучится в висающую на одной петле дверь, нерешительно ступает внутрь.

Пропал минут на пятнадцать, я успел заглянуть в каждое окно близлежащих зданий, всмотреться в лишенные света углы и возможные укрытия. Выходит, что-то бубнит под нос, уверенные шаги несут тело дальше по улице. Вокруг все так же спокойно, если бы за магазином следили, то на посетителя, как-нибудь, да отреагировали.

Стибаюсь, будто лыжник на спуске, мчусь к торговцу. Едва не снес держащуюся на соплях дверь, бросаю на стойку красную повязку:

— Привет. Давай награду!

— Ты сделал это? — глаза мужика округляются, двухметровая дылда умиляется, словно ребенок. — Неужели у тебя получилось?

— Да, да, — ноготь нервно скребт по рукояти лука. — Я очень рад, и все такое, неси награду!

— Ты не представляешь сколько это значит для меня! Он разрушил жизнь моей дочери... Ты свершил правосудие!

— Йоу, мужик! Тащи сраную награду! Нет времени...

— Почему мир так несправедлив? Лучшие уходят первыми, — в глазах собирается влага.

— Твою мать! — кулак с грохотом опускается на торговую стойку. — Быстрее!

— Но нужно идти вперед, — непись будто разговаривает сам с собой, плевал на мои эмоции, по щеке скатывается слеза. — Спасибо. У меня есть кое-что для тебя.

— Неужели...

Открывает шуфлядку, копошится. Передо мной вытягиваются две ладони.

— У тебя есть выбор: пойти по пути стрелы, или стать частью клинка.

В каждой ладони лежит по пилюле. На одной красуется маленькая эмблема лука со стрелой и глаз, на второй — скрещенные мечи.

Беру ту, что ближе душе, не раздумывая, закидываю в рот. Вместо привычного разряда, разливающегося по телу приятной болью, чувствую помутнение. Слезятся глаза, обзор закрывают темные пятна, будто, не отрываясь, смотрел на сварку.

Отпустило также быстро, как и началось, продавец возвращается к уборке, исчезает заплаканное лицо. Хотелось бы расспросить: что за фигню он мне дал? есть ли у него еще работа? не нужен ли дочке новый жених? Но свалить хочется сильнее. Прощаюсь взмахом руки, выхожу.

Запаренный паранойей мозг вспоминает про последнюю оставшуюся пилюлю. Ныкаюсь возле подъезда, роюсь в рюкзаке. В руке появляется банка, капсула с красным ободком скатывается по горлу. За последнюю неделю выпил столько колес, сколько за предыдущий год не пил. Бабушка часто говорила, что нужно избегать этой врачебной дряни, следовать за народной медициной, кушать мед и все такое. Придерживалась мнения, что таблетки снижают природный иммунитет или типо того. Если верить ее теории, то через пару месяцев, я без специальной капсулы сам пописать не схожу...

Тело принимает судорожную волну, становлюсь все сильнее. Это начинает ощущаться во всем: прыгаю выше, бегу быстрее, несу больше, бью мощнее. Изменений в умственного развития пока не заметил, однако, если полагаться на когнитивную нейробиологию, уделяющей особое внимание изучению нейронных основ мыслительных процессов... хе-хе — шутка. Заученная фиговина веселит новых друзей и помогает развязать ротки беловолосым милашкам.

С ознакомительной пора прощаться. Внутренний навигатор строит маршрут к воротам, ставлю отметку заехать на квартиру Макса.

Стремно. Одно дело — бояться перемещаться по улице, опасаясь Скока, и совсем другое — видеть в любом игроке возможного врага. Оглядываясь, чтобы убедиться, что за мной нет хвоста, перемещаюсь от дома к дому, от подъезда к подъезду.

Через двадцать минут ноги несут меня по лестнице вверх. Взлетаю на площадку и не верю своим глазам, на обивке двери появился долгожданный ответ: 18го июня в полдень, второй подъезд третьего дома, что стоит напротив места, куда ходили пати.

Как же я рад их видеть. Макс — красавчик, не поленился даже смску зашифровать.

Итак, полдень. В отсутствии часов полдень — понятие растяжимое, но легко определяемое с помощью солнца. Скорее всего, Макс на это и рассчитывал.

До предполагаемого времени — часа два. Заскочить к Вите? Нет, пожалуй, я не в лучшей ситуации, чтобы по городу разгуливать. Подожду Макса на месте.

Прошел пятиэтажку, завернул во двор, почти пересек баскетбольную площадку, когда в

деревянный щит, прямо над головой, воткнулась стрела.

— Мазила, бля, — послышалось где-то за спиной.

Я не стал рассматривать мазилу, оценивать риски и взвешивать шансы на успех. Мое положение не противоречит единственному правилу — валить от сюда нахер. Включаю спринт и оказываюсь прав, в паре метров пролетает еще один снаряд, за спиной слышу топот.

Дворы — идеальное место, чтобы уйти от погони. Множество объектов, изгибов ландшафта, ответвлений и непредсказуемых поворотов работают на меня. Перепрыгиваю лавку, подныриваю под турником, проскакиваю через кусты, теряюсь в арке.

Первый раз обернулся, когда по моим ощущениям преследователи должны были, оперев руки в бока, сказать что-то типичное, вроде: он ушел или мы его потеряли. Но мое желание не совпало с действительностью, как минимум два чела висят на хвосте, сложно сказать, догоняют ли, но просто так не отцепятся.

Мимо проносятся подъезды и дома, стелются жарким асфальтом внутриквартальные улочки. Оглядываюсь, снижаю на пару секунд скорость, чтобы рассмотреть преследователей. Парни гонят налегке, кроссовки, спортивные штаны и свободные руки имеют однозначное преимущество, перед моим рюкзаком, берцами и негабаритным луком. Вера в спринтерские способности проседает, появляется одышка, боль в ногах.

Мозг еще не успел подумать о том, как отделаться от хвоста, как руки на автомате впрягают стрелу в тетиву. Резко останавливаюсь, будто затянул ручной тормоз, разворачиваюсь с уже взведенной стрелой. Задержать дыхание после такой физической нагрузки, означает — потерять сознание. Трачу две секунды, чтобы хоть немного уgomонить качающийся маятник.

— Осторожно! — кричит тот, что справа, за полсекунды до того, как ушла стрела.

Приседает, прижимается к дому. Наконечник разрывает воздух в месте, где он только что был, уносится далеко вперед. Замираю, снова кидаюсь в бегство. Это не в прямолинейных неписей стрелять, эти дорожат жизнями, по-настоящему хотят тебя уделать, и их больше. Нужно быть хитрее.

Смекалка не заставила себя долго ждать. Скрываюсь за углом дома, вдеваю стрелу, высовываюсь к врагам. Простейший фокус застал их врасплох, один реагирует округлившимися глазами, второй, увлекшись бегом, смотрит на мелькающие перед глазами кеды. Поднимает голову одновременно с выстрелом.

Чувство самосохранения успевает отдать команду на спасение, чел смещается вправо. Пока не понятно, попаду ли, но траектории движения расходятся. Прищуриваю глаза и наклоняю корпус в сторону, так делают, когда играют в гоночные симуляторы. Машиной на экране управляют кнопки, но самые впечатлительные считают своим долгом помочь войти в поворот наклоном корпуса...

В глаза вкрался двадцать пятый кадр. Что за фигня? Я на секунду лишился зрения, а вместо прущих на меня людей посмотрел какое-то секундное слайд-шоу: асфальт, девятиэтажки, темная фигура и расплывчатый пейзаж с красными пятнами. Зрение возвращается.

Пацаны остановились. Стрела пробила грудь, раненый рассматривает торчащее оперение, хлопает глазами. Второй пятится назад, наконечник следующей стрелы уже смотрит в его сторону. Не стреляю, пускай сваливает.

Уже успел подумать о том, что легко отделался от погони, когда услышал шум. Из-за

поворота выскочили еще люди, человек шесть, может больше. Как минимум двое из них поднимают луки, остальные сжимают ножи, дубинки, копья. Через десять секунд они настигают отступающего спринтера. Толпа придает уверенности, и вот он снова ломится вперед под подбадривающие крики команды.

Один из лучников остановился, рука оттягивает тетиву, целится. Перевожу прицел на него, стреляю и, не дожидаясь результата, сваливаю. И снова глючит зрение, мелькаю картинки: улочка, беспорядочно расставленные фигуры, камера очень сильно наезжает на одну из них, просачивается насквозь. Последний слайд показывает продолжение пешеходной дорожки, справа лежит круглый предмет синего цвета. Мяч что ли? Последний слайд снова получился каким-то размазанным, вижу красные потеки и точечные капли. Зрение возвращается.

Полминуты передышки вернули часть сил, а вооруженная банда подкинула адреналинчика в кровь. Организм включается на все сто, бегу со скоростью гепарда, огибаю мусорный бак, перепрыгиваю лавочку.

Впереди улочка разветвляется, до крутого поворота направо остается не больше десяти шагов. Замедляю ход. Меня раздражает любопытство, хочется обернуться, посмотреть попал ли в цель, лишились ли уродцы своего лучника. Замедляюсь до быстрого шага, заворачиваю голову.

Толпа загораживает обзор. Не удастся рассмотреть, куда именно прилетела стрела, но хватает, чтобы увидеть обездвиженное тело на асфальте, а справа от него — синий мяч...

Ноги и руки вернулись к бегу, а мысли остались у убитого лучника. Предпочел бы обдумать случившееся, сидя у потрескивающего камина, с бокальчиком красного, рассматривая ползущие по комнате дымовые кольца, но хотеть не вредно. Пазл сложился даже не смотря на колотящий по спине рюкзак, заживо сгорающие от жары ступни, ползущий по лицу пот и пулеметный бой сердца. Я. Могу. Видеть. Как. Летит. Стрела. Охренеть!

Моей прыти хватило ненадолго. Ору себе, что должен бежать, но мышцы не слушают. Сколько я еще выдержу такой темп? Десять минут? Пять? Минуту? Оглядываюсь. Ё-маё! Толпа разрослась, причем увеличилась раза в два. Вся эта история напоминает мне травлю школьников сломавшегося лоха. Цирк устроили два-три самых матерых хулигана, а по ходу дела к ним подключается едва ли не вся школа. Даже самые примерные и тихие включаются в звериный забег, чтобы полакомиться крошками, повышающими самооценку. Здесь и сейчас их совершенно не парит то, что завтра они могут оказаться на месте лоха.

— Гони его! Это он! Держи суку!

Я не убегу. Придумываю новый план, ну как план — спасительную шлюпку, вместо капитанского мостика. Меняю маршрут.

Изможденное тело колесит по знакомым улицам, тянет за собой увеличивающийся хвост. Через пять минут выхожу на финишную прямую, каменные ноги несут меня к воротам в основную локацию, до передышки остается чуть больше сотни метров.

Ворота выглядят, как средневековый гарнизон. Составленные друг к другу отесанные стволы деревьев нелепо смотрятся на фоне бетонных строений и современной одежды охранников. Что здесь делают охранники?!

Цепь мужичков перекрывает проход, стоят на расстоянии вытянутых рук, их не сложно сосчитать — семь штук. Деваться больше некуда, либо к воротам, либо назад через толпу жаждущих зрелища.

Пару раз ходил мимо этого выхода, но ни разу не видел, чтобы тут дежурили. Не нравится это...

От стоящего по левую руку здания отделяется фигура. Хорошо, что успел заметить боковым зрением.

— На сука! — замахивается длинной коричневой палкой.

Уйти уже не успеваю, прижимаю руку к корпусу, держу удар. По треску и разлетающимся осколком понимаю: меня ударили коленом телескопической удочки. Жгучая боль, будто протянули хлыстом, растекается по руке. Сжимаю от нарастающей злости зубы, бью в ответку. Предплечье левой руки впечаталось в нос, щеку и глаз. Приложился от души.

Вытянутые носочки сандалий оторвались от земли. Судя по закатившимся зрачкам мужик потерял сознание еще в воздухе, лицо деформировалось, будто аллергическая реакция на пчелиный укус. На асфальт упал бесчувственный манекен. Похоже, с одного удара на респ отправил.

До цепочки охранников остается двадцать метров, тот, что посередине, останавливает меня вытянутой рукой. Перехожу на шаг, оглядываюсь. Преследователи тоже сбавили темп, понимают, что зверь в ловушке, наслаждаются моментом.

— Отдайте его нам! — вперед вырывается бритый чувак с мачетой в руке.

— Успокойтесь! Сейчас разберемся, — голос старшего смены звучит уверенно.

— Да, что тут разбираться! Мы забираем козла и уходим, не лезьте в наши дела!

Охранники переглядываются. В воздухе витает недовольство и напряжение, любое лишнее слово может завести толпу, что превосходит их по количеству в пять раз. Старший медлит, слушает перешептывания коллег:

— Отдавай его к херам. Проблем не оберемся.

— Нет! — встречает еще один. — Давай сами возьмем! А если рыпнутся, отрубим пару голов, разбегутся, как скулящие шавки.

— Мы же договорились, — голос старшего стерильный, он, будто судья, что взвешивает основанные лишь на эмоциях мнения присяжных.

— Да в жопу договоры! Пять капсул — это, как годовой бонус, мать его!

— Э-Э-ЭЙ! — лысый трясет оружием. — Быстрее, давайте!

Толпа наезжает. Выбираю из двух зол — жмусь к охранникам, они хотя бы не выглядят так агрессивно.

— Он уже троих минусанул! Пора преподать урок! — лысый жаждет крови.

— Он оборонялся, — охранник ответил себе под нос, но зачинщик услышал.

— ЧТО, БЛЯ?! Ты его еще защищаешь, сука?! — лысый поворачивается к толпе. В знак согласия с недовольством, люди поднимают над головой ножи, дубинки и прочий хлам. — Считаю до десяти! Либо отдаете сученыша, либо складываем его вместе с вами! РАЗ!

Охранники засуетились. Не думаю, что до этого они напевали какой-нибудь веселый мотивчик и беззаботно любовались небом, но последняя фраза заставила показать настоящие эмоции. Их взгляды уперлись в старшего, нервно перебрасывают вес тела с одной ноги на другую.

— ДВА! — рев лысого подхватили еще пару ртов.

Только старший смены сохраняет спокойствие, медленно обводит взглядом суетящихся подчиненных, упирается в мои глаза.

— ТРИ! — отсчет подхватила почти вся толпа, они готовы...

Наш зрительный поединок проходил под оглушающие четыре и пять. Не знаю, выиграл

ли я, убедил, вызвал доверие или жалость, но указательный палец начальника смены попросил подойти.

— ШЕСТЬ!

Нет времени раздумывать, подхожу. Мужiku лет тридцать пять. Усики, козья борода, нос с горбинкой и тяжелый взгляд.

— Проходи! Витя привет передает.

Пересекаю живое ограждение, оказываюсь у ворот. Осталось толкнуть створку...

— Ах, ты ЧМО! — крик лысого срывается на хрип. — Зря ты это сделал, урод! ДЕСЯТЬ!

— Бл*ть! — изрекает один из охранников, занимает боевую стойку.

Толпа ломанулась. Ведомые уверенным в себе лидером, прут на охранников. Улица наполняется топотом и криками, сердце бьется быстрее от мысли, чем все это закончится.

Толкаю ворота, заглядываю в щель. Словно за водной гладью, показывается лес, в небо тянутся величественные сосны, светит еще одно солнце. Протягиваю руку, пальцы и ладонь погружаются в новую локацию, изгибаются волнами, будто под воду засунул. Тактильных ощущений нет: не чувствую покалываний, тепла или холода.

— Ты сдохнешь первый! — царапает барабанную перепонку хриплый голос.

Оглядываюсь. Наполненные яростью глаза и мачете над головой — лысому осталось пятнадцать шагов до старшего смены. Мужик оказал мне услугу, я могу отплатить ему тем же.

Рука возвращается в ознакомительную локацию, лезет в колчан. Достая стрелу, вдеваю, вскидываю лук. Движения доведены до автоматизма, мне больше не нужно париться о правильности хвата, угле наклона и расположении ног. Скрип тетивы свидетельствует о готовности. Спускаю.

Помутнения рассудка в виде бредовых слайдов перестали быть чем-то пугающе загадочным. Прищуриваю глаза, становлюсь стрелой.

Дамы и господа! Приветствую вас на борту стрела-экспресс. Наш полет проходит на высоте полутора метров над землей, средняя скорость — сто метров в секунду. По правую руку вы видите начальника смены, расширенные зрачки и вздувшиеся вены на шее говорят о крайне возбужденном состоянии. С левой стороны можно детально рассмотреть ушную раковину одного из подчиненных, беспорядочно растущие волосы и ушная сера — зрелище не для слабонервных. Впереди открывается вид на толпу разъяренных мужчин, конечная цель нашего маршрута — гладковыбритая голова. Еду и напитки не предлагаем, потому что мы уже почти прибыли.

Успеваю рассмотреть налитые кровью глаза и шрам на носу. Он даже испугаться не успел, врезаюсь в левый глаз, оказываюсь в крошечной темноте.

Зрение возвращается. Главарь с торчащей из глаза стрелой опускается на колени, стекает на асфальт. И только сейчас до меня дошло, что это нужно было сделать раньше, до того, как он досчитал до десяти. Возможно, толпа вообще не решилась бы на бойню, но уже слишком поздно. Агро-ненависть линула через край, либо полягут охранники, либо взбешенные ополченцы.

Заряжаю следующую стрелу, выбираю цель. Первые ряды уже почти достигли охранников, месиво начинается...

Не знаю, являются эти парни охранниками в настоящей жизни, или прокачали скилл в тизере, но они заметно сильнее рандомных игроков. Старший смены сделал пару выпадов, два раза рубанул ножом, пнул берцем, получил результат — три скопытившихся засранца.

Его коллеги слегка отстают, кто-то успел сложить по одному игроку, а кто-то уже пятится назад, окруженный тремя-четырьмя бойцами.

Наконечник моей стрелы перебегает с одного на другого. Вот бежит пацан, выставив копьё. Вот чувак раз за разом долбит дубиной по рукам испуганного охранника. Вот мужик лет сорока, закусив губу, пробирается к начальнику смены, чтобы тюкнуть монтировкой по голове. А вот один из охранников с раскрасневшимся лицом под свой же рев безжалостно рубит людей. Я занял отличную позицию, любой из перечисленных — легкая цель, стоит лишь отпустить стрелу. Но стрелять не хочу...

Вроде, я должен быть на стороне охранников, но так ли это? Корыстные мужики буквально вымогают деньги из игроков, плевать они хотели на порядок и соблюдение правил, им не помешает взбучка, а что самое главное толпа посеет зерно сомнения. Пускай знают, что на каждого крутого бойца найдется боец еще круче, или больше. С другой стороны я и не на стороне толпы, это уж точно. Эти уродцы уже тащили бы мое тельце в руки к Скоку, ну а дальше понятно...

Пока размышлял, толпа поредела почти вдвое, асфальт стал мокрым и труднопроходимым. Охранников осталось всего трое, но в отличие от только что вступивших в схватку задних рядов, они уже выдохлись. Начальник смены собрал вокруг себя целую кучу трупов, чтобы выбраться из образовавшегося кольца ему придется поднять ногу выше колена, но похоже отступать он уже не собирается.словно подстреленный медведь, машет руками перед шестью жалящими шакалами. Его действия больше не похожи на схватку, он просто не подпускает к себе, силы закончились, смерть — вопрос времени.

Еще два охранника сражаются позади, одному удастся проткнуть зазевавшемуся игроку голову, лезвие вошло под бородой, застряло где-то глубоко внутри, он даже не стал тратить силы на то, чтобы вытащить, дал пацану рухнуть вместе с торчащей рукояткой.

— Юра! Сзади! — у его появилась свободная секунда, кричит начальнику смены.

К Юре со спины подкрадывается чел с копьём, через две секунды оно будет торчать между лопаток. Спускаю стрелу. Юра оборачивается с задержкой секунд в пять, смотрит, как копыеносец пытается удержать равновесие и при этом делает вид, что с ним все в порядке. Никак не может смириться с тем, что торчащая из горла стрела — смертельное ранение.

Начальник смены поднимает голову, смотрит в глаза. Что-то вынудило меня кивнуть, получаю кивок одобрения в ответ. Юра вздрагивает — кухонный нож вошел в бок. Через секунду — еще один. Вымещающие злобу игроки дырявят его, как иголочную подушку, Юра сползает на землю.

Я не стал дожидаться, пока остатки толпы покончат с оставшимися двумя. Надеюсь, что мое пребывание в ознакомительной локации, что-то изменило. Квартальная революция пойдет на пользу, растрясет устоявшийся строй тех, кто сидит на заднице ровно и стрижет бабки. Пускай и такой ценой. Важно не забывать, что это всего лишь игра. Души тех, кто остался лежать на асфальте, не будут приходить ко мне по ночам.

Толкаю ворота, погружаюсь в искажающееся пространство...

от Автора

Небольшая задержка в выкладке связана с отпуском и празднованием ДР. Желающие поздравить могут сделать это лайками, репостами, комментариями т. д.

Спасибо, что читаете!;)

Глава 15. Первые шаги

Что может быть лучше, чем играть с собственным воображением и одушевлять плывущие облака? Вот, например, то, что плывет справа, выглядит, как терпящий крушение воздушный шар: корзина держится на последнем тросе, пассажиры вот-вот рухнут на землю. То, что расположилось ниже, куда банальнее — собачка. Еще одно, что почти унесло ветром, походит на гигантский клинок, разрубающий горизонт пополам.

Я не терял сознание и не просыпался, но появился в основной локации как-то странно. Вошел через деревянные ворота в лес, который маячил сквозь расплывчатую пелену, а когда обернулся, растворились, как сами ворота, так и следы провинциального городка. Нашел себя в лесу. Вокруг лишь сосны, мох и чертовски кайфовый запах ели.

Первое что пришло в голову — завалиться на землю. Так и сделал. Лежал и рассуждал о людях, о том, что тизер вполне может стать альтернативой реальному миру, полноценной заменой, а быть может, даже чем-то лучше. В долбанной капсуле есть то, чего не хватает в жизни — риск без последствий, ну или почти без последствий. Один из самых больших страхов — страх неудачи. Мы выбираем надежную работу, соцпакет и оплачиваемый отпуск, ставим крест на мечтах, оправдывая свои поступки, ипотекой, маленькими детьми, но больше всего боимся того, что о нас подумают окружающие. Не дай бог, чтобы кто-то из нас решился совершить что-нибудь хоть более-менее неординарное. Увольняешься, потому что хочешь лепить фигурки из глины? Бросаешь стабильную работу ради танцев? Шутишь?!

В тизере ты можешь совершать любые поступки, игра оберегает тебя от самого страшного, что может случиться. Вместо гроба и прощальных слов получишь получасовой перерыв и легкий шок, легкий, как проплывающее над головой облако. Так мои мысли оказались на небе.

Закончив с облаками, я вспоминаю о Вите. Ярчайший пример того, что нельзя ставить клеймо на человеке, полагаясь на прошлое. Витя — красавчик! В лепешку расшибусь, но найду его, как и Макса.

— О-о-о! Тут есть один! — раздается за спиной.

Подскакиваю, рука ползет в колчан, нащупывает стрелу.

— Эй! Спокойно! — в пяти шагах стоит мужик, держит арбалет. — Не дергайся, шустрик!

Пробегаю взглядом по черным штанам и куртке, голову опоясывает серая повязка, на лице и руках — грязь.

Мой стандартный ряд вопросов: что за дерьмо? и какого хера тебе нужно? прерывается ступором от увиденного. Из ниоткуда появляется еще один. Нет, он не явился из газового облака, как невидимка Иван, он будто все это время стоял рядом с деревом, а затем позволил себя рассекретить. Камуфляжный костюм, темно зеленые ботинки и каштановые волосы идеально слились с пейзажем. Отходит в сторону, а выглядит это так, как будто кто-то в фотошопе скопировал кусок фотографии и перетаскивает ее.

— Большой где? — подходит к арбалетчику, пялится в землю. Похоже, я его не интересую, либо посмотрелся уже, руки лежат в карманах, оружия не вижу.

— Погоди, — арбалетчик замуривает глаза и покачивает головой, будто что-то вспоминает.

— Понял! Иду! — из далека доносится бас богатыря. Мощный и пронзительный голос пробивается сквозь чашу, кажется, что за ним должна следовать ударная волна.

— Парни, что здесь проис...

— Рюкзак! — перебивает меня арбалетчик.

— Не понял!? — лезу в колчан.

— Не дури! — задирает нос арбалета. — Давай долбанный рюкзак, если хочешь жить!

— Парни! Да я только что из ознакомительной лока...

— Бла, бла, бла! — коверкает мои слова. — Это не сработает. Рюкзак!

Сколько понадобится времени, чтобы достать стрелу и засадить засранцу между глаз? Секунда? Пол? Уйду в сторону, упаду на задницу, если повезет, то арбалетный болт пролетит над головой. Что со вторым? Вроде безоружный, или там еще какие-нибудь приколюхи, кроме технологии стелс?

— Ну, что тут у нас? — справа выходит еще один мужичок.

Щупленькое тело высотой чуть больше полутора метров несут худые ноги. Одет в светлые джинсы и кроссовки. Плечи шерстяного свитера сползают на локти, за спиной висит двуручный меч, настолько огромный, что кожаный чехол едва не трет по земле.

— У нас тут герой. Не хочет рюкзак отдавать, — арбалетчик показывает испачканные углем зубы. — За лук хватается, глядишь, перестреляет нас.

— Ясно.

Маленький мужичок подходит в упор, по-хозяйски осматривает. Сантиметровая растительность на лице разбавляется сединой, на голове сидит кепка, ее украшают белые буквы NY, козырек закрывает лоб, но не полностью, позволяет рассмотреть знак или наклку там, где индийцы рисуют третий глаз — скелет кисти в кругу.

Мужичок протяжно вздыхает, наклоняется к уху:

— РЮК-ЗАК!!!

Уши застилает непроходимый звон, ощущение, будто рядом раздался пушечный залп. Острая боль режет барабанные перепонки, подгибаются колени, осаживаюсь на задницу.

— Сука! Ты хоть предупреждай! — едва разбираю фразу арбалетчика сквозь колокольный звон. Арбалетчик и второй держатся за уши, по лесу разносится эхо, шевелит листву и сосновые иголки.

— Услышал? — мужичок склоняется надо мной. — Или тебе повторить?

Отдаю рюкзак, шмон начинается, не отходя от кассы. В попытках справиться с зудящей болью в ушах, смотрю, как арбалетчик разбрасывает мой лут по земле: каска, нож с чехлом, таблетки, бинокль, зажигалка, газовая горелка, веревка, пара кухонных ножей, раскладная дубинка. Шмот без интереса падает на землю, а вот съестные припасы аккуратно складываются у ног, их не много: пачка макарон, печенье, хлебцы.

— Опа! — вытаскивает на свет фиговину с желтым камнем.

— Есть?! — к нему подскакивает коротышка.

— Бли-и-и-ин, желтый! — арбалетчик расстраивается, закидывает камень в сумку. — О! А яд нужен?

Очередь доходит до баночки с вонючей жидкостью, предлагает пузырек коллегами.

— У меня есть, — голос богатыря сменился спокойным тембром, и не скажешь, что мужичок способен взорвать перепонки.

Тот, что маскировался, мотает головой, его вообще не интересует происходящее, он разглядывает носок своего ботинка. Громоздкая челка сползает на лоб, замечаю под ней

такой же знак. Пузырек летит на землю.

— Разоружаем? — спрашивает арбалетчик.

Коротышка осматривает меня. Скорее всего, скрючившийся человек, что держится за уши, не показался ему тем, кто может представлять опасность.

— Оставь! И это барахло — тоже, — мужичок по кличке Большой пинает рюкзак. — Пускай побарахтается, когда появится бес.

Уходят. Чувствую себя обиженным ребенком, старшеклассники надавали по сопатке, идут по своим делам. До хруста костяшек сжимаю древко лука, засадить бы каждому из них в жбан, а мелкому завязать рот и заставить жопой кричать. Ладно, успокаиваюсь. Челы явно знают, как играть в эту игру, остается проглотить обиду и собрать яйца в кулак.

— Мужики, расскажите хоть, что за камень? — кричу вслед.

— Брошь, — арбалетчик заходится нервным хохотом, чапает дальше

Большой даже не обернулся, но остановился молчун:

— Их можно вставлять в итемы со слотами, дают дополнительные плюсы. Желтые — самые дешевые.

— Понятно, — встаю, голова все еще гудит. — А кто такой бес?

— Бес? — первый раз отрывает взгляд от земли, смотрит в глаза. — Скоро узнаешь.

Они ушли. Поднимаю рюкзак, собираю разбросанные итемы, но не все. Непонятно зачем таскаю с собой топорик, кухонные ножи и еще кучу всякого хлама, вряд ли когда-нибудь ими воспользуюсь, а лишний килограмм вполне может стоить жизни.

Осматриваюсь — никаких следов человеческой жизни, даже тропинки не существует, только дикий нетронутый лес. Вешаю рюкзак поверх колчана, одну стрелу впрягаю в тетиву,двигаю по направлению грабителей. Минут через пять сосны расступаются, оказываюсь у подножья горы. Вершина маячит высоко над головой, на то, чтобы подняться, уйдет целый день, а возможно и не один. Это, конечно, отличная возможность осмотреться, но времени жалко. Пожалуй, взберусь на первый уступ, этого будет достаточно, чтобы обрисовать карту местности.

С высоты девятиэтажного дома открывается вид на необъятный мир, спасибо плохим парням, что не отобрали бинокль, прилипаю к окулярам. Бóльшая половина обзора закрывается нависшей горой, вторая открывает вид на озеро, горы, цветущие поля и сотни квадратных километров леса. За лесом нахожу пару объектов похожих на деревушки или что-то вроде того, могут обманывать глаза, но вроде бы даже вижу поднимающийся дым.

Не стоит полагаться на внутренний дальномер. С отслеживанием времени дела у меня обстоят куда лучше, чем с определением расстояний. Ближайшее коричневое пятно, напоминающее поселение, лежит на расстоянии десяти километров, может двадцати. Деваться в любом случае некуда, можно, конечно, обойти гору, но на такую громадину уйдет целый день, а гарантий, что за ней есть другие поселения, дать не могу.

Сейчас бы пригодился компас. Не отказался бы от GPS-навигатора, но сгодились бы и коробочка со стрелочкой, что показывает на север. Прокладываю кратчайший путь до поселения. На вымышленной прямой не вижу ни одного возможного ориентира, вокруг лишь лес, лес и лес. Можно попытаться скорректировать путь исходя из расположения солнца, но боюсь, что на расстоянии в пару десятков километров, погрешность будет слишком большая. Пять-десять градусов промаха на такой дистанции, и я словно торпеда пролечу мимо. Буду топтать ботинками мох и убеждать себя, что иду в правильном направлении, а очухаюсь где-нибудь аж во-о-он у той горы. Кстати о горе, попробую использовать ее, если конечно увижу

среди вековых сосен. Спускаюсь.

Солнце перевалило за полдень, густые кроны прячут меня от выпаряющих влагу лучей. Идти легко, но долго. Первое время спасаю себя от скуки разглядыванием незнакомых грибов, наблюдением за белкой и воспоминаниями студенческих вписок. Истории закончились, перешел к обдумыванию странной тройки грабителей. Первый, судя по всему старший, орет до рези в барабанных перепонках и таскает меч весом килограмм двадцать. Второй сливается с местностью и держит руки в карманах, боюсь даже представить, как близко может подобраться ночью, сядет на расстояние вытянутой руки и будет рассматривать кусочки застрявшей пищи между зубами во время твоей трапезы. Третий — хихикающий арбалетчик с хреновым чувством юмора, закрыл глаза и телепатически позвал крикуна. Какое-то странно у них пати.

Времени, чтобы пофантазировать — хоть отбавляй, примеряю способности на себе, но выбирать особо не из чего, не раздумывая, взял бы маскировку, вместе с разящей стрелой получилась бы адская смесь.

Идти еще не устал, но уже надоело. Не хватает кнопки, которая в рпгшках отвечает за автоходьбу. Повернулся в нужном направлении, нажал, и иди себе спокойно в туалет, делай чай или чекай соцсети, герой послушно топает, пока не упрется в текстуру.

Солнце насаживается на верхушку горы, становится заметно темнее. Гудящие ноги — мелочь, по сравнению с новой проблемой — урчащим животом, а за ним и еще одной, куда большей...

По телу пробегает волна холода и паники. Я не встретил на пути не одной двери в реал, а значит, выйду из дремучего леса либо на стертых до крови ногах, либо через экстренный выход, что совершенно не радует. От мыслей, что придется заночевать в диком лесу, становится не по себе. Ускоряю шаг. Боюсь признаться, но скоро иссякнут силы, а еще ноет требующий хавки живот.

Через час смирился с привалом. Выбрал небольшую полянку, натаскал хвороста. В свете костра обламываю сосновые ветки, нахожу парочку подходящих стволов. Нож, бельевая веревка и чуточку смекалки смастерили годный шалаш. Сосновые иголки служат матрасом, рюкзак — подушкой. Вытягиваю ноги к костру. Засыпаю? Ага, хрен там! Жрать хочется до спазмов в желудке.

Пока шел, видел много птиц, белок и целую кучу грибов. Не решился отведать жареных шляпок на костре, потому что не встретил ни одного знакомого, а мысли о том, что можно распотрошить белку и съесть, посещали редко. Тогда мозгу еще удавалось сдерживать голод, сейчас желудок вышел из-под контроля, ему плевать на отвращение, моральные принципы и уж тем более вкус. Внутрь можно закинуть обгоревшую корягу, урчащий монстр переварит ее, и хоть одну гребанную килокалорию, но выдавит.

Хватаю лук, иду на охоту. В наступивших сумерках найти подходящего пернатого оказалось не так просто. Минут через пятнадцать остановился у улюкающего комка на высоте четырех метров, в зоне прямого попадания. Прицеливаюсь. Спуск.

Прищуриваю глаза, перемещаюсь в наконечник стрелы. С небольшой вибрацией отстыковываюсь от тетивы, взмываю в небо, словно ракета. Мягкая, аппетитная тушка с тупыми глазками остается в двух сантиметрах от моей траектории, злюсь на себя за то, что промазал, уношусь все выше и выше. Равняюсь с верхушками деревьев, а еще через миг разрезаю бескрайнее пространство неба. Ощущение полета — кайф. Проходит две-три секунды, и я зависаю в пиковой точке на высоте в сотню метров, вокруг все также

простираются леса, а вдалеке виднеется тот самый поселок, горят огни костров. Инерция заканчивается, полет сменяется неминуемым крушением, широко открываю глаза, покидаю деревяшку.

Жаль, конечно, что промазал, потерял стрелу и время, но приобрел кое-что более важное — опыт. Промах позволил понять, что способность видеть мир от лица стрелы можно использовать для разведки. Круто!

Второй раз я не промазал. В первую очередь, потому что тщательно выбрал цель. Пернатый жалобно визгнул, камнем упал на землю. Птицу я не узнал, не потому что она принадлежит к выдуманному виду, хотя эту версию я тоже не отмечаю, а потому что, мои знания в области птиц ограничиваются: орлом, голубем, совой, воробьем и еще парочкой.

Приступаю к свежеванию тушки размером в два кулака. Брезгливостью и отвращением даже не пахнет, голод стал жизненно важной проблемой, руки ощипываю перья, обтесывают палочку-вертель. Заточенная деревяшка протыкает еду, красное мясо шипит и обугливается над костром. Не помешала бы соль, специи, буханка свежеиспеченного хлеба и кружка живого, нефilterованного, но и так сойдет. Сточил птичку до косточек, желудок наполнился приятной тяжестью, живем...

Сажусь у входа в шалаш, скидываю тяжеленные ботинки. Взгляд упирается в потрескивающий костер, тишину прерывают сверчки и пробегающее мимо зверье, глаза моргают все реже, подъемы груди становятся монотонными и энергосберегающими. Тяжелый выдался денек, сразился с невидимкой, устроил революцию, дал себя ограбить...

Красные угольки,двигаемые тёплым воздухом, вздымаются ввысь и гаснут на высоте первых сосновых ветвей. Наблюдаю за их угасающим жизнями, зеваю. Вот два красных уголька одновременно оторвались от костра и зависли на высоте одного метра, но, в отличие от остальных, не гаснут. Мимо пролетело уже порядка десяти других, а эти так и висят, синхронно покачиваются вверх-вниз и даже слегка увеличиваются.

Куда-то делся валящий с ног сон. Странно чувствую себя, становится тяжело дышать, будто нахожусь в задымленном помещении. Накрывает усталость, похоже, нехило переутомился за день, тело растекается по земле, кажется, что не хватит сил даже на то, чтобы пошевелить пальцем. Пробую, ничего не выходит, конечности бьет легкая дрожь, дышать все труднее.

Происходит что-то странное, еще немного и я не смогу сделать вдох, но как же хочется досмотреть. Что будет с этими огоньками? Когда же они наконец потухнут? Любопытство затмевает рассудок, не могу оторвать глаз, боюсь, что если моргну хоть на миллисекунду, то они бесследно исчезнут, это как смотреть самый напряженный момент любимого фильма.

Но огоньки становятся все больше, светят ярче, похоже они не собираются гаснуть, как такое вообще возможно? Мои вдохи похожи на приступы туберкулезника, не чувствую рук и ног, красные огоньки стали размером с пятирублевую монету. Легкие остановились.

От огоньков отвлек треск полена, отвожу взгляд, смотрю на костер и тут же чувствую, как телу возвращается жизнь, снова могу дышать. А где огоньки? Поднимаю глаза...

Тлеющие огоньки оказались глазами бесформенного чудовища. В трех метрах от меня стоит черный, как сама тьма, оборотень, или вроде того. Рост почти вдвое превышает мой, а размах лап можно сравнить с шириной крыльев кукурузника. Не имеет четких очертаний, различаю зубастую пасть, лапы с когтями, грудь. Все части тела колышутся, будто сгусток черного дыма, из пасти ко мне тянется такой же развевающийся на ветру язык, что-то высасывает из груди.

Страх приходит с опозданием, вместо крика выдаю жалобный стон, вскакиваю, вжимаюсь в дальний угол шалаша. Чудовище, будто испугавшись, что я живой, отпрыгивает на пару шагов, язык прячется в пасти. Занимает оборонительную позицию, выдавливает из своего черного нутра рык вперемешку со змеиным шипением:

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ш-и-и-ц!

Пятится назад, лапа ступает прямо в кострище, но огонь даже не шелохнулся. Снова трещит полено, и зверь растворяется среди деревьев.

Что сейчас произошло? Сердце лупит с такой частотой, что я периодически забываю дышать. Как, вообще, мог не заметить приближение зверюги размером с медведя? Тело бьет дрожь, закатываю рукава. Даже в тусклом свете костра вижу, как побледнели руки, по мертво-бледной коже бегут синие вены. Что он делал со мной? Высасывал душу? Энергию? Тепло?

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ш! — ревет где-то в чаще.

Хватаю лук, стрелы. Тень мелькает между деревьями, не слышу шума шагов или ломающихся под ногами сучьев, монстр не издает звуков, кроме студящих в жилах кровь рыков.

То самое полено, что отвлекло от пожирающих душу глаз, шипит и булькает. Из деревянного нутра наружу прет смола, кипит, воспламеняется короткими вспышками. Собираю горящую массу наконечником стрелы, задираю вверх, чтобы дольше горела.

Тень двигается со скоростью гоночного болида, изредка в темноте мелькают красные глаза.

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ши-и-и-ц! — рычит то спереди, то сзади, оказывается сбоку.

Мои старания отследить монстра выглядят бессмысленно, вращаюсь вокруг своей оси в надежде подстрелить, но таким шансом даже не пахнет.

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ши-и-и-ц! — вопит совсем рядом, два-три метра за спиной.

Оборачиваюсь, упираюсь в красные глаза. Мыслительный процесс останавливается, словно зажеванная пленка, желание взвести тетиву и пустить уродцу пулю между глаз сменяется детским интересом, заглянуть поглубже...

Впадины вокруг глаз похожи на жерло вулкана, а красные глаза — бурлящую лаву. Внутри происходят необратимые химические процессы с выделением неконтролируемой энергии — завораживающее зрелище. Маленький мальчик с открытым ртом пялится в неизвестность, а плата за любопытство не заставляет себя долго ждать — снова сдавливают грудь, подкашиваются ноги.

Секунд через пятнадцать легкие остановились, любопытство смотреть в глаза зверю в разы сильнее, чем желание жить. Через две с половиной минуты началось бы омертвление клеток коры головного мозга, если бы не отвлекла разъедающая кожу боль. На руку капнула смола со стрелы, запекает кожу в сопровождении шипящих звуков.

— Ауч! — смахиваю о шганину.

Огонь тухнет, на кисти остается корка, вдыхаю. Чудовище стоит так близко, что я могу дотянуться рукой, не смотрю ему в глаза.

— АГР-Р-Р-Ш-ш!

Взвожу стрелу, зверь замахивается. Боковым зрением вижу, как на меня прет ручище размером со стрелу автокрана, заканчивается когтями, каждый из которых превосходит армейский нож. Спуск!

Стрела вонзается в грудь за секунду до того, как меня накрывает лапа. Зажмуриваю

глаза. Черная махина всаживает в меня свои когти, рубит тело на части.

Стрела проходит насквозь, втыкается в стоящее позади дерево, но зверь ничего не почувствовал, снаряд пролетел, будто через дым. Ничего, кроме сковывающего страха, не ощутил и я, лапа просочилась сквозь тело, не причинив вреда.

Монстр еще раз рыкнул и в два прыжка скрылся в лесу. Подкашиваются ноги, опускаюсь на землю. Бьет озноб, как при температуре сорок, сжимаю пальцы цвета первого снега, даже небольшое движение становится непосильной задачей.

На меня охотится какой-то дух, или призрак, он не материальный. Его цель — высасать из меня жизнь, а приманкой служат глаза. Как только он вступает в зрительный контакт, взгляд без посторонней помощи не оторвать, отключается мозг и зрение, я даже не вижу, как туша приближается, только красные завораживающие круги. Его не берут стрелы и не страшен огонь.

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ши-и-ц! — снова кружит.

И чем тебя взять? Вспоминаю по пузырьку с ядом. Отравленная стрела? — Маловероятно. Дым? — Нет. В рукопашную? В голову лезут лишь граничащие с отчаянием идеи. Ладно. По крайней мере, нужно избегать зрительного контакта. Склоняю голову к земле, телу потихоньку возвращается жизнь.

— АГР-Р-Р-Ш-ш!

Вздрагиваю от каждого рыка, с силой зажимаю глаза. Это продолжается минут десять, затем наступает тишина. Вместе со спокойствием возвращается сон, солнце уже давно уступило место луне, организму нужен покой. Подбрасываю в костер дрова, лезу в палатку. Кажется, что ель стала еще мягче, а рюкзак под головой — удобнее, зевая едва не разрывает рот, проваливаюсь в сон.

Уже не так страшно, всего то и требуется — спрятать глаза.

.....

— Ба, ну где он?!

Перед седовласой старушкой стоит мальчишка, женщина разводит в стороны морщинистые рабочие руки:

— Дык, тока тут быу, Мирон! Пагляди у сеньях, можа.

Пацан срывается с места, худые ноги перелетают через высоченные пороги деревенского дома. Мелкий для своего возраста пацан в коротких шортах и с офигенской стрижкой горшок — я. Мне восемь. Родители привезли городского сорванца на летние каникулы к бабушке, парнишка уже пережил целовашки с колючей бородой деда, и сейчас его интересует потерявшийся котенок. Черный засранец с белой кисточкой на хвосте все время прячется.

Я уже успел проверить комнату, печь, веранду и чердак, осталось последнее место — под кроватью. Залетаю под массивное ложе, стирая колени о ковер. Из темноты на меня смотрят два красных блика. Нашел!

Красные точки становятся все ярче, взгляд не отвести. Сдавливает грудь, становится тяжело дышать...

Открываю глаза, монстр заполонил телом всю палатку. Склонился надо мной, лапы упираются слева и справа, язык присосался к груди. Вижу, как по черному каналу в него перетекают светло-желтые сгустки, глаза закрыты, он будто наркоман, которому плевать на происходящее после ударной дозы опиатов.

Лежу, словно парализованный больной, руки и ноги не работают, даже голову не повернуть, похоже ублюдок питается уже давно. Пропадает само желание сопротивляться, хочется провалиться в сон, а проснуться где-нибудь подальше, от высасывающего волю монстра.

Перед тем, как закрыть глаза, замечаю, что мои желтые сгустки расползаются по его телу, и оно становится материальным, руки больше не развеваются на ветру, обретают конечную форму, твердеют, сука обзаводится телом за мой счет. Эта мысль подключает все оставшиеся резервы, какая-то часть меня ни в коем случае не хочет мириться с таким раскладом. Собираю последний бунтарный запас энергии, но из-за того, что потерял контроль над телом, меня хватает только на отчаянный крик:

— ХОРОШ СОСАТЬ, КОМАР, БЛ*ТЬ!

Красные фонари снова зажглись. Нефтепровод прекращает качать, морда искажается волчьим оскалом. Он торопится, дело почти сделано, снова закрывает глаза, язык еще глубже впивается в грудь.

— ОТВАЛИ, СУКА! — страх исчез, терять больше нечего. Переполняет злость, не мог смириться с тем, что уродец ворует что-то мое, разорву его на тряпки, если заработают руки, нужно лишь найти немного сил, самую малость.

Наблюдая за моими попытками, чудовище нервничает. Оставляя пятипалый след на земле, поднимает лапу, опускает мне на лицо. Голову вдавливают в грунт, но боли нет, есть только дикое желание напасть на засранцу. Смыкаю зубы на толстой коже с силой в шестьдесят атмосфер — это все, что смог выдать умирающий организм. Отдергивает укушенную конечность, открывает глаза, язык отсоединяется от груди, сгустки энергии вырываются из его тела, возвращаются ко мне.

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ши-и-ц! — ушлепок недоволен, рычит.

Красные огни глаз искажаются полосками — Бес щурится от боли, волчья морда с черными клыками и короткими рожками искажается гримасой ненависти, замахивается укушенной лапой. Когтистая клешня сближается с лицом, но вместо ожидаемого отправления на респ, разбивается, словно пыль. Вместе с желтыми светящимися сгустками бес теряет осязаемость, лапа возвращается на землю, но уже не оставляет следа, она снова похожа на темный дым.

Вместо устрашающего рыка зверь издает какой-то стон отчаяния, спиной выходит из палатки, прижимает лапы к груди, пытается удержать светящиеся сгустки энергии — безрезультатно. Желтая масса просачивается сквозь тело, стремится к хозяину.

Последний желтый шар возвращается в живот, после чего колышущийся на ветру черный дым скользит в лес.

Значит атаковать может, используя, не только зрительную приманку, спящие — тоже его клиенты. Внутреннее чутье подсказывает, что нужно переждать ночь, а судя по тому, как

ярко горит костер, проспал я недолго, минут двадцать. Звездное небо провисит над головой еще часа четыре, потекли минуты ожидания.

В какой-то момент рычащая и мелькающая между деревьями тень перестала пугать. Мои мысли заняло одно единственное желание — приложить голову к рюкзаку и отключиться часов эдак на пятнадцать. Борьба со сном перевалила за второй час. Опускающимся векам не мог помочь ни двухметровый кострище, ни приседания, ни бесконечные потирания глаз, ни похлопывания по щекам и ни задержка дыхания для ускорения сердцебиения.

Ключнул воздух носом уже в четвертый раз, застал Беса в паре метров. Встаю, страх на время отгоняет сон, монстр уходит. Держаться больше нет сил, нужно двигаться, иначе — конец.

Закидываю на плечи рюкзак, иду. Сложно оценивать время и расстояние, когда проваливаешься в сон прямо на ходу. Происходящее дальше плохо отложилось в памяти. Вот я на секунду прислонился к дереву, а затем подкашиваются ноги, падаю на задницу, не знаю сколько он высасывал из меня в этот раз, но спасло именно падение. Следующий раз остановилось дыхание, когда я наклонился завязать шнурки, помню, как присел на секундочку, а вот почему закрыл глаза и решил не вставать, в памяти не осталось. Третий раз бес был ближе всего к своей цели, я споткнулся о корягу и расстелился на земле, мягкое моховое покрытие не выпустило из своих объятий, чудом удалось прогнать нахлебника змеиными извиваниями корпуса.

Солнце все еще не на моей стороне, а с каждым разом бороться становится все сложнее. Глаза закрываются прямо на ходу, перехожу на бег. По щекам, лбу и глазам хлещут ветки, собираю натянутую между деревьями паутину. Энергии хватило минут на десять, снова накрывает, мозг приказывает бежать, а организм отключается. Заколебавшийся в смерть, он дергает стоп-кран на ходу каждые пару минут.

Впереди журчит вода, расступаются деревья, открывают вид на речку шириной с дорожную полосу. Не снижая скорости, вваливаюсь в прохладную воду, мокнет одежда, рюкзак, в илистом дне вязнут берцы. Сон растворяется в холодных, стекающий по щекам ручейках. Черная гладь медленно убегает вперед и прячется за поворотом, стою посередине, вода достает лишь до груди — очень кстати.

— АГР-Р-Р-Ш-ш-ши-и-ц! — рев стал еще более пронзительным.

Красные искры глаз мечутся по берегу, пытаются словить мой фокус, но я уже научен, втыкаю глаза в реку, мокну в ожидании рассвета. Вскоре кусочек черного неба у горизонта меняет цвет на темно синий, а затем и вовсе на бордовый. Рассветает. Несмотря на это, Бес не собирается уходить, а скорее даже наоборот, ревет все громче, вплотную подходит к воде.

— Держись! — доносится с противоположного берега. — Мы уже близко!

— Я тут! — отзываюсь в густую чащу леса.

— Он там! — кричит кто-то значительно ближе, а через секунду появляются огни факелов.

Бес все еще рычит, но меня это уже не касается, ко мне идут на помощь. Один из огней вырвался вперед, а вскоре его догоняет второй, мелькают между деревьями, становятся все больше, накрывает чувство облегчения от пережитой чудовищной ночи. Еще минута и они будут у реки. Размышляю о том, стоит ли зарядить стрелу, но решаю, что это будет совсем по-свински — встречать спасителей оружием. Огни приближаются, через пару секунд должны выйти к воде, считаю до десяти, но людей все нет. Даю им еще десять секунд, огни

становятся размером с приличного размера файерболы, а люди так и не появляются на берегу, останавливается дыхание, утекают оставшиеся силы...

Спасительные факелы оказались глазами, забравшегося в речку Беса. Материализовавшиеся руки крепко держат меня за плечи, язык высасывает жизнь. Сил нет даже на то, чтобы проглотить слюну, осознаю, что это конец, лишенное души тело следующие полчаса будет бороздить воды неизвестной речушки.

Первые лучики солнца касаются водной глади, черный цвет сменяется синевой. Заканчивай уже! Безумно хочется отдохнуть. Бес, наверное, был бы и сам рад, но солнце все же вмешалось. Освещает горбатую спину и зубастую пасть, черная, как уголь, кожа превращается в привычную глазу — коричневую с обильным волосяным покровом, а язык качающий жизнь, раздувается на ветру и уносится прочь, словно сигаретный дым. Бес обескураженно смотрит сначала на солнце, а затем на мою, все еще дышащую тушку.

— Р-р-р-р-р! — размыкается напичканная зубами пасть.

По искривившейся морде понимаю, что бес не успел. Не хватило какой-то минуты, чтобы закончить начатое, а с восходом солнца, он видоизменился, прибор высасывающий энергию развеяло ветром. Правая лапа отпускает плечо, летит на меня. Не получилось забрать душу, так хоть выместит злость.

Берцы впиваются в дно, толкаюсь изо всех сил. Вместе со звуком, похожим на быстрое расстегивание молнии, лапа царапает грудь. ШИ-И-ИЦ! Откидываюсь на спину, скольжу по воде. Пока одна рука ползет за стрелой, а вторая поднимает над водой лук, успеваю рассмотреть рану: четыре канавы, глубиной по два сантиметра перечеркнули грудную клетку. Вскрыл меня, как консервную банку, ошметки переплелись с тканью куртки, кровь вымывается утренней водичкой. Размышлять о том, живут ли с такими ранениями времени нет. Стрела. Тетива. Спуск.

Бес хватается за живот. Это дает мне лишнюю секунду, чтобы зарядить еще одну стрелу. Спуск! Успевает поднять лапу, и вместо шеи наконечник протыкает предплечье, зверюга отступает, пружина за ним. Если умру от потери крови, то на адреналине прихвачу его с собой.

На грудь будто вылили чайник кипятка, печет, отдается спазмами во время каждого шага. Бес выскакивает из воды, парочка ранений охладила пыл, но он все еще быстр. Остается два шага, чтобы оказаться на берегу, сейчас или никогда. Заряжаю, навожу между лопаток. Спуск! Зверь отталкивается четырьмя лапами, прыгает метров на семь. Стрела настигает его в воздухе, пробивает левую опорную конечность, приземляется у первых деревьев, уходит в чашу, забрызгивая коричневой кровью, покрытую росой зелень.

Бежать — нет смысла, да и сил нет, рука лезет в колчан, нащупывает еще две палочки. Заряжаю, выпускаю первую под углом шестьдесят градусов к лесу, зажимаю глаза.

Взмываю в небо, будто самолет, тетиву специально натянул не сильно, чтобы подъем был плавным с зависанием в месте предполагаемого отступления беса. Верхушки деревьев остаются под ногами, наблюдаю картину будто с экрана квадрокоптера: коричневая зверюга, цепляясь за коряги и врезаясь в попадающиеся на пути деревья, не различая дороги, петляет в лесу. Сосны, ели и дубы растут значительно реже на этой стороне.

Вскоре мой полет достигает критической высоты. Приложив мысленное усилие, получается рассмотреть себя самого, серый силуэт стоит по колено в воде, выглядит очень неестественно: голова завернута за спину, левая рука держит занесенный к небу лук. В воображении рисую прямую линию от своей вымокшей головешки в сторону леса. С высоты четко прослеживается природный тунельчик высаженных деревьев. Возвращаюсь к Бесу.

Тушка уносится все дальше, затем натывается на очередное дерево, падает с кувырком, меняет маршрут. Если больше не врежется, то через пару секунд пересечет построенный мною луч.

Нос стрелы опускается к земле, но разведка больше и не нужна, покидаю разведчика. Жажда мести рукам понадобилось меньше, чем полсекунды, что взвести стрелу и найти нужный коридор. Огонь.

Зажмуриваю глаза, представляю себя в качестве зрителя. Стрел больше нет, последняя уже выпущена, сделать что-то еще уже не смогу, остается только наслаждаться полетом. Ощущаю уже знакомую вибрацию сразу после спуска, мчусь вперед, словно супермен. Если первые деревья еще можно было различить, то с увеличением скорости, они превращаются в мелькающие на периферии коричневые полосочки. Картинка размывается, кажется, что сейчас начнут слезиться глаза, впереди вырисовывается ствол дерева, до столкновения не больше двух секунд. Раз. Два. За миг до удара на дорогу смертельного экспресса вылетает коричневая туша. Врезаюсь. Темнота. Попал — это точно, а вот, чтобы узнать убил ли, придется прогуляться.

Восходящее солнышко приступает к сушке влажной травы, прячусь от него в тени деревьев. Бес убежал метров на двести, пройти такое расстояние со вскрытой грудью, что марафон с бодуна пробежать. Кровь стекает по животу, струйками забирается под ремень штанов. Края ран покрылись запекшейся коркой, и вроде тянутся друг к другу, но боюсь, что от потери крови кончусь раньше. Заметил тело беса в тридцати метрах, когда уже готов был упасть на прохладный мох. Снизился адреналин, уступил место усталости, желанию поспать и боли в смертельной ране. Интерес берет свое, нахожу в загашнике силенки, чтобы осмотреть трофей, чапаю дальше.

Громадина весом в тонну лежит на спине, раскинув руки, в шее торчит обломок стрелы, сломалась, когда падал. Охотничий взор меряет тушу. Из такого здоровяка можно годовой запас тушенки сварганить. Ноги больше не держат, падаю на задницу рядом, похоже, смертельная охота закончится ничьей:

— А ты — ничего, — хлопаю зверя по груди. — Заставил попотеть.

Туша дергается в предсмертной спазме, убираю руку. Из груди выходит коричневый сгусток, перетекает в меня, становится неожиданно комфортно и умиротворенно, откидываюсь на спину.

.....

Проснулся от пляшущих на лице лучей. Пробиваясь сквозь громоздкие кроны, над головой светит солнце. Проспал часов шесть-семь, чувствую себя отлично, тело отдохнуло от изнурительной драки, раны бесследно исчезли, даже шрамов не осталось, как это было после хилок.

Туша лежит рядом, при свете можно детально рассмотреть: медвежье тело с длинными когтями, волчья голова и короткие рожки. Сухие глаза смотрят вперед, рядом кружат мухи.

Выковыриваю из здоровяка стрелы, колчан пополняется тремя. Не отходя от кассы, разжигаю костер. Внутри пробудился какой-то животный инстинкт, кто бы мог подумать, что я когда-нибудь буду с подтекающей слюной смотреть на мертвую тушу адского создания в предвкушении шипящего на огне мяса. Пока готовятся угли, беру завалявшуюся в рюкзаке каску, иду к реке. Губы жадно прилипают к металлическому краю, наполняю живот, набираю с собой.

Руку даже не нужно было уговаривать, сама достала нож, приступила к разделке

окорока или хз, как он у бесов называется. Есть не только самому приготовленную, но и самому добытую пищу — кайф. Ощущение не обламывает ни скрипящий на зубах уголь, ни мелкие ручейки свежей крови, ни отсутствие соли.

Подкрепился, запил водицей. Вспоминаю, про перетекший в меня стусок, предполагаю, что именно он и излечил раны. Дал что-нибудь еще? Новые способности? — Фиг знает.

Тлеющие угли наводят на мысль о пополнении припасов. Каждый раз вывозить на последней стреле, словно в голливудском боевике, не прокатит. Жалею, что не захватил с собой лист жести и ножницы по металлу, но при должной сноровке и деревянная ранит.

Выбрал подходящее дерево, накромял кучу коротких сучков. Снимаю кору, кладу сушиться у костра, один конец слегка подтачиваю, на втором делаю прорезь для тетивы. Тонкие концы кладу в угасающий костер, дожидаясь, пока обуглятся немного, стачиваю излишки о камень. Стрелы получают заостренный наконечник без потери твердости и целостности, оперение съеденной накануне птицы фиксируется черной нитью.

Набиваю колчан под завязку, вместе с тремя выковырянными из Беса, насчитываю двадцать одну стрелу. Последняя тут же устанавливается на тетиву, взмывает в небо.

Ночное брожение со срывами на спринт явно увело меня с маршрута. Зажмуриваю глаза: извилистая речушка стекает с торца той самой горы, где я впервые осматривал местность, убегает вдаль, теряется среди лесного массива. Я сильно ушел вправо, а от предыдущего лагеря сдал даже немного назад, идти опять придется целый день, точнее его остаток. Или? Стоп! В паре сотен метров за спиной лесной массив уступает место поляне, четко различаю три укрытых еловыми ветками шалаша и кострище. Включаю режим скрытности,двигаю к лагерю.

Минут через пять услышал первые звуки, а подобравшись ближе, увидел силуэты. Как же я был удивлен, узнав в них своих грабителей.

— Что там у тебя? — арбалетчик раздувает костер.

— Заяц.

Тот, что прятался на фоне дерева, все также немногословен. Подходит к костру, усаживается на бревно, рука сжимает уши упитанного зайца, на спине виднеется продолговатое отверстие и засохшая кровь.

— Ну и разделывай своего зайца!

— Сам разделывай! — охотник кидает тушку на траву.

— Ты, охерел?! — арбалетчик встает. — Я каждый день вожусь с этими кишками! Давай ты хоть раз!

— Нет.

— Что нет?! — кладет руку на пояс, сжимает зубы. — Сережа, бери долбанного зайца и разделывай. Не выводите меня!

— Нахер пошел, — Сережа выковыривает грязь из-под ногтей.

— Че, мля?! — арбалетчик выхватывает тесак, лезвие шириной с ладонь блестит на солнце. — Сука, сейчас я тебя проучу!

Сережа медленно встает, опускает руки вдоль тела, через долю секунды, каждая ладонь сжимает по короткому метательному дротику:

— Еще шаг и нашинкую тебя на обед.

— Попробуй, мразь! — арбалетчик кидается вперед.

Сережа завел руку за спину для броска, когда, сотрясая стены шалаша, ударила звуковая

волна:

— ХВА-А-АТИТ!!!

Поссорившиеся обхватывают руками головы, изгибаются дугой, на поляне появляется коротышка:

— Что с вами не так?! Идиоты?! Сколько можно сратья?!

— Да он задолбал уже! — орет приглушенный арбалетчик, держась за уши. — Не хочет делать нихера. Я тоже могу пойти в лес, выцепить зайчика, а потом сидеть, курить и ждать, пока кто-нибудь его приготовит.

— Миша! — Большой закусывает губу. — Ты помнишь, когда ты последний раз на охоту ушел? Мы чуть с голоду не сдохли! Договорились же: Серега ловит, ты готовишь.

— Да это когда было? Давай теперь я на охоту буду ходить?

Лицо Большого испещряется множеством морщин, смотрит на спокойного Сережу, медленно выдыхает:

— Хорошо, следующий раз пойдешь ты, а сейчас готовь долбанного кролика.

Сiju, нюхаю запахи, укрывшись в зарослях кустарника, арбалетчик накрывает на стол. В отличие от моего формального перекуса, обед грабителей обещает быть не только сытным, но и вкусным. В комплект к мясу идут специи, соль, вино и даже хлеб.

Собираются у пенька, играющего роль стола, обедают. Я подобрался слишком близко, чтобы уйти незамеченным, придется дожидаться, пока разойдутся. Мужики работают челюстями, разливают по рюмкам коричневую жидкость из пятилитровой бутылки.

— Будем! — говорит тост Большой.

Пьют, кривят лицами, закусывают.

— Задолбало мне тут, — Миша залил в себя четвертую, решил завязать разговор.

— Ну так вали, — Большой обглаживает косточку. — Держит тебя кто?

— Ага, — вытирает рукавом рот. — Ипотека держит.

— Тогда не ной.

— Большой, а ты вот знаешь, сколько мы лавешки ему приносим? Явно побольше, чем пятера в день. Синий камень, тот, что я нашел, небось тысяч на двести потянет.

— Ой, да заткнись ты, — вмешался Сергей. — Вечно жало свое зальешь, чушь несешь.

— Двести, — Миша подливает себе. — Двести, бля! А он нам что? Пять литров вискаря и по пять кусков премии?! Нишя-я-я-як!

— Какой же ты мудака, — Сергей встает, идет к шалашу.

— Цыц, мля, жук древесный! — выпивает, наклоняется к Большому. — Ну ведь правда? Чего мы объедки доедаем?

— Вот именно поэтому половина острова принадлежит ему, а не тебе. — Большой резким движением кисти отправляет напиток в рот. — Он слово держит и не треплется по каждой херне.

— Ага, насмешил, — Миша подливает себе еще. — Если бы я столько бабла сюда вкачал, тоже ходил бы, таких как Сережа работать запрягал.

— Все вы на словах крутые. Если бы да кабы...

— Нужно свое мутить, Большой! — после шестого стакана язык арбалетчика начал заплетаться. — Возьмем в пати еще пару норм пацанов, будем гоп-стопить новеньких, это же совсем другие бабки. Если какой-нибудь кретин красный камень принесет, то ты считай капсулу за раз отбил.

— Насмешил. А кто тебе позволит тут сидеть? Сделаешь хоть шаг без его ведома,

устроит тебе пятьдесят экстренных с отрезанием конечностей или еще чего хуже. Ты думаешь синий камень, это бабки для него? То же самое, что для тебя пятихатка. Империя строится по кирпичику: чуток здесь поднимает, с белыми трейдится, в клан за бабки принимает, но самое сладенькое — рейды. В пещерах на юге говорят такие мрази живут, сотню таких как ты сожрут и глазом не поведут, но если грохнуть, то там такие итемы могут выпасть, после удачного трейда квартиру купишь.

— Вот том то и дело! В тизере столько возможностей! Нужно развиваться, квесты делать, а мы тут сидим, как имбицилы. Еще и согласились это дерьмо себе наколоть, — Миша сдирает со лба повязку, кожу украшает такая же эмблема, как и у остальных — скелет кисти в кругу. — Сколько ты собираешься шестерить?

— Пока капсулу не отобью, а там посмотрим. Если повезет, то в клан к нему пойду, без поддержки сложно, почти невозможно. Ты думаешь взял арбалет и пошел налево-направо мобов крошить, шмот выбивать? Ну-ну, шаг не туда, и ты на респе, а шмот твой случайный бродяга заберет. А если дальше не повезет, возродишься в таком лесу, Бес раз пять тебя грохнет, психанешь и экстренным в реал уйдешь. Получишь пять дней бана, а это — примерно полторы тысячи за содержание аккаунта, плюс десятка штрафа. Кажется, что не сильно много, но четыре-пять раз встрянешь и поймешь, что не ты в тизере зарабатываешь, а тизер на тебе, и таких основное большинство. Бабки делают монополисты, те, кто играет по-крупному, такие, как он. Так что, скажи спасибо, что он дал тебе стабильные сто пятьдесят кусков в месяц, а с премиями и все двести. Сидим тут, вискарик попиваем, развлекаемся и почти как топ менеджеры зарабатываем.

— Ай, — Миша выпивает восьмую, блестящие зрачки впиваются в глаза Большого. — Тогда давай хоть не все отдавать? А?!

— Крысятничать? — завязалась зрительная дуэль.

— Да почему сразу крысятничать? Ты ж сам сказал, что камень для него — мелочь. Давай иногда, вместо пяти, четыре отдадим?

Из-за шалаша выбегает Сергей, на каменном лице впервые появилась встревоженная гримаса:

— Чего случилось? — подорвался Большой.

— Он скачет...

На поляну, сотрясая землю, ворвалось трое всадников. Черная лошадь посередине принесла странного мужика: ковбойские сапоги, светлые потертые джинсы, белая рубашка на выпуск и серебристого цвета круглый амулет на цепи, где выгравирован черный скелет кисти.

Всадники позади — охрана. Два азиата близнеца экипированы в черные костюмы спецподразделений. Кармашки, отсеки, петли и карабины удерживают в быстродоступных местах обоймы, ножи, крюки, монокуляры, щипцы и целую кучу подобного добра. На бедре у каждого закреплена кобура, из которой торчит рукоять пистолета, но самое поразительное висит за спинами: у того, что справа — длинный прямой меч с ярко-красной рукоятью, но светится не сам металл, а вставленные в него камни, мерцают, словно раздуваемые ветром угли в костре; второй вооружен луком, за спиной висит резное дерево с металлическими вставками, мерцают такие же красные камни, установлен оптический прицел.

Ковбой спрыгивает на землю, ярко-голубые глаза властно осматривают подвыпивших мужиков, на ветру развеваются выкрашенные в белый цвет волосы с черными корнями. Пацанчики суется, формируют что-то похожее на шеренгу, арбалетчик Миша спотыкается, едва на падает задницей в костер.

— Оу, Рус! Мы тебя не ждали, — оправдывается раскрасневшийся Большой. — Два дня ведь всего прошло.

Ямакаси спрыгивают с лошадей, узкие глаза сканируют территорию вокруг, Рус оглядывается на одного из них, тот кивает хозяину.

— Бухаете? — властные глаза возвращаются к мужикам.

— Да какой там бухаем, — Большой изображает нелепую улыбку, машет рукой. — Та-а-ак, по соточке за обедом.

Рус смотрит на шатающегося Мишу. Пацан упер руки в бока, закусил нижнюю губу, пьяные глаза смотрят с вызовом. Поляна погружается в тишину, заткнулись даже вечно стрекочущие кузнечики, слышно только, как тяжело дышит Миша, ноздри извергают столбы горячего воздуха, похож на разъяренного быка.

— Рус, — Большой делает шаг вперед, загораживает собой Мишу. — Так какими судьбами? Что мы можем сделать?

— Камни новые есть? — ковбой отводит взгляд.

— Да, конечно, — поворачивается к маскировщику. — Серый, сгоняй!

Серый уверенным шагом топает в шалаш, в это время к Русу подходит охранник с мечом, шепчет что-то на ухо, тот выслушивает, но ничего не отвечает. Возвращается Сергей, протягивает Большому камни: два белых и один желтый. Кипишной коротышка, едва не роняя, берет их в руки и поворачивается к Мише, но бухой напарник продолжает пялиться на Руса, снова возникает неловкая пауза.

— Миша! — отвлекает Большой.

— Что?!

— Камень!

— Всмысл, — заплетающийся язык глотает окончание. — Они же у тебя в руках! Большой, не тупи!

— Желтый, Миша! — коротышка кивает, как бы упрасивая.

— Да вот же желтый твой! — арбалетчик тычет пальцем в камни, усмехается. — Ты чего, захмелел? Два белых и желтый — все правильно!

— Так вроде желтых два было, — нелепая улыбка Большого странно смотрится на бледном лице. — Миша, посмотри, пожалуйста, должен быть еще один.

— Да ну? — злобно закусывает губу, сунет руку в карман.

Большой, нарушая тишину, сглатывает, будто заключенный перед казнью, поглядывает на Руса:

— Секунду.

Миша возится в кармане, напевая мотив незнакомой песни, рука ворочает содержимое, а затем извлекает на свет желтый камень:

— О! Точно! А я-то думал три всего было, — пьяная улыбка адресовывается Русу. — Четвертый!

Трясущиеся руки Большого забирают камень, мужик вытирает рукавом испарину на лбу и, изображая спокойствие, идет к Русу.

— Извини, Рус, — протягивает камни. — Жара, вискарик — перегрелись малех.

Ковбой, не обращая внимания, обходит коротышку, подходит в упор к Мише. Излучающий власть и страх человек надломил даже такого самоуверенного арбалетчика:

— Чет я и вправду поплыл, — голос Миши дрогнул. — Совсем из башки вылетел камень этот.

— Большой!? Это ты за НЕГО поручился? — пожирая глазами Мишу, спросил Рус.

— Да, но это...

— Заткнись, — казалось, Рус повысил голос всего на один децибел, но этого хватило, чтобы понять всю серьезность его настроя, Большой заткнулся. — Крысятничество — самое страшное, что может быть в деловых отношениях.

— Да это не крысятничество, — Миша лыбится, — Я просто...

Рус не дал договорить, его тонкая костлявая рука опустилась Мише на плечо, ковбой не прилагал усилий, не сжимал и не давил сверху, но арбалетчик затрясся:

— Ээ-э, — вырывается изо рта, тело бьют судороги, кожа покрывается морщинами, впадают глаза, позвоночник изгибается крутой дугой.

— Эта крыса больше здесь не работает, — глядя в глаза корчащемуся от боли Мише, заговорил Рус. — Я сам найду третьего, а свой кредит доверия, Большой, ты просрал! В следующий раз вылетят все. Это понятно?

— Да, — бормочет под нос, разочарованный в себе коротышка.

— Белых видели?

— Нет, с неделю уже не было.

Рус убирает руку с плеча. От пьяненького самоуверенного пацанчика не осталось и следа, вместо него на поляне стоит восьмидесятилетний старик с трясущимися руками и покачивающейся головой. Дряблые ноги не в состоянии держать тело, придурковатая улыбка показывает коричневые зубы, добрые глаза неконтролируемо хлопают седыми ресницами, с ребяческим интересом рассматривают беседующих людей.

Рус теряет к Мише интерес, смотрит перед собой. Взгляд скользит по опушке леса, в голубых глазах отражается зелень кустарников и темные полосы деревьев. Голова, словно сканирующий местность радар, медленно вращается, еще немного и пробежит по мне, задерживая дыхание. Заметить два глаза, торчащих среди переплетающихся веток, листвы и

цветущих полевых, как отыскать цветной клочок бумаги среди артиллерии новогоднего конфетти, но его взгляд останавливается точно на них. Хочется вскочить и броситься в лес, но здравый смысл заставляет сидеть на месте, это всего лишь совпадение, потерпи пару секунд, и он отвернется. Но Рус смотрит, просто дырявит долбаный кустарник своими глазами. Неужели заметил? На лице появляется короткая улыбка, идет ко мне...

— Рус! — телохранитель с мечом, что еще за миг до сказанного стоял в двадцати метрах от босса, переместился почти со скоростью телепортации и заслонил босса телом. — Белые!

Рус все также пялится мне в глаза, а телохранитель, нарушая его личное пространство, шаг за шагом уводит босса к лошадям. Второй, словно кот, бесшумно цепляясь за кору, взлетел на растущую неподалеку сосну, затерялся в колючей кроне. Что стало с маскировщиком, я не заметил, а Большой метнулся в палатку и через секунду вылез, удерживая огромный, по сравнению с телом, меч. Рус украдкой глянул на коротышку и усмехнулся. Справа, теперь уже достаточно отчетливо, я услышал топот лошадей, на поляну выскакивают рыцари.

Кортеж белых оказался куда больше. Четыре всадника спереди и три сзади окружают рыцаря на белом жеребце и какого-то монаха на лошади поменьше. Рыцарь выглядит будто Ланистер из игры престолов, тяжелые доспехи закрывают плечи и грудь, наручи, сапоги, перчатки и шлем прячут под собой почти все открытые участки кожи. Среди серебристого металла с золотыми вставками и россыпи камней всех цветов радуги, разглядеть можно лишь прищурившиеся глаза и загорелое лицо. Рука сжимает молот. Черная рукоять двух метров в длину заканчивается правильным параллелепипедом размером с обувную коробку, а рабочая поверхность усыпана конусообразными шипами, что опасно подсвечиваются красным.

Второй сопровождающий выглядит не так опасно, но, думаю, и там найдется козырь в рукаве. Мужик носит одеяние монаха. Белую ткань обрамляют черные полосы, а на торчащих из-под рясы ногах сидят убитые коричневые сапоги с закругленными носами. В тени капюшона прячется юношеское лицо.

Обмундирование охраны не отличается изыском, парни спрятали тела в пластинчатые доспехи, на которых можно рассмотреть следы сражений. Первый ряд держит наготове мечи, спрятанные в ножны, задний вооружен арбалетами.

— Рус!? — рыцарь спрыгивает на землю.

У меня не получилось оценить рост белого, когда тот был на лошади, но стало понятно, что по размеру рыцарь не уступает сказочным богатырям, когда оказался на земле. Широкоплечий воин возвышается над всеми стоящими на поляне на голову, а то и больше. При приземлении массивные железные сапоги провалились на пару сантиметров в землю, но, к удивлению, почти не издали лязга. Казалось, что едва не целая тонна железа должна была дребезжать в сочленениях, распугивая птиц в радиусе сотни метров, однако доспех отозвался лишь приятным шумом работы металлических рычагов.

Вспоминаю про дрянной самодельный костюм, что видел на рынке в ознакомительной локации, если ту хрень пытались всучить за семнадцать кусков, то сколько же стоит это инженерное чудо? Боюсь представить. А как он идет? Ступая вразвалочку, рыцарь будто не чувствуют на себе ношу, он словно прогуливается в майке и шортах по пляжу, и ничего не стесняет его движений. Это выглядит чертовски странно и круто.

— Ты чего сюда приперся, Туба? — Рус отталкивает в сторону охранника, не скрывая раздражения. — Это наши земли!

— Я знаю, — рыцарь кладет молот на землю так, чтобы рукоять торчала вверх, поднимает свободные руки. — Я не за войной пришел, Рус. Мне просто кажется, что на Вашу землю попал мой человек, и я хотел бы его забрать. За плату, разумеется.

— Кажется, ему! — Рус сжимает зубы. — А может он не твой, а мой?!

— О! Кхе-кхе! — сидящий на заднице дедок, что еще десять минут назад был Мишей, лыбится гнилыми зубами и тычет пальцем в коротышку. — Большой, это ты, что ли?! Кхе! Подойди поближе, совсем не вижу ничего... Кхе-кхе! Что со мной случилось?!

Рус на долю секунды отвлекается на старика, возвращается к зрительной дуэли с Тубой.

— Он — мой! — голос рыцаря наполняется приказными нотками. — И ты это знаешь, Рус! Мы привезли тебе синий камень.

— Пффф! — капелька слюны вылетает изо рта, приземляется на отполированном нагруднике. — Я хочу пять!

Туба проследил полет слюны и на секунду остановился на запачканном доспехе:

— Ладно, два синих камня. Это более, чем щедрое вознаграждение. Не перегибай, Рус.

— Пять! — ковбой скрестил руки на груди, задрал голову.

— Рус, бля! — Туба разводит руки. — Да каких пять?!

— Я сказал, пять!

— Сука, — рыцарь топает ногой. — Хер с тобой! Три камня! Три синих камня! Целое состояние отдаю!

На лице Руса пробивается едва заметная улыбка, протягивает руку:

— Четыре!

— ЧТО?! — рыцарь скидывает руки. — Да за четыре камня, я найму ораву дикарей, которые будут бесконечно совершать набеги на твои земли, Рус! Ты серьезно?! Четыре камня?! Я даже не брал столько!

— Из доспеха выковыряешь.

— Три и по рукам!

— Четыре!

— Три!

— Четыре!

— Да соглашайся на три, где ты еще такую сделку получишь?

— Четыре!

— Три, бля! — рев рыцаря все-таки спугнул парочку птиц.

— Четыре камня, — лицо Руса испещряется морщинами ненависти. — Иначе ты и твои люди прямо сейчас сгниете изнутри, захлебываясь собственной кровью, а затем...

— Большой! Кхе-кхе... Ты оглох что ли?! — снова подал голос дедок. — А ну подой...

На этот раз Рус не смог сдержать злость, дернулась правая рука, он будто бросил что-то. Вытягивая вперед указательный палец, сгусток черного дыма ринулся из фаланги к Мише, спустя долю секунды вошел в голову через ноздри и уголки глаз. Старик заткнулся на полуслове, перестали трястись руки, качаться голова, вздыматься грудь. Белки глаз стали черными, как ночное небо, а любопытная улыбка превратилась во вдумчивое выражение.

Дальше дедок, будто молодой, уперся ладонями в землю и уверенным рывком вскочил на ноги. Руки, словно сцепленные сосиски, повисли вдоль тела, голова наклонилась к земле. Старик замер, как статуя, не видно даже малейших покачиваний, дыхания или движений глазами.

Кисть Руса с вытянутым пальцем будто обхватывает невидимый шар, поворачивает по

часовой стрелке, наклоняет. Миша, или то, что от него осталось, словно надрессированный зверь, повинуется команде, обрывистыми движениями поворачивается к всадникам, вскидывает голову. Не знаю, жив ли еще старик, или его превратили в подчиняющегося зомби, но выглядит устрашающе, парочка лошадей даже чутка попятилась назад.

— Не пугай, Рус! — отвлекаясь от ручного мертвяка, отвечает Туба. — У нас тоже фокусы найдутся! Не так ли?

Рыцарь поворачивается ко всаднику в рясе, парень отвечает короткой улыбкой левой стороной рта.

— Аха-ха-ха! — театрально смеется Рус, указывая пальцем на пацана. — Этот что ли?

Всадник в белом одеянии, что все это время держал поводья, опускает руки на бедра. Обстановка на поляне накаляется в течение секунды, мужики, явно имеющие вес в Тизере замерли и напряглись. Наблюдая за ними со стороны, я отлично вижу эмоции и отлеживающие поведение друг друга броски взглядами. Ситуацию можно сравнить с игрой в покер, где фальшь, блеф, тилт, азарт и жадность переплелись в безмолвную игру, победа в которой будет означать чью-то смерть и скорее всего не одну.

Страшно даже представить, что могут сделать друг с другом эти парни, если дать им карт-бланш. Не знаю, что твориться у них в головах, но могу предположить, что пяти прошедших секунд вполне хватило для того, чтобы спланировать первые шаги, обдумать лучшие цели и построить пути отхода. А если учесть, что в игре есть возможность общаться силами мыслей, то вполне возможно, что приказы о том, кто должен умереть в первые секунды боя, уже переданы.

Рус поднимает руку, ладонь обволакивается голубым пламенем. Туба в миг возвращается к своему молоту, вскидывает на плечо, охранник Руса уже занес меч за спину, чтобы обрушить на рыцаря. Парнишка в белом одеянии вытянул руки перед собой, между ними потрескивает молния. Рус замер, а вместе с ним и все действующие лица. В свою очередь я, Большой и всадники даже рыпнуться не успели, когда бой уже едва не начался.

Голубой огонь гаснет, Рус ехидно улыбается:

— Ну три, так три, — погасшая рука протягивается громиле.

Туба с занесенным за спину молотом, который, кажется, в состоянии расколоть под ногами землю, опускает оружие:

— Вот и отлично! Не хочется твоим мальчикам головы проламывать. Ха-ха!

Лидеры жмут руки, Туба показывает за спину три пальца, один из всадников спешивается, несет коричневый мешок. Рус заглядывает внутрь, после чего удовлетворенно кивает, отдает мешок телохранителю.

— Он здесь? — спрашивает Туба.

— Да, — Рус крутит в воздухе указательным пальцем, так, как изображают вертолет.

Похоже зрелище окончено и нужно сваливать, пока кто-нибудь не отошел отлить за мой куст, мысленно прокладывая маршрут для отступления. Главное — уйти тихо, оставшись незамеченным, мне на руку играет периодический лошадиный ржач и кашель солдат. Усаживаюсь на корточки и сдаю назад, спина упирается во что-то мягкое. Оборачиваюсь, надо мной стоит маскировщик Сергей.

— Выходи! Тебя уже заждались.

.....

Колчан с самодельными стрелами, порванная куртка, грязные сапоги и мокрый рюкзак. На фоне запакованных челов с дорожным шмотом и умопомрачительными пухами выгляжу

не лучше, чем обычный бродяга. Меня не обыскивали и не отбирали оружие, наверное, подумали, что даже если сильно захочу, то кроме себя никого не пораню.

— Как зовут? — хриплый голос Тубы звучит дружелюбно.

— Мирон.

— Меня зовут Белый Бугай, — представился рыцарь, которого Рус звал Тубой. — Я — правая рука лидера Клана Быстрых Ветров. Ты идешь с нами!

.....

Белый Бугай и загадочный парень ускакали далеко вперед, выбрасывая из-под себя горсти земли, внешне их лошади не отличаются от остальных, но двигаются раза в два быстрее.

Свободной лошади не нашлось, собственно, как и не нашлось опыта катания верхом, меня усадили вместе с одним из охранников. После пятидесятиминутной поездки мышцы ног и спины болели и требовали остановки. Когда терпеть было уже невозможно, лесная тропа закончилась, представляя взору каменное сооружение на берегу реки. Меня привезли в какой-то гарнизон. С холма, где мы оказались, я увидел четыре серые башни высотой с трехэтажный дом, которые соединяются сплошными стенами и заключают в себе территорию площадью с парочку футбольных полей.

Лесная тропинка влилась в полноценную дорогу с выездженной колеей и островком зелени посередине. Предвкушая корм и питье, лошади помчались к деревянным воротам. Смотрящий на стене подал кому-то знак, ворота открываются.

Мы въехали через парадный вход и оказались на главной улице. Влево и право уходят каменные тротуары, форт застроен жилыми домиками, тавернами, магазинчиками, кузницами и т. д. Складывается ощущение, что я попал в средневековье, хотя не все жители выглядят как рыцари, торговцы, знатные вельможи или побирающиеся бродяги. Пока скакали по главной улице, я рассмотрел пару обычных челов в джинсах, толстовках и кепках. Один из них нес современную акустическую гитару.

Главная улица упирается в нечто похожее на замок или дом мера, самое большое строение в городе сопряжено со стеной, а последний этаж возвышается над башнями. По этажам патрулируют охранники, а закованные в броню рыцари курят на балконах сигареты с фильтром.

Я уж было подумал, что меня, как важную особу, везут прямиком на прием к клан-лидеру, но отрезвил резкий поворот лошади влево. Всадник остановился у одноэтажного домика с одним окном:

— Слезай! — боднул меня спиной. — Это гостевой дом, скоро за тобой придут, никуда не уходи!

Спрыгиваю с полутораметровой высоты, ноги ударяются о землю, боль пробегает по затекшим конечностям. Наклоняюсь в стороны, тянусь к солнцу, приседаю. Мышцы отзываются затяжным хрустом, легчает.

— Слушай, старик, скажи хоть что это за место? — спрашиваю, пока всадник еще не свалил.

— Одна из стандартных локаций, сами мы тут ничего не строили. — разворачивает лошадь. — Лидер клана претя от средневековья и тому подобного. Играем в королей, принцев и их подданных, впрочем, Тизер почти весь такой, привыкай.

— Я вижу, ты не в восторге.

— Мне за это хорошо платят, — мужик улыбается, лошадь срывается с места.

Гостевой домик оказывается ничем иным, как комнатой в хостеле: стол, стул, кровать, керосиновая лампа и шкаф прямым из икеи. Инвентаря и мебели насчитал по четыре комплекта, но сейчас в доме, кроме меня, никого нет. По взлетевшей пыли стало понятно, что внутри давно не убирались, а единственное окно настолько мутное, что захотелось зажечь лампу, хотя на улице было полно света.

Я приготовился к длительному ожиданию и уже раздумывал над тем, чтобы все-таки пройтись по окрестностям, как дверь распахнулась, и в комнату вошел мужик. Высокий чел в плаще с короткими русыми волосами и аккуратно выстриженной бородкой, что соединяет бакенбарды через подбородок, отбивает каблуками чечетку о деревянный пол. По комнате разлетается запах парфюма, на отполированных черных ботинках играет тусклый свет.

— Привет! — подходит, протягивает руку. — Меня зовут Даня.

— Мирон, — жму мягкую ладонь.

Даня выглядит лет на двадцать пять. На фоне brutальных рыцарей и средневековых варваров смотрится, как городской мажорчик. Посетитель барбершопов, стилинга, ловелас и по полчаса у зеркала торчатель разводит края плаща в стороны, упирает руки в бока:

— Итак. Кратко ввожу тебя в курс дела, — разминает шею, как перед выполнением физических упражнений. — Ты находишься в крепости клана быстрых ветров, нашего клан-лидера зовут Якуш, он заправляет территорией примерно километров на десять вокруг. Основная деятельность любого клана — добыча полезных ископаемых, лут, выкачивание спаунов мобов и данжей. То, что мы находим, выбиваем или откапыванием идет на продажу. Покупают игроки, это могут быть, как наши соклановцы, так и залетные на рынке. Можно, конечно, сдавать лут неписям, но цены там совсем смешные, это и понятно — денег из воздуха не бывает. Наша крепость — словно самодостаточный город со своими рыночными правилами, налогами, заработными платами, сделками и доходами. Периодически на него покушается всякая шушера с каменными топорами и самодельными таранами, но если еще полгода назад дикари могли как-то пропереться и что-то поиметь, то чем дальше, тем меньше становятся их шансы, кланы обрастают сильными игроками. Якуш и другие клан-лидеры собирают вокруг себя надежных людей, помогают в прокачке, дают в аренду шмот, платят большие деньги в обмен на поддержку в случае набегов. Стоимость земли в лакомых районах Тизера скоро можно будет сравнить с землей в пригороде крупных городов. Те, кто был поумнее и решительнее вовремя обзавелись нужными активами, а теперь снимают сливки. Правда на чеку нужно быть всегда, никто не застрахован от того, что завтра к тебе придет сосед с парочкой огненных големов, чтобы попросить собрать свои манатки и переселиться в ближайший лес. Это понятно?

— Ага, — киваю. — А кто такие белые? Что находится за десятью километрами вашего клана? Насколько велик Тизер? Как выйти в реал? Почему меня привезли сюда?

— Слишком много вопросов. Ты — пробник на роль бойца клана, тебе крупно повезло. Большинству новичков приходится неделями выбираться из респа, пару раз экстренно выходить и еще хрен знает сколько времени расспрашивать у случайных встречных хоть что-нибудь о Тизере.

— Тогда почему я?

— Не знаю. Якуш дал поручение. Если повезет, то когда-нибудь сам у него спросишь, а сейчас пошли, протестируем тебя.

Глава 18. Данж

Не знаю почему, но я представил себе тестирование, как какой-то магический обряд. Якобы я сижу в пещере, стены изрисованы странными символами и рисунками древних людей, а напротив меня — бородатый мудрец. Старик бросает в костер траву, которая воспламеняется, словно порох, а затем разглядывает в поднимающемся дыме мою судьбу и выносит вердикт.

Однако мои халявные надежды разбились о тренировочную площадку. Даня передал меня мужику в майке алкоголичке и камуфляжных штанах. Подтянутое тело, короткая стрижка и командный голос выдали в нем военного.

— Соловьев, еще два подхода, или вылетишь отсюда нахрен! — мужик лет тридцати пяти орет на собравшихся у перекладины парней, протягивает руку. — Меня зовут капитан Покровский. Ты лучник?

— Вроде того, — пожимаю плечами.

— По полной его? — капитан обращается к Дане.

— Не, не, не! — машет руками. — Без охоты! Давай общефизическую и все, его Якуш приказал найти.

— Понял, — удивленно ответил Покровский и, отстранившись, пробежался по мне взглядом. — Ну пошли!

Судя по всему, новичкам во вспомогательной локации не так часто удастся раздобыть для себя парочку пиллюль, не говоря уже о том, чтобы получить умение. Покровский с удовлетворением, а новички с завистью смотрели на то, как я подтягиваюсь полста раз, колошмачу грушу и самодельными стрелами с расстояния в тридцать метров выбиваю семь из десяти. Ну а финт с перемещением в стрелу, так вообще заставил новичков поверить в то, что я очередной мажорчик, раскидывающийся деньгами отца.

На все про все ушел час времени, Покровский сказал, что тестирование я прошел, приказал дожидаться Даню.

— А что за охота? — появилась свободная минута, а значит и возможность чего-нибудь разузнать.

— Чего? — капитан непонимающе скривил лицо.

— Ну Даня сказал, что тестирование без охоты.

— А! Обычное тестирование проходит несколько иным способом и ограничивается куда более жесткими рамками. Новички проходят здесь обучение, развивают физическую силу, навыки владения оружием, одним словом — прокачиваются. Каждый из них сам определяет, когда он готов. Финальное испытание подразумевает под собой смертельную схватку в лесу с действующим членом нашего клана, но тоже новичком, разумеется. У того, кто проходит тестирование есть лишь одна попытка, либо он грохнет противника и окажется в клане, либо отправится на респ и больше сюда не вернется.

— Всего одна попытка? А как же случай, стечение обстоятельств?

— Пускай скажут «спасибо», что она вообще есть. Быть в таком клане — дорогого стоит. Многие клан-лидеры вообще перестали зеленых набирать, могут себе позволить выбирать среди крутых и запакованных бойцов, — капитан резко переводит взгляд мне за спину. — Метлов, бя! Ты опять, сука, грибы припер?! Я же предупреждал! Готовься! Завтра

охотиться идешь, наркоман, мля!

Покровский, не попрощавшись, двинул к новичкам. Парни тусуются вокруг перекладины, лыбятся и тычут пальцами в чувака, что пытается подтягиваться. Спортсмен в полном ауте: лицо окрасилось в неестественно желтый цвет, будто ромашкой натерли, рот растянулся, обнажив все тридцать два зуба, по бороде текут слюни. Чел, будто умалишенный, вцепился в перекладину и не знает, что делать дальше, мозг словил клин, не решается на то, чтобы спрыгнуть на землю, но и забыл, что нужно делать, чтобы поднять подбородок над перекладиной.

Наблюдение за спектаклем прервал подкравшийся Даня:

— Ну что, прошел? — на плечо легла рука.

— А!? — разворачиваюсь, улыбаясь.

— Чего веселишься?

— Что с этим челом? — показываю в сторону обгащенного.

За несколько прошедших секунд настроение изменилось кардинально, до смерти испуганные глаза отслеживают перемещение злющего капитана, а руки хваткой питбуля держатся за перекладину. С непонимающим выражением лица Метлов дергает телом, пытаясь соскочить на землю, но руки не выполняют его приказы, их устраивает сжимать турник.

— Опять? — Даня присмотрелся. — Это Метла — придурок из новеньких. Нашел в лесу грибы, которые штырят, жменями жрет, а потом такие фишки отмачивает, всем кланом ржем. Последний раз этот придурок набрал в лесу булыжников, на животе приполз к Покровскому, якобы он охеренный разведчик или секретный агент, и пытался ему обычные камни втюхать, выставляя их за те, что в шмот вставляются. Протягивает капитану носок, в котором три обычных булыжника лежат и говорит: бери мол, синие камни для тебя нарыл, а за это возьми меня в клан. Клоун, короче. Из-за этого и выгонять не хочется, знатно народ веселит. Так что у тебя?

— Капитан сказал, что тестирование я прошел. Можем позвать е...

— Отлично! — Даня хлопает меня по плечу. — Пошли! Нужно еще одну штуку проверить!

Даня бодрым шагом двигает вперед, я догоняю вприпрыжку. Оставляем позади тренировочную площадку, каменный амбар, возле которого расхаживает пузатый мужик, приближаемся к крытому деревянному сараю. Вокруг сооружения высотой четыре метра ходит патруль: арбалетчик, копейщик и чел с двумя торчащими из-за спины клинками.

Рубака с мечами идет посредине, на корпус опережая коллег, руки лежат на ремне вблизи бляхи, похож на деда с салагами за спиной. Носит кожаную броню, грудь и спина разрисованы белой краской, рисунки выглядят, как качественное граффити — разрубающий голову самурай с парочкой сочных иероглифов.

— Здорова, Ден! — главный ломает привычную траекторию, идет к нам навстречу, на лице читается недовольство. — Слушай, когда меня уже с этого дерьма снимут? Сколько мне тут шнырять?!

— Привет, — Даня жмет руку, кивает в мою сторону. — Это Мирон, его Якуш приказал найти.

— Всмысле?! — кидает на меня презрительный взгляд, а через секунду расплывается в улыбке. — Ну здорова, Мирон! Я — Костя.

— Привет.

— Так это, что значит? — ухмыляясь, обращается к Дане. — Его проверить что ли нужно?

— Да, Костя! Ты все правильно понимаешь! — Даня выходит из себя.

— Ладно, — лыбится еще больше, лезет в карман. — Пойдемте!

Костя ведет нас к воротам в сарай, достает ключи. Большой навесной замок поржавел. Пытаясь его одолеть, Костя возвращается к разговору:

— Так, что скажешь, Даня? Сколько мне еще здесь торчать?! Я заеб**ся уже, как лох, вокруг сарая ходить! Пора дать мне дело!

— Ой, мля, — Даня закусывает губу. — Короче! Скорее всего, скоро в данж пойдем, я говорил с Тубой на счет тебя, он вроде не против. Ну а в данже ты сам знаешь, если все пройдет пучком, нормально покажешь себя, то сможешь забыть про свой сарай. Вон, кто-нибудь из пацанчиков боссом тут станет. Главное, чтобы данж прошли, если ты понимаешь, о чем я.

— Конечно, понимаю! — Костя не может сдержать эмоции, лицо рвется от улыбки, наконец-то поддается замку. — Заходите!

Заваливаемся в просторное помещение. Солнечного света, что льется из ворот, оказывается достаточно, чтобы рассмотреть содержимое. Передо мной не просто сарай — это оружейная. Слева и справа стоят деревянные стойки, стеллажи и поддоны. Оружия, что хранится внутри, хватит, чтобы вооружить взвод или даже парочку. Вращаю головой и прикидываю сколько это добро может стоять: мечи, топоры, луки, доспехи и маленькое озеро стрел на брезентовой подстилке. Но оружие обычное, не увидел ни одного светящегося камня или обмундирования, похожего на то, что носил Туба. Скорее всего мы вошли в склад хранения, где одевают новичков или низших членов клана.

Уверенная походка Кости оставляет стеллажи и поддоны позади, целенаправленно ведет нас в дальний угол, света становится все меньше, но это не мешает рассмотреть массивный объект, укрытый тканью.

— Ты уже рассказывал? — на ходу спрашивает Костя.

— Нет, Костя! — рычит Даня. — Это твоя обязанность.

— Окей! — улыбающийся парень словно не замечает недовольство собеседника. — Зацени, Мирон!

Ткань стаскивается на землю, обнажая что-то похожее на карету. Мне понадобилось секунд десять, чтобы допереть, что стоит передо мной — деревянная повозка с резиновыми колесами, вероятно, от советского авто.

Костя запрыгивает наверх, машет:

— Залазь!

Взбираюсь. Посредине повозки на специальном стенде металлическими креплениями удерживается огромный пулемет. Я не разбираюсь в оружии, но не нужно быть профессионалом, чтобы понять насколько опасна эта штука. Полуметровое дуло прямоугольного сечения с выемками для охлаждения заканчивается внушительной сердцевинкой, а из пулеприемника торчит шматок громоздких патронов, сантиметров пять в длину. Громадина, которую, возможно, одному и не перенести, установлена надежно, ворочается на специальных шарнирах и, судя по всему, работоспособна. Вместо привычного курка пулемет заканчивается двумя рукоятками.

— Пулемет! — Костя смачно хлопает по стволу. — Наша гордость и наше несчастье одновременно.

— Почему несчастье?

— Ай, долго объяснять, — отмахивается Костя. — Берись за ручки!

— Чего? — в непонятках оглядываюсь на Даню.

— Все в порядке, — кивает головой.

Чувствуя себя каким-то подопытным, подхожу вплотную к пулемету, хватаюсь за ручки. Скорострельный убийца едва уловимо дергается, между ручками загорается изумрудный камень, зеленые лучи стелются на мое лицо.

— Да! Ну! Нахер! — Костя стоит с открытым ртом, три бесполезных слова оказались максимум из того, что он смог выговорить.

— Охренеть! — не заставил себя долго ждать и комментарий от Дани.

— И что это значит? — спрашиваю, но похоже у парней есть дела поважнее.

— Так! Ты! — Даня тычет пальцем в копейщика. — Газуй в главное здание, найди Тубу, скажешь, что от меня. Передай ему, что новичок Якуша подходит. Пулей!

Посыльный убежал, а я так и остался стоять, удерживая ручки пулемета и целясь в стену сарая. Даня расхаживает взад-вперед, поглаживая бороду, а Костя с удивленными глазами пялится на светящийся камень.

— Да что за херня происходит?! — убираю руки, гаснет свечение.

— Якуш за этот пулемет отвалил херову кучу денег, — отвлекся от своих мыслей Даня. — А когда дошло дело до стрельбы, оказалось, что он не стреляет! Груда металла, которую клан-лидер купил чуть-ли не по цене золота, стоит здесь уже год и лишь собирает пыль. Мы головы сломали, размышляя, что с ним не так, нашли парочку вояк, разбирающихся в оружии, все они твердили, что пулемет в рабочем состоянии, но долбанная лампочка загорелась впервые! Якуш все это время надеялся, что может дело в человеке, поэтому каждый новичок проходит через эти ручки. И вот он просит найти именно тебя, и ты активируешь пулемет. Охренеть!

Дальше события разворачиваются очень стремительно, кажется, что весь форт поднялся на уши. Не успел я опомниться, как у сарая собралось игроков двадцать, разношерстные войны в сверкающих доспехах, кожаной броне, шелковых одеяниях с крутыми пухами, автоматическими арбалетами, бердышами и еще кучей привлекающих внимание шмоток, загадочно поглядывают на меня. Чувачки попроще уже выкатывают телегу на улицу, со всех сторон слышны приказы и распоряжения: «собирайте пати!», «пускай разведчики немедленно проверят дорогу к данжу!», «смажьте колеса и шарниры!», «найдите подходящую лошадь и впрягите ее!», «через два часа всем быть в зале переговоров!».

Пока я, как умалишенный, крутил головой и пытался сообразить, что происходит, ко мне подошел неприметный парнишка в брюках и рубашке:

— Пойдем со мной!

Оставляя позади весь этот сумасшедший кипишь, уходим. Путь лежит к главному зданию, напоминает замок, или что-нибудь поменьше вроде загородной резиденции короля.

Узкую улочку, по которой и три лошади не разъедутся, ограничивают жилые каменные домики и магазинчики. Ассортимент товаров на прилавках значительно отличается от рынка в ознакомительной локации с оружейным наклоном. Мои глаза бегают по предметам, назначение которых, даже не всегда можно определить: камни с выгравированными знаками, разноцветные перья, куски черного пластилина, сушеные грибы, кольца и ожерелья, травы, цветы, колбы с жидкостью оттенков всех цветов радуги, руда, письма на пожелтевшей бумаге и еще много всего.

Парнишка идет быстро, иногда приходится переходить на легкий бег, чтобы за ним поспеть. Дорожка упирается в т-образный перекресток, проводник закладывает крутой вираж, оказываемся на улице, генерирующей слюну. Запахи жаренного, копченного и вяленого мяса, специй, свежее испеченного хлеба, кукурузы, сладкой выпечки и хмельного солода едва не уронили мое сознание. День уже давно перевалил за середину, а я так ничего и не съел, пробегать кулинарную улочку, не захватив с собой хотя бы кусочка еды, словно в знойной пустыне проходить мимо оазиса.

В главное здание мы входим не через парадный вход. Охранник, увидев моего проводника издалека, заранее отошел в сторону, открыл дверь. Побродить по узким каменным туннелям в самом сердце замка не удалось, нужная дверь оказалась почти сразу у входа. Скрипнули ржавые засовы, парнишка скрылся внутри, я — за ним.

Вошли в жилую комнату. В отличие от гостевого домика выглядит куда презентабельнее: ковер, витраж почти в полный рост, шторы, незатасканная мебель, полуторная кровать, камин и предметы интерьера вроде подсвечников, ваз, чаш и зеркал. Комнату хорошо убирают, пахнет цветами или какими-то свежими травами.

— Стань, пожалуйста, сюда, — парнишка тычет в пол рядом с окном. — Я чекну твои размеры и принесу шмот для данжа. Туба приказал, чтобы тебе дали комнату, эта — теперь твоя.

— А что за данж?

— Слушай, у меня нет времени, да и инфы почти нет, — парнишка уже вовсю орудует метриком. — Скоро тебе все расскажут.

— Окей! А почему Туба? Мне он представился, как Белый Бугай.

— Так и есть, — ловким движением разворачивает меня спиной, скользит руками по предплечьям, подмышкам. — Большой Бугай сокращенно — ББ, или два Б, или «ту би» на английском, кто-то придумал, вот Туба и получилась.

Больше я ничего спросить не успел, парень исчез в дверном проеме, сопровождаемый скрипом. Наконец-то остался один, пора отдохнуть от окружающей суеты, обдумать, что, мать его, происходит. Сажусь на ближайший стул, по комнате разносится протяжный рык — живот требует еды. И тут, словно за дверью только и ждали этого знака, в комнату входит мужик в белом фартуке с подносом. Пока я с открытым ртом наблюдаю за этим чудом, на стол ставится тарелка риса со свиной поджаркой, салат из свежих овощей, стакан компота и кусок торта на десерт.

— Через два часа тебе нужно быть в зале совещаний, а сейчас поешь и отдохни. Приятного аппетита!

С учетом того, что в последнее время я наслаждался плохо прожаренным мясом без специй и хлеба, еда, приготовленная на кухне, автоматически становится деликатесом, даже если ее пересолили, переперчили, не дожарили, уронили на пол, надкусили, отобрали у собаки или приготовили в посудомоечной машине. Главное требование к пище из кухни, которое реально меня волнует — чтобы на тарелку не забыли положить ту самую еду. К счастью, обед приготовили хорошо, рис и мясо исчезают во рту, словно корабли в бермудском треугольнике, следом залетает салат. К тому моменту, когда я приступаю к десерту, от голода не осталось и следа, что позволяет мне распробовать сладкий торт.

Набитый живот и хронический недосып сделали свое дело, уже через пять минут я затерялся в собственном сознании, изредка подергиваясь на воздушной кровати.

.....

— Мирон, вставай! — сквозь щелочки глаз вижу склонившегося Даню, трясет за плечо. — Через десять минут начнется совещание. Просыпайся!

Спускаю ноги с кровати, тру ладошками глаза, чтобы прогнать сон.

— Переодевайся и пойдем! — показывает пальцем на стул. — Без тебя не начнут.

На стуле висит бордовый костюм и чистое белье. Скидываю разодранную куртку и уделанные в болото штаны, примеряю новый шмот. Лесной бродяга Мирон превращается в придворного война, или хз, как их называют. Куртка из плотной ткани с кожаными вставками и усиленными плечами в комплекте с такими же четкими штанами сели идеально. Стиль дополняют черные ботинки на шнуровке и ножны с коротким клинком внутри, наточенное лезвие блестит в пробивающемся из окна солнце, жаль камней на нем не нашел. Лук оставили мой, судя по всему, посчитали, что бордовый древесный цвет отлично сочетается с костюмом, а вот колчан перезарядили. Кривые обугленные палки заменили на ровные древки с металлическими наконечниками и аккуратным оперением.

Выходим. Коридор извивается, поднимает нас на парочку этажей выше, приводит в просторный зал. Все те, кто разглядывал меня у оружейной, сидят в мягких креслах вокруг небольшой сцены диаметром три метра. Стены зала усыпаны окнами, разливается дневной свет. Даня ведет меня в первый ряд, усаживаемся.

За спиной то и дело слышу перешептывания, касающиеся данжа, стебы друг на другом о том, кто первый скопытится или навалит в штаны, когда увидит рейд-босса. Гремит дверь, в зале появляется Туба, тяжелые шаги эхом отбиваются от стен, испаряется фоновый шум.

— В данж идем завтра в семь утра! — Туба выходит на сцену. — Якуша не будет в онлайне три дня, но вопрос с ним согласован. Мы не должны ударить в грязь лицом. Среди нас есть новички, поэтому пройду с самого начала.

Туба снял доспехи, но меньше почти не стал, двухметровый бугай топчется на тесном для него пяталке, короткими и емкими фразами вводит пати в курс дела.

Предстоящий данж — углубление наподобие пещеры в горном ущелье, что находится в семи километрах от форта. Отряд зачистки, куда, к слову, вошел и Костя — охранник оружейной, выдвигается к данжу в четыре утра, их задача — зачистить территорию вокруг, чтобы обеспечить беспрепятственный доступ основной группе.

Местность в ущелье пустынная, в первую очередь опасаться нужно «пыльных», так Туба обозвал мобов, что выскакивают прямо из песка. Закутанные в серые лохмотья войны превосходно владеют кривыми саблями, появляются внезапно, действуют организованно. Максимальную опасность представляют, если поднимется ветер или, не дай бог, шторм. Песчаная пыль, что норовит залететь в глаз, ранить кожу и лишиться видимости, играет пыльным только на руку, они чувствуют себя в ней, как рыба в воде. Туба вскользь упомянул про песчаных волков, гиен, змей и скорпионов, но не стал на этом останавливаться, приказав начальнику отряда зачистки обсудить это внутри группы.

Разговор перешел к самому данжу. Вход охраняют копейщики — каменные войны, которые застыли у входа в углубление и пробуждаются при приближении к ним. Стрелы, метательные ножи, арбалетные болты и любое другое оружие дальнего боя не нанесет камнеголовым вреда, эффективное средство — молоты и кувалды. В самом углублении прячутся метаемые копья солдаты, парочка гризли, какая-то летающая шалупонь, рейд-босс и возможно что-то еще.

Клан быстрых ветров собирает пати в этот данж уже второй раз. Первый закончился полным провалом: смертью трех четвертей бойцов, потерей лута, времени и уверенности в

себе. Тогда все шло своим чередом, используя отработанную тактику, игроки раскидывали высыпающиеся из пещеры волны, пока не вышел тролль. Чудищу размером с четырехэтажный дом, закованному в железную броню, просто нечего было противопоставить. Цепной молот превращал танков в лепешки, а ассасинов раскидывал, будто кегли для боулинга. За ним вылазили еще какие-то mobs, но в образовавшейся панике отследить что-то было уже невозможно.

— А теперь о том, что поможет нам срезать рейд-босса, — час совещания пролетел, как одна минута, Туба поворачивается ко мне. — Мирон, встань, пожалуйста!

Поднимаюсь.

— Якуш таки был прав. Наконец-то мы нашли человека, который смог активировать пулемет, убийство рейд-босса ляжет на его плечи. Наша задача увести мобов в сторону, когда наружу попрут тролль, подкатить телегу на расстояние убойной дальности и выдать весь боезапас исключительно в босса. Даже если что-то пойдет не так, стрелять только в тролля! Это понятно?

— Да.

— Это очень важно! Если мы не завалим вспомогательных мобов сами, то нехер нам в этом данже делать! Стрелять только по моей команде! Если я буду видеть, что мы не вытаскиваем, то подам сигнал к отступлению. Лучше перегруппируемся, соберем еще людей, хер с ним, если даже шмот просрем, главное — в холостую не выстрелять боезапас. Думаю, не нужно объяснять, сколько он стоит. Вопросы?!

Участники совещания крутят головами, выискивают поднятые руки, но их нет.

— Детали обсуждаем внутри групп, если появятся вопросы, то я у себя. Покровский!

— Да, — подорвался вояка.

— Объяснишь все Мирону, расскажешь про пулемет, и проверьте, стреляет ли он вообще. Лампочка — это хорошо, но мало. Разрешаю слить один патрон! Все свободны!

Толпа поднялась и зашумела, игроки уже по пути к выходу из зала собираются в кучки и возбужденно дискусируют. Ко мне подскочил капитан:

— Пойдем.

Темные коридоры форта, кулинарная улочка, торговые лавки, мы снова оказывается у оружейной. Телега с пулеметом стоит на улице, рядом жует травку коричневый конь.

— В принципе, знать тебе особо тут нечего, — Покровский вскакивает на телегу, дергает рукоятки, подает патрон в патронник, снимает с предохранителя, вынимает ленту. — Я сам все заряджу и приготовлю к стрельбе, тебе останется только прицелиться и нажать на курок. Залазь!

Уступает мне место стрелка, вскарабкиваюсь, берусь за рукоятки. Камень подсвечивается зеленым,двигаю пулемет влево-вправо, вверх-вниз, смазанные шарниры послушно перемещают мушку, без дополнительных усилий фиксируются в выбранном положении.

— Пристрелять не получится! Нам разрешили использовать всего один патрон, — капитан пробегается взглядом по периметру. — Попробуй развалить во-о-он то ведро.

Жестянка валяется метрах в тридцати, прицеливаюсь, зажимаю гашетку. «БУМ!». Уши застилает звон, по рукам пробегает отдача, оставляя после себя дрожь, будто от удара током. Фыркает и отскакивает в сторону лошадь, над лесом взмывают птицы. Жестяное ведро

покорезило и отбросило метров на тридцать.

— Отлично! — Покровский показывает большой палец. — Теперь запоминай! Вот предохранитель, опустишь его вот в это положение и можно стрелять. В твоём распоряжении двести пятьдесят патронов, точнее уже двести сорок девять. Если зажмешь гашетку, то полностью разрядишь пулемет секунд за тридцать, может даже меньше. Поэтому, сделай сначала две-три короткие очереди, чтобы пристреляться и оценить наносимый ущерб, а уже потом, если все складывается как надо, высаживай остальное. Троль покажется большим и медлительным, но здоровяк круто реагирует на раздражители, если быстро сообразит, что это ты его разваливаешь, то мигом окажется рядом, так что не медли. Лошадь поведу я, если троль рыпнется к нам, то начну отъезжать, стрелять будешь на ходу. Целься в шею или чуть ниже, туда, где заканчивается нагрудник. Можно, конечно, и в голову, но башка, как правило гораздо подвижнее, чем торс — рискованно. Вопросы есть?

— Вообще-то да, — ковыряюсь в правом ухе, пытаюсь прогнать звон.

— Завтра с утра спросишь, — Покровский спрыгивает с телеги. — А теперь иди спать. Завтра пипец какой тяжелый день.

Глава 19. Пыльные

Помню, как вновь оказался в комнате. Яркая картинка за окном сменилась серыми красками, поднялся ветер, по подоконнику застучали первые капли. В воздухе витал запах еды, ужин представлял из себя глубокую тарелку плова и бокал пенного. К тому времени я еще не успел проголодаться, но съел все подчистую, подталкиваемый голодными воспоминаниями.

Время близилось лишь к девяти, а меня уже валило с ног. Хмель вдарил по голове, я разделся и лег. Балансируя между сном и явью, все же заставил себя задуматься о том, почему именно я? Должно же этому быть какое-то объяснение? В один миг мне показалось, что я разгадал загадку, широко открыл глаза и даже подскочил с кровати, но затем успокоился и вернулся в горизонтальное положение. Если те глюки с неписями в ознакомительной локации, что твердили мне о клане быстрых ветров, как-то и связаны с происходящим, то все равно никто, кроме всемогущего Якуша, ничего не расскажет. За дверью частенько топали и что-то выкрикивали, но не помешали мне уснуть.

Это было вчера, а сегодня я свеж, бодр и заряжен. Костюм, он же — легкий кожаный доспех, придает уверенности. Проверяю хорошо ли закреплены ножны, еще раз оголяю клинок. После клюшек, лыжных палок, самодельных копий и кухонных ножей, даже самое простое оружие выглядит грозно и опасно. Взгляд скользит по двустороннему лезвию, останавливается на простой и надежной рукоятке... а я изменился, как-то упустил тот момент, когда сблевывающий от вида крови парнишка превратился в мужика, который в состоянии рубануть мечом.

Сквозь форточку доносится два удара колокола, сигнализирует о том, что пати выдвигается через десять минут. Вешаю на спину колчан, учащается сердцебиение, накрывает крутейшее ощущение, что ты участвуешь в чем-то масштабном и значимом. Самооценка взлетает к небу, когда понимаю, что мое место в первом ряду.

Без стука распахивается дверь:

— Готов?! — заглядывает Даня.

Парня не узнать. Стилевый метросексуал предстал передо мной запакованным дэмэдж-дилером в отполированном доспехе с двумя черным кривыми клинками.

— Фига у тебя шмот! — позволяю себе удивиться.

— Да! — улыбаясь, пробегается по себе взглядом. — Я тот, кто будет нагибать в данже. Пошли!

Выходим на улицу. Зрелище, раскинувшееся у оружейной, наводит на мысль, что от компьютерной игры в Тизере почти ничего не осталось, на моих глазах разворачивается полноценное военное действие: построение, развертка, перегруппировка, подготовка к маршу и непрекращающийся рев уполномоченных командиров.

— Тебе туда! — Даня тычет пальцем в запряженную телегу. — Встретимся в зарубе! Дай по сопатке этому троллю! Удачи!

— Удачи!

Даня убегает в авангард. Пулеметная каталка стоит почти в самом конце строя, удерживая поводья, на телеге уже ждет Покровский. Вскарабкиваюсь, молча жмем руки.

Замыкает шествие еще одна повозка побольше нашей с двумя лошадьми — это обоз,

который будет забирать тела погибших или их шмот. В кузове сидят четверо парней, несмотря на то, что их роль даже не пахнет сражением, и вряд ли кто-нибудь из них удостоится вечером похвалы, лица сверкают блаженным предвкушением. Все хотят в долбанных данж!

По моей оценке, в пати входит человек пятьдесят, не считая группы, которая ушла ночью. Глаза вновь мечутся между нереальными доспехами, камнями, пухами, мантиями, посохами, причудливыми головными уборами и трехметровыми кувалдами, однако я стараюсь ни на чем не заострять внимание, на это может уйти ни один час.

Но есть кое-что в первом ряду, что просто нельзя проигнорировать — отряд танков. Эти чувачки сильно выделяются на фоне остальных: словно раздутые вдвое хоккеисты, только вместо пластмассовых обвесов, что защищают от столкновения, парни обвешаны железом. Каждый из них будто маленькая передвижная турель. Даже казавшийся огромным доспех Тубы, отдыхает на фоне этих переносных крепостей. В них сложно узнать людей, бойцы похожи на человеческие головы, заключенные в тела роботов, а царапины, вмятины, сколы и рваные повреждения придают отряду чертовски много brutального антуража.

Войско перекрикивает друг друга, шумит и гремит, но голос командира отряда танков звучит над остальными. Из темно-синего панциря выглядывает морщинистое лицо с седой бородой. Монотонно шевеля губами, мужик орет, глядя на своих бойцов. Из уст льются не слова оскорблений, а мотивационная речь. Спич сводится к тому, что парни должны забыть о страхе и сдерживать вонючих монстров из данжа, чего бы им это не стоило.

— Каждый, кто надел броню танка — уже герой! — отчетливо слышу его хриплый бас. — На наши плечи, как и всегда, ложится самая сложная задача! Стоим до последнего, и даже если кажется, что сил больше нет, то, сука, каждый из Вас должен еще сто раз подумать, так ли это! Затанчим, парни!

— ЗАТАНЧИМ! — оглушил ответный хор голосов.

Через пять минут трогаемся с ревом горна. Под заинтересованные взгляды торговцев, охраны и ремесленников, колонна проходит сквозь ворота, удаляется.

Я впервые еду на повозке, скрипучая колымага конкретно разочаровывает. Нужно всегда быть начеку, иначе кочка, камень или яма выбросят тебя из кузова, словно ненужную игрушку.

Казалось бы, семь километров — фигня, в одиночку сделал бы их за час-полтора, даже не переходя на бег, но путешествие с колонной — совершенно другое дело. Вся эта процессия напоминает огромную уставшую корову: животное тащится с пастбища, а вокруг нее снует мошкара, мухи и комары. Так и мы — основной костяк группы шаг за шагом продвигается вперед, а всадники, обосцыши и уставшие то и дело отстают, догонят или наоборот уходят вперед. Медленнее всех идут танки, броня, что весит, наверное, не меньше, чем сам воин, выматывает, заставляет делать частые привалы.

Через час равнинная местность гнется буграми, вдали вырисовывается горный хребет, целимся в его расщелину. Минут через пятьдесят подходим к горе, скальные породы нависают с обеих сторон.

Сухие и безжизненные массивы гор влияют на почву. Изменения заметны уже при входе в ущелье, зеленый покров, щедро приправленный полевыми цветами, сменяется утрамбованной землей. Из потрескавшегося грунта торчат сухие стволы непонятных

растений, а еще через полкилометра земля превращается в пустынный песок.

Вскоре мы натываемся на отряд зачистки, точнее то, что от него осталось.

В тени горы топчется табун лошадей, штук десять, рядом стоит боец. Выпрямил спину, развел плечи, выкатил грудь. Стоит словно патрульный из роты почетного караула, но выглядит куда хуже: левая рука болтается, как сосиска, на раскуроченном доспехе засохла кровь. Попытки сохранить стойку «смирно» выглядят безуспешно, парень шатается, то и дело выпрямляет колени, что норовят согнуться и опустить солдата на землю.

— Вольно! — скомандовал Туба.

Боец слышит команду и выполняет «упражнение для развития доверия» — шлепается спиной на скалу. Руки цепляются за торчащие камни, с горем пополам приземляется.

Колонне становится интересно, что случилось, и она, словно автомобильная пробка, набивается в узкое ущелье, расползаясь вокруг бойца.

— Рассказывай! — голос Тубы не сулит ничего хорошего.

— Вошли правильным строем. Погода шепчет, в воздухе не летает не пылинки. Бросаем крюки, проверяем землю, продвигаемся вперед — все, как обычно. Прошли метров пятьсот — чисто, ни намек на пыльцу. Только капитан сказал, что что-то тут не так, как суки повылазили. Прямо за спинами! Между нами! Со всех сторон! Капитана срезали одним из первых, Бурый начал что-то кастовать. Хуяк! Ублюдок из-за спины отрубил ему руку — кастовать больше нечем! Началась резня, — боец кладет ладонь поверх груди, жадно глотает воздух.

— Ну! — торопит Туба. — Дальше что?!

— Мы втроем вовремя сообразили, — кивает в сторону парней, что сидят у скалы — Прижались спинами друг к другу и начали пробиваться назад. Грохнули пять или шесть этих козлов, но там их еще около двадцатки. Еле ушли. Нас здорово покоцали.

— Нихрена не понимаю, — Туба выходит из себя. — Столько раз тренились, сука! В самый нужный момент так наложить! Как так-то?! Повезло твоему командиру, что он сам сдох! Я бы его...

— С пыльными что-то случилось, — встрял бедолага. — Они реально сильнее стали, апнулись или типо того...

— Завали! — Туба чешет голову. — Похер! Все равно пойдем. Откладывать нельзя. А пока — привал!

Туба и командиры отрядов ушли совещаться, остальные нашли куда примостить жопу, расселись.

Через пару минут вояка, что отчитывался Тубе, прошел мимо нашей повозки и о чем-то заговорил с пацанами из последнего обоза. Ребята соскочили с телеги, пошли к раненым, туда же подошел чел в белой рясе.

Маг или хилер, или хз кто это такой, но чувак в костюме монаха минут за десять поставил одного на ноги. Не исцелил полностью, но тот хотя бы смог сам ходить. Над вторым раненым не колдовал, бедолагу подхватили парни из обоза, а когда проносили мимо, я узнал в нем Костю. Тело закинули на телегу, а уже через пять минут вместо него лежали лишь разрисованные иероглифами доспехи и парочка мечей, Костя отправился на респ.

Настроение пати изменилось, встряли в какое-то дерьмо с пыльными, да и по времени серьезно отстаем. Жаждающие зарубы лица искажаются морщинами сомнений и может быть даже страха.

Покровский вернулся с офицерского совещания. Я понадеялся, что вояка поделится

какой-нибудь инфой, но он лишь сказал: «сам все увидишь». Дунули в горн, поползли дальше.

Походный марш превратился в боевой. Вперед пустили четыре танка, расставив их на ширину ущелья, позади выстроили отряд арбалетчиков. Основной колонне приказали притормозить, поэтому пришлось наблюдать издалека, но и оттуда было на что посмотреть.

Облепленные броней бойцы продвигаются по песку, словно роботы-саперы готовые принять удар. Малоподвижные руки удерживают щиты и прямые мечи, шагают нога в ногу, с силой вбивают подошву в землю.

Рядом с Тубой крутится коцаный боец, тычет пальцем перед собой, без остановки что-то бубнит. Пати-лидер изредка бросает на него злобный взгляд, махом кисти дает команду танкам продвигаться дальше.

Метров через триста покрытый мелкой волной песок взрывается фонтанами. Показалось, будто землю вокруг заминировали. Выложили целую сеть тротильных шашек, протянули детонирующий шнур и параллельно подорвали. Вот только вместо оглушающего взрыва мы слышим лишь шум ветра, а поднявшиеся столбы песка превращаются в песчаных разбойников с саблями наперевес.

Я насчитал семь пыльных, в течение всего пары секунд они облепили танков и принялись, как голодные львы покусывать добычу с разных сторон, отыскивая слабое место.

Кривые клинки неписей высекают искры о броню, норовят залезть в промежутки шарнирных сочленений, рубануть по лицу. Танки крутятся на месте и бесполезно машут мечами, пыльные игрушки уклоняются, заходят сбоку или сзади и снова опускают сабли.

Гудит горн. Танки поворачиваются лицом к стрелкам, закрывают щитами верхнюю часть туловища, Туба орет «ОГОНЬ!». Воздух застилает свист летящих снарядов. К мельтешащей драке летят не только стрелы, но и два красных сгустка, похожих на фаерболы. Двоих пыльных срубило прямо в воздухе, когда они отмачивали сочные кульбиты, их незащищенные тела пробило навывлет, желтый песок впитал кровь. Еще один бандит встрял под магический сгусток. Вспыхнул яркой вспышкой, по земле развеялся прах. Часть стрел впечаталась в щиты танков, еще часть улетела в никуда.

Стратегия боя понятна и легка в исполнении, стрелки сделали еще два подхода, гарцующие неписи затихли. Парни из обоза прошлись по полю боя, подняли парочку сабель и поснимали кожаные мешочки с поясов. Строй медленно пошел дальше.

Следующая пачка пыльных сагрилась через четыреста метров. Бой проходил в том же ключе, бронированные крепыши подставляют спины, стрелки срезают пляшущих на песке акробатов.

Еще шесть пыльных остались лежать на земле, но если первые разделились на пары и атаквали разные цели, то вторая пачка действовала, как обиженный рой пчел — кучей налетели на танка, град ударов повалил железяку на землю, пацан чудом успел закрыть забрало шлема. Выковырять устрицу из раковины не получилось, но помяли знатно. Бойца пришлось сменить другим, а потерпевшего отпаивал хилер, угощал какими-то травами, обогревал синим свечением, льющимся из ладоней.

Ущелье ведет пати изгибами, через пол часа я слышу взволнованные выкрики:

— Во-о-он! — сразу несколько игроков указывают пальцами на углубление в скале. — Почти пришли!

С расстояния в полкилометра мне не удалось рассмотреть что-то большее, чем очертания скалистых гор. Увидев конечную цель, игроки воодушевились и ускорились, к этому времени пати уже порядком устало от улиточного темпа и бездействия, но дорогу к данжу вновь преградили пыльные.

Вокруг танков выстреливает с десятков песочных фонтанов, колонна останавливается, завязывается бой.

Один из пустынных отличается от остальных, держит в руках копьё со светящимся наконечником, выкрикивает что-то на непонятном языке. Неписи не торопятся вступать в схватку, они словно ждут команды, и главарь с копьём ее подает — наконечник указывает на ближайшего танка.

Пыльные срываются с мест, главарь вырывается вперед. Босые ноги, не проваливаясь в зыбучий песок, меньше чем за секунду сокращают расстояние в десять метров, копьё протыкает нагрудник, словно нож консервную банку. КЛОП! В следующий миг на броню сваливаются сабельные удары, оставляют вмятины и царапины. Танк, словно груженная баржа, заваливается на спину, из дыры валит кровь.

— ОГОНЬ! — оглушает колонну Туба.

Крик привлекает внимание главаря пыльных. Упершись пятками в нагрудник, пытаюсь вытащить копьё, он поворачивается в сторону готовящихся к стрельбе. Серые глаза, скрытые за коричневой маской, похожей на бинты мумии, пробегают по направленным в его сторону пушкам. Цифровой мозг переваривает мысль и уже через полсекунды бросает тело на песок.

Ущелье наполняется звуком стремительно выпрямляющихся арбалетных струн. Часть пыльных следует примеру лидера — прикладывается к земле, оставшаяся половина оказывается слишком озадаченной маханием саблями, чтобы остаться в живых.

— Заряжай! — орет Туба.

Пыльный снова пялится на источник шума. Не вижу в его глазах страха, скорее — заинтересованность. Непись напоминает ребенка, серые шары, переключаясь с одного на другого, пытаются понять, что делают игроки. Только что воины пускали в него смертельные палки, а сейчас возятся со странными предметами. Ага! Вот один из них снова наводит свою деревяху.

Сложно сказать, так ли рассуждал главарь, но рявкнул и зарылся в песке одновременно со следующей командой «Огонь!».

Второй залп хоронит еще двоих, оставшиеся проявляют смекалку. Искусственный интеллект, мать его, сообразил, что стрелы не берут бронированных ребят, и теперь сам прячется за ними от залпов.

Вместе с главарем их осталось пятеро. Три последующих залпа не приносят плодов. Копейщик раз за разом вкручивается в землю, словно буровой станок, ищет момент чтобы атаковать, но игроки перестали стрелять по команде, град стрел сыпется непрерывным потоком, его разбавляют изредка выпускаемые энергетические сгустки.

— Вниз! — теперь воздух сотрясает голос командира танков.

Закованные в броню парни падают на колени, коридор для огня открывается не больше чем на секунду, но этого хватает, чтобы одного нашпиговать стрелами, как иголочную подушку, а второго превратить в пепел.

Главарь очередной раз показывается на поверхности, бросает взгляд на оставшуюся команду и приходит в ярость. С его уст срывается странный крик «Юа-а-а-ла-ла!», рука швыряет копьё в лучников.

Туба, Даня, командир танков и, возможно, даже Костя увернулись бы от мчащегося со скоростью ракеты снаряда, но не Саша и Яша.

Начинающие дэмэдж-дилеры успешно прошли испытание охотой и крепко сдружились в процессе. Вечером, когда стены форта сотрясла новость о походе в данж, парни, скрестив пальцы, молились о том, чтобы Туба дал им шанс показать себя. Толковые парнишки выделялись среди остальных новичков, схватывали все на лету и быстро прокачивались, а на еженедельном отчете Покровский даже сказал, что через годик-полтора ребята вполне могут претендовать на топовые должности в клане.

Новость о том, что шанс показать себя представится сразу обоим, накрыла эйфорией. Друзья не спали всю ночь, предвкушая, как будут разваливать неписей в данже.

Прямо сейчас между парнями развернулась нешуточная гонка. Саша умудрился прикончить двоих пыльных, а на счету Яши был всего один. Каждый следующий арбалетный спуск мог либо увеличить разрыв до недосягаемого, либо свести счеты.

Несмотря на то, что парни соревновались, работали они все же в паре, поочередно заменяя друг друга в первом ряду, пока напарник перезаряжается. Именно ребяческий азарт и усыпил бдительность. Копье вошло в грудь Саши, а вышло из спины Яши. Человеческий шашлычок еще пару секунд удерживал равновесие, после чего сполз на песок.

Наблюдаю за багровой рожей Тубы. Злобный взгляд пати-лидера скользит по заваливающимся на спину бойцам. Сжимаются губы, прорисовываются морщины вокруг рта. Вместо привычного рева на подчиненных, Туба позволяет себе лишь шмыгнуть носом. Но что-то подсказывает мне, что это куда страшнее, чем быть облаянным. Оценивающий взгляд очень похож на разочарование. Гранит непоколебимой веры в новичков треснул или даже раскололся пополам.

— Сука! Да убейте вы эту мартышку! — орет один из командиров. — Сколько можно, бля?!

Из основной группы отделяется Даня. Подошвы ботинок, что смахивают на борцовки, поднимают за собой песочные всплески. Расталкивая скопившихся перед собой зевак, боец приближается к шеренге арбалетчиков. Подбор ноги, подскок, присест. Ноги проваливаются в зыбучую смесь по щиколотку, песок сковывает движения и снижает скорость, но силы толчка более чем достаточно — Даня взмывает в воздух. Хорошо сложенное тело совершает плавное сальто над стрелками, группируется, обнажаются мечи. Игрок приземляется в паре метров от пыльного, прекращается стрельба.

Даня двигается со скоростью перемотки вперед. Ему понадобилось полсекунды, чтобы сократить дистанцию и рубануть противника с боку, но и пыльный оказался не так прост. Черное лезвие, напоминающее своими изгибами водоросль, пролетает над прогнувшимся неписем. Пыльный кричит что-то своим оставшимся бойцам, кувыркается в сторону погибшего, поднимает саблю.

Дальше я наблюдаю какой-то безумный вихрь летающих лезвий. Отскоки, удары, падения, кувырки, прыжки и эмоциональные выкрики сопровождаются звоном металла, искрами и кровавыми взрывами.

Параллельно с развернувшимся мастер-классом по владению холодным оружием, пыльные что-то мутят, а точнее меняют тактику. Устав от бесполезного ковыряния надежной, словно дверь сейфа, брони, они окружают танка и прямо возле него зарываются в землю. Спустя секунду земля проваливается, масса сравнимая с весом небольшого автомобиля, превосходно справляется с погружением своего хозяина в теплый песок.

Фехтование длится не долго. Казалось, что ускоренный бой, проходит примерно равно, но на самом деле, мы наблюдаем поединок в одну калитку. Черeda бесконечных ударов и парирований заканчивается неожиданным падением на землю левой руки пыльного. Струющаяся из предплечья кровь окрашивает песок, Даня завершает начатое сквозным проколом груди. Главарь падает на землю. Только к этому моменту мне удастся разглядеть изуродованное множеством порезов тело непися, Даня — без единой царапинки.

— Вытаскивайте его! — Туба тычет пальцем.

Бойцы уводят внимание от главаря, кидаются к бурлящему песку. Первые подоспевшие успели лишь чиркнуть ладонями по шершавому металлическому шлему, танк полностью скрылся под землей.

— ВЫТАСКИВАЙТЕ, ДЕБИЛЫ!!! — орет командир танков. — БРОНЮ, СПАСТ СУКА!

Пятерка игроков, мешая друг другу, по-собачьи роет песок. Теплая масса все еще бурлит, кажется, что из-под земли бьет песчаный гейзер. Мельчайшая крошка так и норовит сползти обратно, обрушить края. Рыть яму в пустыне — задача не из легких. Земля дрожит еще секунд тридцать, после чего затихает, становится понятно, что так просто бойца не достать.

Рев командира танков, наверное, можно было услышать из форта. Обкладывая первосортным матом всех, кто приближается на расстояние пары метров, игрок не прекращает орать о том, что эта броня стоит дороже, чем половина долбанного пати.

Сашу и Яшу закинули в обоз, танку с пробитой грудью выделили хилку. Вояка стоит с коллегами в стороне, курит сигарету, восторженно что-то рассказывает мужикам. В груди виднеется пробой размером с мяч для пинг-понга, на лбу блестит испарина.

Настроение в дерьме. В обозе не нашлось лопат, раскопки продолжают вручную уже сорок минут. Командир танков, задрав голову, сказал, что без доспеха дальше не пойдет, плюет даже на хмурого, словно грозовая туча, Тубу.

Пати-лидер курит одну за одной, посылает подальше всех, кто подходит его подбодрить, или спросить совета, или просто проходит мимо.

.....

Прошло еще два часа. Прячущаяся от солнца колонна уселась в тених скал. Урчание требующих хавки животов перебивает шум копающихся в земле. Никто не планировал, что поход настолько затянется.

Из съестного в обозе нашлось только печенье, бойцам раздали жалкое подобие еды, Туба принял решение:

— Нужно идти в данж. Ждать больше нельзя. Собираемся! Выходим через десять минут! — смотрит на командира танков. — Потерю возместим. Подготавливай людей!

от Автора

Друзья, первая книга потихоньку движется к своему завершению. Планировал, что глав будет двадцать, но судя по тому, что в девятнадцатой до данжа так и не добрались, количество увеличится.

Хочу попросить всех, кто планирует продолжить чтение приключений Мирона, нажать кнопку **Отслеживать автора** (это можно сделать в профиле автора, нажав по ссылке на имя и фамилию). Число подписчиков поможет оценить количество заинтересованных во второй части, мотивировать автора и бла, бла, бла...

Спасибо, что читаете, количество добавлений в библиотеку близится к тысяче — явно не рекорд сайта, но автор доволен =)

Глава 20. Схватка

Выделенных Тубой десяти минут не хватило чтобы собраться, игроки сбились в более-менее сносную колонну лишь через полчаса. Следующие четыре сотни метров проходим без приключений, Туба тормозит отряд, снова собирает совещание.

Я разглядываю пещеру. Солнечный свет не попадает в скальное углубление, но если хорошо присмотреться, то можно увидеть очертания каменных стражей, вросших в стены данжа.

Через пару минут возвращаются командиры, вокруг в кучки сбиваются игроки, слушают. Со мной информацией делится Покровский:

— Задача танков — как можно ближе подобраться к данжу перед тем, как завяжется бой. Я подъеду к ним и разверну телегу. Нам желательно стоять тоже недалеко, но будем смотреть по ситуации, в случае чего, отступать. Задним ходом лошадь не умеет, а значит, каждый сделанный шаг от пещеры — лишний метр дистанции для тебя. Все понятно?

— Предельно.

Капитан перелазит к пулемету. Жилистые руки работают со смертельным станком: дергают рычаги, проверяют работу наводящих креплений, заряжают, ставят на предохранитель.

Одним глазом наблюдаю за Покровским, вторым отслеживаю перестроение пати. Танки выстраиваются двойной шеренгой, сразу за ними группами по трое собираются дэмэдж-дилеры, стрелки занимают безопасную позицию в самом конце, часть взбирается на утес. Хилеры растекаются между танками и ддшниками, парни, что носят рясы, балахоны, плащи и накидки, пришли не для того, чтобы убивать, но их место в первых рядах.

Атакующая дуга посередине разделяется ходом шириной в два с половиной метра — дорога для нашей повозки. Со всех сторон звучат короткие и емкие команды, гудит горн, танки выдвигаются к пещере.

Напряженную тишину прерывает грохот камнепада — от скалы откалываются глыбы. Ветер развеивает поднявшиеся в воздух песчинки, перед колонной показываются стражи. Пятеро скалообразных топают к танкам, но расколы не прекращаются, от матери-горы откалывается еще как минимум три бульжника.

Неписи возвышаются над танками метра на пол, каждый шаг сопровождается каменным хрустом. Однотонные силуэты тащат трехметровые секиры и молоты, судя по уверенному вбиванию подошв в песок, камнеголовые настроены решительно.

Командир отряда танков выкрикивает последние наставления:

— Первая шеренга правого фланга. Разбиться на три-три! Вторая. Сместиться правее. Сдерживать крайнюю цель!

Я не успеваю связать сказанное с происходящим, а перегруппировка войск уже началась. Двунogie броневишки с опаской встречают уверенно прущих тяжеловесов. Пати вскрыло данж...

Ущелье наполняется каменным треском, металлическим звоном и напряженными стонами. Как только стражи приблизились на расстояние удара, их движения перестали быть похожими на миграцию ленивцев, четырехпалые руки ухватились за рукояти молотов, машут с утроенной скоростью.

Танки разбиваются на группы по два-три человека, берут на себя по одному стражу и кайтят — по очереди подставляются под удар и в последний момент отскакивают, либо, собрав всю свою мощь, отражают удары. Наблюдать страшно и за первым и за вторым. Стражники достаточно быстро двигаются, чтобы представлять из себя опасность, даже у меня захватывает дыхание, когда в десяти сантиметрах от головы танка со свистом пролетает каменная глыба весом в четыре центнера. А когда, схватившись обеими руками за меч или подставив щит, наши здоровячки отражают удары, им приходится делать пару шагов назад, чтобы компенсировать силу сбивающей с ног скалы.

В первой фазе боя танки показывают себя уверенно, я бы даже осмелился сказать: знают, что делают, но с каждым следующим ударом в строй вносится диссонанс. Бойцы вязнут в песке, присаживаются на колено, роняют мечи, а то и вовсе падают, уходя от ударов. Каждое неправильное действие влечет за собой просадку по времени, сбивается очередность маневров, бой насыщается импровизацией. Стратегия, которой придерживаются игроки, трещит по швам.

Группы дэмэдж-дилеров, крепкая сжимаемая молоты и двуручные топоры, ждут приказа. Командиры медлят, танки еще не достаточно далеко развели друг от друга стражей, чтобы предотвратить случайный агрессию на соседнюю группу.

— Понеслась..., - вполголоса произносит Туба, но этого достаточно, ддшники слишком долго ждали, чтобы повторять дважды.

Наблюдать за атакой дэмэдж-дилеров, как наконец-то дожидаться выступления любимой группы на общем концерте. Виртуозы сальто, уворотов, подкатов, прогибов и кувырков вступают в бой. Парни в легких доспехах, на фоне закованных в железо танков, выглядят, как шаолиньские монахи рядом с борцами сумо.

Я отвлекаюсь всего на миг. Покрепче хватаюсь за край повозки, чтобы не вылететь за борт, пока Покровский вычерчивает кривой путь к пещере, а дэмэдж-дилеры уже оказываются за спинами каменных великанов.

Вихрь молотов обрушивается на живые скалы, ущелье наполняется каменным хрустом. Звук высекаемого камня мешает как слушать, так и отдавать приказы, настолько громкий, что кажется, будто в эпицентре боя промышленная дробилка непрерывно раскалывает поступающую с конвейера руду.

Ддшники машут молотами, в стороны летят осколки. Наблюдаю, как Даня вместе с двумя напарниками выжидают момент для атаки, танк из их связки подставляется под удар, кладет острие меча в левую руку, поднимает над головой, словно штангу. Молот стражника пикирует вниз, врежется, высекая искры. Со стороны показалось, будто камнеголовый вогнал бойца по пояс в землю, но присмотревшись, понимаю, что игрок просто упал на колени. Стражник вложил в удар весь вес, сильно завалил корпус вперед, опустил голову на высоту не больше полутора метров.

Ошибочка — читаю по губам Дани сорвавшееся словцо. Парень подскакивает к стражнику с правого плеча, заносит молот за спину, как клюшку для гольфа. Тело, словно пружина, закручивается в сторону занесенного оружия, а затем распрямляется, как по спуску курка. Молот с гигантским рычагом, почти в два метра, набирает скорость, Даня раскручивает корпус, вынося грудь в сторону стражника. Руки полностью распрямляются, кованый металл, поблескивающий салатными оттенками, врежется в каменную голову.

Каким-то чудом башка не раскололась пополам. Металлический апперкот сносит ее за спину, громоздкое тело несется следом. Стражник раскидывает руки в стороны, чтобы

удержать равновесие, делает шаг назад, но тут подключаются напарники. Удар в грудь ломает надежды устоять на ногах, контрольный в колено ускоряет падение. Живая скала заваливается на спину, кузнецы в три руки приступают к ковке скульптуры из неотесанного камня.

Стражник упирается руками, пытается подняться, но сыплющиеся из-за головы удары раз за разом приколачивают к земле. Брони, хп, живучести или хз, как это называется у неписей, предостаточно. Даня и компания раз тридцать долбанули по каменному стражу, прежде чем цельное скальное основание превратилось в каменную россыпь из пыли и осколков — минус один.

Окидываю взглядом поле боя, дела у большинства групп обстоят не так хорошо. Один из стражников разбушевался, не подпускает игроков ближе, чем на три метра, парни в балахонах пытаются отвлечь его энергетическими сгустками. Темно-красные и розовые снаряды врезаются в стража, но проку от них не больше, чем от дружественного похлопывания по плечу, непись попросту не обращает внимания, оборонительно машет молотом.

Еще один, невзирая на сыплющиеся на спину удары, прет на спотыкающегося танка. Открытый рот на багровом лице игрока жадно глотает воздух, неповоротливые ноги вязнут в песке, металл сковывает движения. Сразу два хилера обогревают бойца голубым и зеленым свечением, усилия не проходят даром, по выражению лица видно, как боец собирается с силами, готовится дать отпор, но после очередного отраженного удара, снова валится на спину, отползает.

От смертельного преследования меня отвлекает звонкий удар, похожий на бой в гонг. Переключаю внимание на прижатого к скале стража. Непись стоит на коленях, вместо левой руки из плеча торчит каменный скол длиной сантиметров тридцать, вокруг рассыпалась серая пыль и такие же осколки, рядом валяется молот. Игроки уже занесли оружие, чтобы добить врага, тот даже голову склонил, признав свое поражение, но что-то на этой картинке не так... может быть взлетающий в воздух стальной бункер вместе с игроком внутри?

Воображение восстанавливает произошедшее. Ддшники хорошенько обработали врага и загнали в угол. Град ударов сломал волю к сопротивлению, отфигачили руку. То, когда от одушевленного камня останется горстка пыли, стало лишь вопросом времени. Все, что оставалось стражнику, так это рискнуть и сделать последний выпад, шансы на успех приравнялись к нулю. Стражник, плюнув на защиту, вложил все силы в замах. Удерживать четырехсот килограммовый молот одной рукой оказалось тяжело даже для каменного гиганта, неписю пришлось задействовать вес всего тела, целиком отдаться этой попытке, и у него получилось. Наконечник молота отрисовал наклонный круг снизу-вверх, камень пристыковался ровненько в центр нагрудника танка. Металлическая баржа, которую обычный человек, скорее всего, даже с места не сдвинет взлетела в небо, словно отпружинивший от батута спортсмен.

— В СТОРОНУ! — орет кто-то из группы.

Танк взмывает в воздух метра на четыре, барахтается руками и ногами. Прикидываю, что траектория полета заканчивается как раз на голове хилера, но полноватый парнишка успевает отскочить в сторону. Стальная груда падает на землю и поднимает миниатюрный ядерный грибок пыли. Одновременно с грохотом от приземления ддшник сносит башню стражника, серый камень разлетается на осколки, скала замирает. Поднявшийся песок еще не осел, а я уже вижу синее свечение хила в эпицентре — парнишка колдует над

вернувшимся с орбиты астронавтом.

Возвращаю внимание к месту, где танк отступал от назойливого стража. Группа ушла, оставив после себя не только осколки серого камня, но и своего бойца. Танк лежит на земле, раскинув руки, а там, где должна быть его голова, торчит наконечник молота. Вокруг разбрызгалась кровь, непись вогнал оружие с такой силой, что голова спряталась в корпусе брони, а края доспеха загнулись внутрь. Достать молот он уже не успел, рассыпался на гальку.

Строй разваливается. Даня и другие бойцы помогают тем, кто не справился, Туба орет, чтобы игроки немедленно перегруппировались, заняли позиции, отхилили раненых.

Прошерстив поле боя, я прикинул потери: два-три танка и один ддшник. Тело дэмэдж-дилера валяется возле скалы, на камнях сверху вижу отпечаток крови, скорее всего, парнишка зазевался, подставился под молот, тело отбросило к скале. Вдобавок к ломающему ребра удару тюкнулся головой о камни, хилеры не обращают внимания, помогать нужно тем, кто продолжит драку.

Каменный грохот поутих, но не пропал полностью. Трое самых энергичных стражей все еще машут молотами, дэмэдж-дилеры облепили их со всех сторон, выжидают момент.

Танки отошли в сторону, восстанавливают дыхание, уперев руки в колени. Дорога для нашей повозки, границами которой должны были стать фланги строя, растворилась. Пулемет все еще смотрит в сторону дома, а Покровский пытается держаться напротив входа во впадину. Во всем этом разброде и шатании только стрелки удерживают оговоренную позицию, ущелье сотрясает рев Тубы:

— ДЕБИЛЫ, БЛ*ТЬ! — изо рта летят не только частички слюны, кажется, будто его злость материализовалась и теперь брызжет из глотки на теплый песок. — ВОССТАНОВИТЕ СТРОЙ! ЖИВО!

Мой неопытный глаз оценивает ситуацию, как нормальная или даже ништяк, пятерых из восьми стражей отправили на респ, потеряли не больше пяти процентов бойцов, сейчас влегкую добьем оставшуюся тройку и примемся за пещеру. И чего он так орет?

Ключевое значение в моей оценке сыграл как раз-таки неопытный глаз. В отличие от меня Туба прекрасно понимал, чего следует опасаться, он ревел не для того, чтобы выразить недовольство, пати-лидер предостерегал бойцов, и они поймут это уже через десять секунд.

Мы стоим метрах в сорока от впадины, этого оказывается вполне достаточно, чтобы слышать нарастающий гул вперемишку со свистом. Звук сливающийся с шумом ветра не успел никого напугать, а я успел лишь сформулировать будоражащий вопрос: почему стоящие спиной ко входу в данж ддшники падают лицом в землю?

Копья протыкают увлеченных боем игроков, под обстрелом оказываются и хилеры. Песок окрашивается красным, поле сражения наполняется стоном раненых. Пати несет потери...

Организованным строем из пещеры выходят копейщики — длинноволосые, бородатые маугли с голым торсом. Каждый из них тащит перевязанную ремнями охапку копий.

— СТРОЙ! — кричит командир танков.

Здоровяки поднимают щиты, медленно, словно увязшие в песке черепахи, выстраиваются в шеренгу. Хилеры и часть ддшников просачиваются через щели между щитами танков, чтобы спрятаться от следующего залпа.

Одной из групп удастся-таки минусануть еще одного стража. Молот дэмэдж-дилера раскалывает ногу, камнеголовый, пытаюсь опереться на несуществующую конечность,

теряет равновесие и падает на четвереньки. Позади развернувшейся драки корчится мужчина. Копье вошло ниже спины и вышло в районе паха, пробив кожаные доспехи, будто хбшную футболку. Под бойцом натекла красная лужа, пытаюсь вытащить копье, ддшник вымазал в кровь руки, ноги и торс. Песочная крошка липнет к теплой красной гуще, как стружка к магниту, мужчина становится похож на песчаного червя, с ног до головы облепленного песком. В какую-то секунду боец опускает руки, мирится с тем, что вытащить плотно засевшую в теле деревяху в одиночку невозможно, и в самый нужный момент к нему подбегает хилер.

Парней в рясах и балахонах на поле боя осталось не так много, большинство из них спрятались за щитами танков. Наш спаситель решил поиграть в героя или доказать преданность, но, как оказалось, рвения у хилера было куда больше, чем опыта. Парнишка принимается обволакивать раненного синим свечением, ддшник пялится на него недоуменными глазами, тычет в окровавленное копье. Хилер хватается за древко, нерешительно тащит на себя, ддшник орет сквозь сжатые зубы, кулаки пытаются впиться в землю, но вместо этого лишь просеивают пустынный песок. Глядя на изнывающего от боли игрока, парнишка отпускает копье и снова принимается за подхил синим дымком.

Напарники раненного продолжают колотить стоящего на четвереньках стража, разбивают в пыль правую руку, на песок падает молот. Камнеголовый дышит на пару ударов, но не сдается, собирает последние силы, левая рука отталкивается от земли. Изуродованная одноногая скала поднимается, ее приговаривает фееричный воздушный кульбит парня с секирой. Игрок сделает кувырок в воздухе и выгибается дугой, двуручный топор врезается в основание головы, камень отделяется от тела.

Все что осталось от стража по инерции заваливается на спину, перекособоченная тень накрывает раненого паренька с копьем в бедре и неопытного хилера. Оба поднимают головы, провожают взглядом падающую на них гору. Лекарь ловит ступор, продолжает хилить, в то время как ддшник отчаянно орет, что нужно сваливать. За миг до падения отшвыривает бесполезного хилера в сторону, сам скрывается под камнепадом.

— Берегись!

Воздух заполняется звеняще-свистящим звуком, копейщики дают второй залп. Диковатые неписи отлично знают свое дело, смертоносные снаряды набирают скорость, при которой невозможно отследить их полет. Кто-то из игроков падает на землю, кто-то подпрыгивает на высоту двухэтажного дома, парочка хилеров в усыпанных камнями балахонах кастуют вокруг себя энергетические шары.

Копья врезаются в щиты танков, с грохотом разлетаются в щепки, оставляя на металле лишь едва заметные царапины. Несколько влетает в силовое поле магов, замедляются, отскакивают по касательной. Четыре копья попадают в цель, теплый песок впитывает кровь двух хилеров, ддшника и загулявшего лучника.

— Занять позиции! Приготовиться к стрельбе!

Стрелки подходят в упор к танкам, высовывают оружие поверх щитов.

— ОГОНЬ!

Рой стрел мчится к копейщикам. Неписи замирают и внимательно смотрят в глаза смерти, а в самый последний миг исполняют танец пьяного тектоник-дансера. Руки, ноги и тело изгибаются немыслимым образом, уворачиваясь от стрел и магических снарядов. Большая часть дикарей избегает ранений, первая шеренга редет всего на три головы, копейщиков заменяют другие, вскидывают копья.

— НА-А-А-А-А! СУКА! — орет обезумевший воин.

Рука дэмэдж-дилера от плеча до кисти вымазалась в кровь, но это не мешает держать молот и раз за разом долбить предпоследнего стража. Воин кружит вокруг камнеголового, переступая хоровод мертвых товарищей. Глаза налились кровью, каждый удар, как последний — мощный и опасный.

— Держи! — от стражника отлетает кусок размером с футбольный мяч.

— Вот еще! — кувалда ломает ногу, вверх по бедру ползет трещина.

— Получай, урод! — треск грудины разносится по ущелью.

— А это — за пацанов! — башка разлетается в щепки.

Последнему стражу тоже осталось не долго. Неписю сломали обе руки, здоровяк пятится к своим, нелепо поглядывая на валяющуюся на земле секиру. Калеку отпускают, вот-вот должен грянуть еще один залп.

— Берегись!

Копейщики делают свой ход. К этому моменту на открытом участке бойни остался лишь обезумевший ддшник, что в одного размотал стражника. Парень в последнюю секунду прячется за телом им же убитого непися. Копья проносятся мимо, разбиваются о щиты, словно град об асфальт.

— ОГОНЬ!

Ответный залп из стрел и энергетических сгустков улетает по направлению к копейщикам. Неписи разбредаются, резкими движениями, похожими на эпилептические припадки, уворачиваются от снарядов. На руку играет чудом оставшийся в живых каменный страж, здоровяк прикрывает копейщиков непробиваемой грудью.

— Берегись!

— ОГОНЬ!

— Берегись!

— ОГОНЬ!

Бесконтактный бой длится минут пять. Остывает пролитая кровь, воины восстанавливают дыхание. Руководители отрядов ходят между ранеными бойцами, лучшие устаиваются дефицитных пилюль с зелеными полосками, второстепенные персонажи обходятся синим свечением из рук хилеров. Постепенно ущельем овладевает тишина, которую изредка прерывает грохот разбивающихся о щиты копий, а также рев игрока, спрятавшегося за телом стражника. Контуженный ддшник после каждого залпа неписей срыгивает глотку:

— ЭТО ВСЕ, ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ, МРАЗИ ТУПЫЕ?! Я ВАС НА ЗАВТРАК СОЖГУ!

Иногда копья попадают в его укрепление, тогда парень орет с удвоенной злостью. Сам Туба уже дважды кричал, чтобы тот заткнулся, но ддшник будто не слышит, красные глаза и широченные зрачки жаждут лишь одного — крови...

Взаимная перестрелка выглядит совершенно бесполезной, оба соперника приноровились к попыткам друг друга. Десять последних залпов не принесли плодов ни одной ни другой стороне, однако изменения все же есть, копейщики меняют тактику, все чаще запускают снаряды парашютиком, чтобы перевалиться через непробиваемую завесу щитов. Для того, чтобы подобрать нужный угол, неписи шаг за шагом приближаются к пати, а Туба периодически командует оттягиваться назад, сохраняя безопасную дистанцию.

Мало того, что мы не приблизились на оговоренное расстояние к данжу, так теперь

Покровский вынужден разворачивать телегу и отступать под натиском сдающих назад танков. Положение дел выглядит плачевным, подбитое пати шаг за шагом отступает, даже не приблизившись к рейд-боссу.

Надежда на успех тает с каждой секундой, скорее всего, войско готовится к тому, чтобы отступить. Кажется, что Туба лишь тянет время. Танки отступают еще на пять метров, после чего пати-лидер подает знак — кулак врезается в ладонь.

Тот самый маг, что присутствовал на встрече с Русом, скидывает капюшон. Туба что-то объясняет, указывает пальцем на копейщиков, но парень его не слушает. Разводит руки в стороны и поднимает к небу. Ладони вспыхивают огнем, будто керосиновый фитиль, губы шепчут заклинание...

Одно дело наблюдать за кастом заклинаний на экране монитора, и совсем другое видеть своими глазами влияние сверхъестественного на окружающий мир. В ущелье поднимается ветер, небо затягивается облаками, прямо над головой закручивается черная воронка, в центре мелькают разряды молний. Белые ломаные полосы, что сопровождаются оглушающими раскатами, разжигают в эпицентре пламя. Едва заметный уголек постепенно разрастается, становится похожим вначале на огниво в печи, а вскоре его можно сравнить с жерлом вулкана.

Взгляды игроков устремляются в небо, даже лучники прекращают стрелять, наблюдая за надвигающимся апокалипсисом. Лишь копейщикам нет дела до конца света, дикари швыряют снаряды, приближаются к танкам.

— Берегись!

Летят копья. Танки крепче прижимают щиты к плечам, снаряды разбиваются в труху. Но одному неписю все-таки удалось подобрать силу и траекторию броска. Копье улетело почти вертикально в небо, прочертило над головой короткую дугу, и словно пикирующая птица, влетела в строй стрелков. Наконечник вошел арбалетчику в ключицу, вышел через спину и воткнулся в землю. Неестественная поза и широко открытые глаза — парень застыл будто статуя, по удерживающей его опоре, стекает алая кровь.

Еще одно копье врезалось в остатки стража, за которым прячется ддшник, шестое попадание в одно и то же место откалывает нависший над бойцом кусок. Камень размером с арбуз скатывается вниз и приземляется на правую сторону лица. Глаз, нос, щека и борода прячутся под стекающей со лба крови, вздуются множественные гематомы, синеет кожа.

Если ддшнику и хватало терпения сдерживать жалкие попытки дикарей, то развальцованное лицо стало последней каплей. Парень хватается за молот, бросается в атаку:

— А-А-А! — вопль отчетливо слышен сквозь поднявшийся ветер.

— Назад! Назад, идиот! НАЗАД! — орут и машут сразу пятеро командиров, лицо Тубы снова багровеет.

Поднимаю глаза к небу. Воронка разрослась до размеров купола воздушного шара, в центре, изрыгая пламя, висит огненный камень. Такое сложно вообразить, не увидев собственными глазами, словно сам всевышний приказывает небесам покарать смертных. Собирающийся по крупитцам шар начинает трястись, а затем падает...

Игроки замирают, разинув рты, танки опускают щиты, чтобы насладиться зрелищем, и лишь один контуженный ддшник мчится через все поле боя с молотом наперевес:

— На котлеты порублю, маугли!

Только сейчас до меня доходит, что мнимое отступление было продуманным планом. Тубе нужно было вытащить копейщиков из-под козырька пещеры, чтобы маг скастовал

локальный армагеддон. И все шло четко по плану, пока в уравнение не вклинилась неизвестная переменная в виде жаждущего отомстить ддшника.

Ветер достигает пиковых значений, начинается буря, странно наблюдать в пустыне порывы ливней, что встречаются в тропических лесах. Горящий гигант набирает скорость, рвущееся наружу пламя вытягивается огненным хвостом, уши застилает свистящий звук, сквозь который не слышишь собственного голоса.

На фоне летящего на землю метеорита, поднимающий пыль паренек выглядит не больше, чем муравей. Безрукий страж топает ему наперерез, копейщики отступают к пещере.

Огненный камень висит уже прямо над головами неписей, скорость срывает с поверхности сотни осколков, что становятся отдельными горящими ядрами.

Страж останавливается на пути ддшника, но что неповоротливый гигант без рук может сделать? Парнишка просто огибает его, приближаясь к отступающим копейщикам. Два прыжка доставляют его к самому входу в данж, молот оказывается в гуще неписей, начинает крошить.

Темнота разрывается режущей глаза вспышкой, уши застилает звон мегатонного взрыва, зыбучий песок дрожит под ногами, словно течение мелкой речушки.

Метеор сметает стража, словно бумажный кораблик, оставляя на его месте запекшиеся скальные образования. Лишь третья часть копейщиков попадает под прямой удар, пепел их тел тут же разносится ветром. Еще часть страдает от отколовшихся кусков, одних убило или покалечило ударами, другие безуспешно тушат налипшую на кожу массу, что горит с температурой в пару тысяч градусов. Крики страданий отбиваются эхом от скал...

Убивающий все живое камень по инерции катится дальше, кристаллизуя под собой песок. Понятия не имею, как работает прицеливание, и вообще можно ли определить угол падения метеорита, но закатить шар в лузу не получилось, небесное тело снесло край скального углубления, прокатилось еще около сотни метров, после чего остановилось.

Сорвавшийся ддшник подчистую сломал замысел командиров, метеорит погубил лишь половину копейщиков, но судя по доносящимся крикам, парень не о чем не жалеет.

Боец ближнего боя оказался в гуще стрелков, а тяжеловесные непробиваемые цели сменились человекообразными неписями. Парочка заточенных клинков принесла бы куда больше пользы, но и молот в умелых руках кое-что может. Будто внедрившийся в нервную систему вирус, парнишка рушит связи, поражает здоровые клетки.

Молот вращается со скоростью вентилятора. Лево, право, прыжок, подкат, присест, удар, пинок. После прикосновения молота к головам, они превращаются в кожаные мешочки с фаршем, а если кувалда прикладывается к груди, то тела неписей летают по пещере, словно теннисные шары. Ддшник в боевом экстазе успел слить еще половину от оставшихся, но затем его, как и половину бойцов пати, парализовал звериный рев...

Из пещеры высовывается медвежья пасть настигнутая клыками размером со средней длины клинками, а следом на свет показывается тело. Взбешенный гризли размером со взрослого слона одним махом расщепил ддшника на кусочки. Глядя в его свирепые глаза, я не заметил, как перестал дышать. Думаю, подобное испытали многие, а если кому-то этого не хватило, чтобы навалить в штаны, то ему помог второй гризли.

Медведи-великаны занимают места по бокам от входа в данж, пасти, шириной с гаражные ворота, изредка выпускают холодящие кровь ревы. Раз в секунду начинает сотрясаться земля, из пещеры показывается морда тролля...

Глава 21. Вир

Лысый череп, широко разведенные глаза, непропорционально маленькие ушки, слоновья кожа и рост под пятиэтажный дом. Выглядящий туповатым громила каждым шагом сотрясает землю, следом тащится дубина. Грубо отесанное дерево чертит на песке канаву размером с окоп для стрельбы из положения сидя. Вряд ли среди бойцов пати найдется тот, кто переживет удар бревном диаметром в пол человеческого роста.

— Медведей останавливать! Мирон, приготов...

Чья-то фраза обрывается на полуслове. Танки тычут пальцами в медведя, бурый стоит на задних лапах, из открытой пасти вместе с оглушающим раскатом бежит ударная волна. Едва заметная полоска будоражит верхний сантиметр песка, проходит через строй танков, растворяется где-то в первых рядах стрелков.

Я ощущаю, как невидимая волна проходит сквозь тело, не чувствую боли, недомоганий или головокружения, но извергаемая им энергия пугает. Сложно даже представить сколько усилий придется приложить, чтобы завалить такого амбала, а от мыслей, что их двое, не говоря уже о рейд-боссе, опускаются руки. Мы слишком мелочны по сравнению с природной мощью этих существ. Придающий уверенности пулемет теперь кажется однозарядным дробовиком в борьбе против озверевшего льва. Вспоминаю предупреждение Покровского о том, что тролль сагрится на меня, как только поймет, что я наношу бóльший урон. Гориллаподобный имбецил одним ударом разнесет в щепки всю нехитрую конструкцию на колесах, пулемет и нас с капитаном. Опускаются руки, почему именно я должен зажать чертову гашетку?

— ... паническая волна! Страх и мысли об отступлении не ваши, они навязываются кастом! Постарайтесь убедить себя в этом!

— Мирон! — возбужденные глаза Тубы возвращают меня к реальности. — Ты в порядке?!

— Ага, — киваю на автомате.

— Паша! Бафните пулеметчика, быстро!

Смотрю, как на задние лапы встает второй медведь, раскрывает пасть, легкие размером с комнату извергают еще одну волну. Дуга шевелящегося песка не успевает дойти до нас, как гриззли срываются с места.

Танки делятся на две группы, выстраиваются в нечто похожее на карманы, вторым слоем их окружают мечники и маги. Вперед выходят парни в легкой броне, вокруг них каствуют энергетические поля.

Шерстяные монстры прошли уже треть пути, когда пати настигла вторая волна. Мысли о том, что было бы неплохо переждать атаку под тележкой, затем перерезать горло Покровскому, украсть лошадь и под шумок свалить, растворяются вместе со свечением из рук Паши. Хилер болбочет незнакомые слова, мажет меня кастом благословения или вроде того, сковывающий страх приправленный упадческим депресняком исчезает. Наблюдаю за реакцией остальных.

По-другому, как изнасилованием мозга, это не назвать. Бородатые мужики со щитами, в испачканных кровью доспехах, что еще пару минут назад подставлялись под смертоносные удары и дождь копий, превращаются в трусливых школьников. Невооруженным глазом

видно, как трясутся руки, а лица искажаются нервными судорогами. Парни духом послабее предпочитают прятаться за спинами товарищей, а самые слабые плюют на честь и репутацию, отступают в тылы.

Лучников паническая волна цепляет лишь краешком, но привыкших прятаться за спинами крепких парней корежит еще больше. Пятеро игроков разворачиваются и, выкрикивая фразы о том, что мы все умрем, убегают. Кто-то спасается от страха, усевшись задницей на песок и размазывая сопли по лицу, кто-то ищет утешения в объятиях напарников по команде.

Принудительная имитация раздвоения личности длится секунд десять. Наблюдать за тем, как ведут себя игроки после прекращения анти-баффа — стыдно. Это как смотреть самое ужасное выступление певца, который уверен в своем мастерстве и первом классе исполнении. Человек не попадает в ноты, глотает окончания, фальшивит до рези в ушах и даже забывает слова, но представляет себя Майклом Джексон в лучшие годы. Талантище реально лагает, а переживаешь из-за этого ты, покрываешься гусиной кожей или даже краснеешь.

Так и смотреть на лица выходящих из паники игроков. Ребята вытирают слезы, поднимают брошенное оружие, выпускают из объятий соседей, и, делая вид, что ничего не произошло, готовятся к жесточайшей зарубе.

Медведи ускоряются с каждым прыжком, прут со скоростью пригородных электричек. Сложно представить, что может остановить эти шерстяные поезда.

Воздух вновь наполняется свистом летящих снарядов, копейщики выстроились по обе стороны от рейд-босса, выцеливают незащищенных игроков. Сам тролль не торопится бросаться в бой, идет медленно, будто перед каждым шагом проверяет прочность земли или ищет ловушку.

Парни, что стоят перед карманами — загонщики. Бросают в медведей метательные ножи, агрят на себя. Лезвия длиной с ладонь едва пробиваются через мохнатую гущу, царапают кожу. Ни о каком существенном ущербе и речи не идет, но комариных покалываний хватает, чтобы направить зверя.

Людской карман и загонщик действуют, как единое целое, перемещаются, подбирают нужный угол. Свиристая морда прет прямо на паренька, сразу за ним стоит загон из танков, хилеров и ддшников.

Хватаюсь за рукоятки пулемета, выцеливаю голову плетущегося, словно груженная баржа, тролля, поворачиваюсь к Тубе. Глаза пати-лидера бегут с медведей на меня и обратно, команду к стрельбе не подает. Жду.

Гризли подняли за собой почти непросматриваемую стену пыли, что играет нам на руку, копейщики хоть на время прекращают стрелять. Они уже совсем близко. Через десять метров мохнатая морда сожрет загонщика... как они собираются ЭТО остановить?

Паренек отскакивает в сторону за миг до того, как зверюга растопчет его в лепешку, разъяренная морда провожает загонщика кланьем зубов, по инерции прет в карман. Командир отряда хилеров собирает в руках темно-синий шар, губы произносят последнее слово. В руках будто что-то взрывается, возможно это особенность спела, а может быть маг неправильно произнес заклинание. Снаряд мчится в лобовую к медведю, отбрасывая своего создателя на три метра.

Магия — страшная сила. Не представляю, чтобы лук, булава, молот или меч могли сотворить что-то подобное. Шар врежется точно между глаз, ударная волна прокатывается

по гигантскому телу. Со стороны это выглядит так, как будто зверюга врезался в толстенное пуленепробиваемое стекло. Массы тела и силы оказывается достаточно, чтобы пробить невидимую преграду, но ценой каких усилий. В половину снижается скорость, мощнейший удар собирает складками шерсть, но самое главное — глаза. Целеустремленные и свирепые черные яблоки помутнели, гризли на автомате перебирает лапами, но с координацией и вниманием что-то случилось. Нет, маг не застал его до бессознательного состояния, но приглушил или контузил — точно.

Карман замыкается. На словах звучит здорово, на деле — трюк, граничащий с суицидом. Танки по щиколотку вкапываются в песок, выставляют щиты. Бронированные тела служат отбойными бортиками для улетающей с трассы фуры. Первых медведь сносит, не замечая, мнетя кованый металл, ломаются ребра, танки отлетают, как кегли в боулинге. Средняя линия обороны встречает уже наполовину замедлившуюся тушу, парни складываются, как карточные домики, но в отличии от первых, в состоянии сами подняться. Третья линия вяжет потерявшего управление медведя, как колючая проволока. Танки остаются на ногах, бьются щитами о мохнатое тело, пока медведь не останавливается полностью.

— В атаку! — ревет координатор группы.

Ддшники обступают зверя, словно муравьи загулявшего жука. Мутные глаза обретают ясность, медведь собирается с силами, приподнимает передние лапы, но вместо ужасающего крика, изо рта вываливается жалобный скулеж. Больше пятнадцати мечей одновременно протыкают зверюгу, часть из них делает это дважды, а некоторые даже трижды. Мохнатый издает предсмертный рев и заваливается на бок — чистая работа, чего не скажешь о второй группе...

Кастеру не хватает мощи, чтобы притормозить зверя, огненный шар врезается в рыло, загорается шерсть. Горящая туша злобно завывает и ускоряется, танки разлетаются в стороны, как игрушечные солдатики. Медведь машет лапой, желтые когти рвут доспехи, будто бумагу, бурый прет дальше.

— Стреляйте в лапы! — орет Туба.

Пати-лидер крикнул очень вовремя, отсидживающиеся в тылу стрелки уже готовы были броситься в бегство, когда увидели, что медведь прорвал преграду. Трясущиеся руки наводят оружие. Спуск.

Штук тридцать черных палочек устремляются в сторону врага, зверюга подобрался на расстояние не больше сорока метров, промазать в цель такого размера практически невозможно. Стрелы протыкают лапы, врезаются друг в друга, впиваются, словно голодные комары в открытый участок кожи. Не знаю, верил ли сам Туба, что такой мув чем-то поможет, но он сработал. Через десять метров медведь оттопыривает лапы в сторону, пытаясь стряхнуть жалящие стрелы, через двадцать метров, оставляя на песке кровавый след, лапы начинают заплетаться, еще через десять одна цепляется за другую, горящая туша спотыкается.

Настолько эпичный кульбит не увидишь даже в цирке. Толкаемый инерцией гризли переваливается через голову и приземляется на задницу. Свирепый монстр с непонимающим лицом выполняет команду сидеть, а обгоревшая голова испускает дым.

Прыжками и перебежками к зверю мчатся ддшники, порядком покоцанные парни хотят покончить с врагом, пока тот не очухался. На ходу достают мечи, подбирают ногу для атакующего прыжка, медведь орет...

Стрелки оказываются почти в самом эпицентре каста, ударная волна с максимальной концентрацией просачивается сквозь тела. Пять-шесть игроков, что стоят в самом конце, бросаются в бегство, остальные превращаются в пускающие слюни овощи, закрывают глаза, падают на землю, плачут и зовут на помощь.

Волна расходится на триста шестьдесят градусов, приближающиеся со спины ддшники получили гораздо меньшую дозу, но долбаный страх поселился и в их головах. Секундного замешательство мечников хватило, чтобы мохнач, ковыляя, вошел в ряды стрелков. Широченный размах лап сгребает в охапку чуть-ли не половину арбалетчиков, пасть окрашивается в красный. Ревущий гризли топчет и разбрасывает в стороны контуженных солдат, словно мухоморы. Отряд арбалетчиков превращается в скулящую горстку воинов, что испускают предсмертные хрипы.

Внимание отвлекает вспышка — скастовавший метеор маг играет с молнией. Тонюсенький лучик, словно из пьезовой зажигалки, разрастается сначала до толщины сварочной дуги, а затем превращается в издающую жуткий треск молнию, на которую невозможно смотреть не прищурившись. Разряд нарастает, увеличивается мощь, по выражению лица кастера похоже, что долго его не удержать. Смыкаются губы, за ними — руки. Маг хлопает в ладошки, провоцируя короткое замыкание, перепонки терпят давящий взрыв, безоблачное небо раскалывается ослепляющей кривой.

Молния ударяет гризли в затылок. Два стоящих рядом арбалетчика превращаются в пепел, медведь осаживается на задницу, на дымящейся макушке вспыхивает маленький, будто пламя свечи, пожарчик.

С места срывается Туба. Нечеловеческая скорость в течение секунды перемещает пати-лидера напротив приглушенного гризли. Руки заводят за спину двуручный топор. Бросок!

Секира разрезает воздух, будто винт промышленного вентилятора, пролетает расстояние в двадцать метров в считанные доли секунды, со смачным звуком вбивается в череп. Острие прячется внутри. Разъезжаются передние лапы, подбородок опускается на песок. Минус два...

— Под телегу!

Я аж дернулся, услышав крик в полуметре от себя. Покровский подпрыгивает с места кучера, разводит в стороны руки, заслоняя меня телом. Сразу четыре копыа дырявят капитана.

Спрыгиваю с телеги, парочка копий пробивает деревянный пол, еще три втыкаются в землю неподалеку. Испугавшаяся лошадь срывается с места, метров через пятнадцать скопычивается, скользит брюхом по земле. Из груди и левого бока торчат копыа.

Прячусь за телегой, поднимаю валяющийся внутри лук. Не высовывая головы, вдеваю стрелу в тетиву, наконечник смотрит почти вертикально вверх. Спуск!

Прищуриваю глаза, взмываю в небо. Пыль, что подняли гризли, осела, рассматриваю поле боя, как лежащую на столе карту. Невинный пустынный песок усыпали тела, кругом разлили десятки красных пятен, разбросали оружие и доспехи. Клочок земли размером с футбольное поле превратился в кладбище.

Обе стороны понесли значительные потери. От правильного строя воинов с распределением ролей, тактическими построениями, поддержкой и четким планом на данж осталась горстка измученных бойцов: шесть танков, пять ддшников, десять стрелков, три хилера и пара голов командного состава. На стороне неписей остался не коцанный рейд-босс и десяток мешающих, будто заноза в заднице, копейщиков. Те самые маугли, которых не

спалил метеорит, во второй половине боя наделали чересчур много проблем. Долбанные гризли развалили к чертям оборону и отвлекли на себя все внимание, кучка дышащих на один удар копейщиков под шумок минусовали занятых делом хилеров, ддшников и арбалетчиков.

Только сейчас Туба отдал команду мечникам — вырезать дикарей. С высоты птичьего полета отлично видно, как две темные фигуры, огибая поле боя по безопасным окружностям, мчатся к копейщикам.

Троль не получил и единицы урона, стопы размером с бильярдный стол все также аккуратно прощупывают почву под собой. Прошел половину расстояния. Времени на раздумья не остается, впрягаюсь в пулемет, оглядываюсь на Тубу.

— Лучники, целиться в глаза! Маги, готовим прокаст! Мирон, к бою!

Трясущиеся руки наводят прицел, мушка перемещается по открытым участкам кожи болотного цвета — ноги, руки, шея и голова. Только грудь и спину прикрывает самодельная броня — оторванные от транспортного вагона борта, связанные между собой цепями. Каждый шаг великана сопровождается металлическим постукиванием, ячейки якорных цепей впиваются в плечи.

Покровский говорил, что стрелять нужно выше нагрудника, опасался, что в голову не попаду, но сейчас я так не думаю, троль подошел уже слишком близко. Слышу, как арбалетки спускают стрелы. Через секунду следом летят энергетические сгустки, фаерболы и ледяные снаряды.

— Мирон, стреляй по готовности! — орет Туба, выковыривая из гризли топор.

Арбалетные болты протыкают ноги, руки, шею и голову, застревают в коже на глубине двух-трех сантиметров. Троль смахивает раздражающие палочки словно налипший песок, злится — губы обнажают гнилые зубы. Между пожелтевших прямоугольников торчат ошметки мяса, сочится коричневая жижа.

Следом прилетают магические снаряды. Огонь, лед, вода и материализованная энергия эффектно впечатываются в рейд-босса. В стороны летят искры и осколки льда, феерическое столкновение сопровождается треском и грохотом, а здоровяк даже не шевелится. Неуклюжие ноги не на долю секунды не замедлили шаг, а неповоротливый корпус не на сантиметр не отклонился назад. Похоже, непись обладает сопротивлением к магии.

В подушечки больших пальцев впиваются спусковые курки, грохот пулемета оглушает, окружающий мир превращается в звенящий шар. Свинцовые пчелы калибра восемь миллиметров жалят прямо в лоб, собравшаяся складками кожа разлетается ошметками, песок увлажняется зеленоватой жидкостью. Под натиском — пять сотен выстрелов в минуту, голова тролля опрокидывается назад, гигант останавливается.

Тело весом в пару десятков тонн кренится на спину, левая нога делает короткий шаг назад, чтобы удержать равновесие. Кажущаяся неостановимой машина проседает под моим надежным огнестрельным другом.

Поворачиваюсь к Тубе. Пати-лидер и парочка стоящих рядом бойцов открыли рты, возможно, они даже выдувают из себя стон восхищения, но временная глухота не позволяет слышать. Командующий машет рукой, за ним следует залп стрел и магических снарядов, троль впитывает, наклоняется еще ниже. Кажется, что самая малость отделяет тушу от неизбежного падения, но крутой изгиб оказывается замахом...

— ЫА-А-А-А! — пасть разрывается ревом.

Левая рука упирается в землю, здоровяк вытягивается вперед. Дубина чертит в небе дугу

со скоростью истребителя, воздух у наконечника воспламеняется, будто вокруг сгорающей в атмосфере кометы. Дубина плашмя вбивается в землю, скопившийся на конце заряд мчится вперед, оставляя после себя траншею.

Гудящее ядро пролетает в десяти метрах от повозки, раскидывая по полю стрелков и танков. Ударная волна опрокидывает телегу, ураганный ветер сдувает меня словно осенний лист.

Зыбучий песок не кажется таким мягким, когда падаешь на него с высоты второго этажа. Я ударился головой и сделал парочку кульбитов, рот непроизвольно выдавливает стон. Лежа на боку, наблюдаю, как приземляются обожженные снарядами тела. Тролль идет в атаку, скорость увеличилась вдвое, глаза горят яростью. Прет к перевернутой повозке.

— Поставьте телегу на колеса! — орет Туба.

Сражение достигло своей кульминации, стало плевать на распределение ролей, иерархию и субординацию. Хилер, командир отряда танков и безоружный стрелок кинулись к повозке.

Времени не осталось. Тролль разнесет пулемет в щепки секунд через двадцать. Петляя и спотыкаясь, бегу к телеге, боковым зрением вижу беспорядочные кровавые всплески вдали — ддшники добрались до копеечников, парочка острых мечей дырявят и обезглавливают надоедливых засранцев.

Мужчины уперлись руками в борта, хрипят и кряхтят, повозка кренится, а потом замирает в мертвой точке. Ускоряюсь, насколько это возможно, врезаюсь плечом, деревянная дура поддается, со скрипом опускается на колеса. Парни буквально закидывают меня наверх.

Становлюсь за пулемет, поднимаю глаза. Троллю осталось сделать всего пять шагов. Снова слышу разрезающий воздух звук, вращающийся топор Тубы засаживается в ногу, в стороны брызжет зеленая кровь.

— БЯ-А-А-А! — здоровяк спотыкается, опускается на колено.

Шанс. Кладу пальцы на курки, осматриваю боезапас, горка, сложенная из пулеметной ленты, уменьшилась, но оценить насколько — сложно. Вспоминаю слова Покровского о том, что опустошу весь боезапас за полминуты. В первый залп я досчитал до десяти, прежде чем убрать пальцы со спуска, а значит могу рассчитывать еще на двадцати секундную очередь.

Лоб тролля превратился в разорванную крышку — ошметки свисают на глаза, часть разбросало по песку, но судя по виднеющейся под ней белой кости — лоб не самое слабое место. Навожу мушку на шею, зажимаю гашетку...

Свинцовый град пуль сверлит грудь и шею, словно перфоратор. Сперва появляется небольшая ямка чуть ниже шеи, из которой под нагрудник стекает разбавленная зеленка, а через десять секунд, ямка превращается в горло небольшого вулкана, из которого брызжет зеленая лава.

Тролль орет что-то нечленораздельное, пытается прикрываться руками, отойти в сторону, но слишком поздно — я уже досчитал до пятнадцати, а значит около ста пятидесяти пуль распотрошили шею рейд-босса.

Огромное создание с туповатым взглядом заносит дубину для удара, деревья клонит на спину. Неуклюжие ноги сдают назад, пытаются удержать равновесие, но пятисекундная очередь в подбородок ставит точку. Громила заваливается под монотонный звук падающих гильз, вокруг тела поднимается пыль, как после сноса устаревшего здания.

Я услышал собственный рев только спустя десять секунд после того, как улетела последняя пуля. Пальцы до боли в подушечках давят на спуск, тело трясет от страха и адреналина, крик помогал с этим справиться.

Оглядываюсь по сторонам. Удивленные глаза Тубы бегают между мной и охваченной пылью тушей. Рядом топчутся всего человек пять, пати понесло чертовски большие потери, вытащили катку на соплях.

Остатки пати собираются в кучки, двигают к телеге. Испуганные и смертельно уставшие лица постепенно сменяются улыбчивыми и радостными. Измученные глотки выжимают жалкие возгласы победы, оседает облако пыли вокруг тролля. На мои плечи сыпется град похлопываний. Сквозь сплошной звон в ушах различаю комплименты красавца, мужик, молодцом. Охватывает неописуемое ощущение эйфории, по телу разливается приятная усталость от сделанного дела. Позволяю себе улыбнуться...

— Вир, — шепчет стоящий рядом стрелок.

— Вир! — тычет пальцем в гору командир танков.

— Вир! — ляпнул кто-то сзади.

— Вир, — пискнул еще один.

Вся обступившая меня рать тычет в черную точку на горизонте, их довольные лица снова искажаются страхом, бросают на меня косые взгляды.

Черная точка на горизонте стремительно приближается, уже через полминуты я различаю силуэт человека. Бежит быстро, преграды ландшафта преодолевает крутыми прыжками, кувырками и соскальзываниями.

— Ничего личного, Мирон, — Туба кладет руку мне на плечо.

С пятидесяти метров различаю правильно сложенного мужчину в костюме ниндзя. Черные ботинки, перчатки, штаны, куртка и балаклава, сквозь прорезь для глаз на меня смотрят ярко-зеленые глаза. Мужик на бегу достает из-за спины самурайский меч, лезвие светится кислотно-салатовым цветом, как кислота в мультиках.

— Не понял? — поворачиваюсь к Тубе.

— Беги, Мирон, — с сочувствием произносит пати-лидер.

Но бежать уже поздно. Последнее, что я увидел — падающего на меня ниндзя с занесенным за спиной мечом...

.....

Вот это облако похоже на замок из сказки про Алладина, вот это — на трубку мира, что курят индейцы, а это... Стоп! Я снова в лесу!

Вскакиваю на ноги, шишка больно впивается в босую ступню. Твою мать! Я опять голый! Что произошло?

В памяти всплывают картинки о данже, убитом тролле, радости и ниндзе, которого называют Вир. Свербят ублюдские слова Тубы ничего личного...

Что произошло? Кто такой этот Вир? И почему он убил меня? Почему Туба сказал ничего личного? Подставил меня?

.....

Спустя пять минут я иду по лесу, сбиваю шляпки мухоморов. Мои рассуждения ни к чему конкретному не приводят, а вопросов, на которые я не знаю ответов, с каждым шагом генерится все больше. Как часто мне так везло в игре? Избранный пулеметчик? Не слишком ли много внимания? Вдобавок все эти баги в ознакомительной локации...

Пропало желание играть. Посещает знакомое чувство: ты уже почти прошел

сложнейший уровень, но в самом конце накосячил и слился, а когда переходишь к последнему сохранению, то понимаешь, что его нет, и теперь тебе предстоит пройти все заново. В такие моменты я закрываю игру к чертям, а бывает, что и вовсе не возвращаюсь к ней.

Все, что сейчас хочу — найти выход. Уже и со счета сбился, сколько часов провел в Тизере.

Глаза прочесывают лес в поисках тропинки или дороги, натываются на черное движущееся пятно — на меня бежит Вир... Прыжок, двойное сальто, блеск кислотного лезвия...

.....

В следующий раз я реснулся в пустыне, долго крутил головой, но так и не увидел ничего кроме песка. Вир нашел меня через десять минут, копье с кислотным наконечником прилетело в грудь...

.....

Затем было пшеничное поле. В паре километров я разглядел дым, появилась надежда найти выход. Кислотная стрела сразила меня в пятистах метрах от чьего-то лагеря.

.....

— ... кардеболетинка, кардеболетинка, кардеболетинка, — произнес я десятый раз, сидя на острове, к которому плыл Вир.

— Ну и что ты думаешь? — спрашивает Димон, похлопывая по белой крышке капсулы.

— Точно не знаю. — дожевываю гамбургер. — Скорее всего, это связано с троллем.

Может его убивать нельзя, или тот, кто убьет, проклят становится.

— Но ты ж не один его бил!

— Да, но урона точно больше всех нанес, к тому же Покровский и Туба не один раз предупреждали, чтобы я стрелял только в тролля, — глотаю последний кусок. — Мыслей дофига. Может абуз какой-нибудь, или квест. Хз, что от этого Тизера ждать...

— И что собираешься делать?

— Все тоже, — отвожу Димона от капсулы, нажимаю кнопку.

— Ты рехнулся?! Сколько на экстренных выходах уже слил?!

— Пятьдесят, — залажу в капсулу. — Я должен узнать, как они кинули меня! А потом отомстить! Каждого собственноручно в землю зарою!

— Все закончится тем, что ты зароешься в долги. Просто признай, что тебе аккаунт заporоли. Не теряй голову, Мирон!

— Посмотрим, — ракушка закрывается, насосы сдавливают тело. — Кажется, зацепку я уже нашел...

Больше книг на сайте — Knigolub.net